

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

Юридический факультет
Кафедра гражданского права

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Сборник научных статей

Тверь 2025

УДК 347.6(082)
ББК Х404.5я43
А43

Ответственный за сборник:
научный руководитель,
доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой гражданского права
Тверского государственного университета,
декан юридического факультета О.Ю. Ильина

А43 Актуальные проблемы семейного права: сборник студенческих научных статей / под общ. ред. О.Ю. Ильиной. – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2025. – 121 с.

Настоящий сборник содержит научные статьи бакалавров, магистрантов и аспирантов юридического факультета Тверского государственного университета, интересующихся вопросами гражданского и семейного права.

Статьи представлены в авторской редакции.

Сборник рекомендован к опубликованию заседанием кафедры гражданского права от 07.02.2025 г., протокол № 7.

УДК 347.6(082)
ББК Х404.5я43

Оглавление

<i>Беляев Р.К.</i> Значение и виды организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	5
<i>Гневьшева А.В., Козлова А.И.</i> К вопросу о целесообразности признания юридической силы за фактическими брачными отношениями в период проведения специальной военной операции...	11
<i>Емельянова Д.С.</i> Изменение или расторжение соглашения об уплате алиментов в судебном порядке	16
<i>Ерёмин И.Д.</i> Актуальные проблемы правоприменительной практики по вопросу оспаривания соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей при банкротстве граждан	25
<i>Ермолаева Д.С.</i> Правовые аспекты постмортальной репродукции.....	32
<i>Жаринова Е.А.</i> Совместное проживание супругов как признак семьи традиционного типа	36
<i>Казаков И.Р.</i> Понятие криптовалюты как совместной собственности супругов	42
<i>Корешкова А.П.</i> Ответственность родителей, других родственников, иных членов семьи, сожителей за сексуальное насилие над детьми.....	50
<i>Мовсесян В.В.</i> Использование родовой фамилии в наименовании торговой марки	55
<i>Овсов Е.Е.</i> Права ребенка на общение с родителем, проживающим отдельно от ребенка.	61
<i>Перлова К.А.</i> Правовая природа договора о передаче ребёнка в приёмную семью	68
<i>Попов В.А.</i> Момент исчисления срока исковой давности раздела совместно нажитого имущества в контексте соблюдения принципа правовой определенности	73
<i>Сергиенко В.М.</i> Ограничение родительских прав как форма разлучения ребенка с родителями...	82
<i>Сорокина А.А., Сундатова О.В.</i>	

Защита личных неимущественных прав и нематериальных благ супругов:
вопросы теории и практики..... 86

Соснин В.В.

Проблема обеспечения интересов детей должника и детей кредиторов при
банкротстве 93

Фомина П.А.

Роль вооруженных конфликтов в повышении уровня семейно-бытового
насилия 100

Хмыз Э.В.

Правовое регулирование ответственности родителей за ненадлежащее
воспитание детей 106

Цветков Н.А.

К вопросу о необходимости закрепления принципа наилучшего обеспечения
интересов ребенка в семейном законодательстве Российской Федерации..... 113

Шишкова М.П.

Процессуально-правовые аспекты установления факта родственных отношений
в судебном порядке 116

Значение и виды организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Р.К. Беляев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируется значение организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Исследуются виды вышеуказанных организаций, формулируются предложения по совершенствованию системы организаций воспитания детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: воспитание, семья, дети-сироты.

Проблема детей-сирот является постоянным фактором в развитии человечества и на различных исторических этапах решается с учетом социально-экономических условий развития государства и общества. Так, при патриархальном укладе жизни заботу о сиротах часто брали на себя родственники и соседи. Помощь в воспитании сирот оказывала и Церковь. В начала XVIII века в России стали появляться специализированные учреждения для детей-сирот, которые в основном существовали на деньги благотворителей, в том числе, членов царской семьи.

В XX веке в России забота о детях-сиротах стала одной из важнейших задач государства. Сформировалась целая система организаций, которые занимались устройством детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Эта проблема особо актуализировалась во времена Великой Отечественной войны, в частности, для детей-сирот были созданы Суворовские училища.

Действующая Конституция Российской Федерации одной из первоочередных задач государства в отношении своих граждан, называет защиту материнства, детства и семьи [1]. «Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берёт на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения», – так звучит одна из поправок в Конституцию Российской Федерации. Поправка фиксирует главный тезис – семья, дети выступают главной гарантией успешного будущего России. Чтобы эта гарантия эффективно работала, в Конституции закрепляется защита детей, семейных ценностей как приоритет государственной политики.

Принцип приоритетной защиты прав и свобод несовершеннолетних постоянно развивается в действующем законодательстве, особенно следует выделить указы Президента.

В актуальный период важность вопроса о семье и детях может быть подтверждена, в том числе, изданием Указа Президента РФ от 01.06.2012 N 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы", а также Указа Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 "Об объявлении в Российской Федерации десятилетия детства". Правительством Российской Федерации был утвержден план мероприятий, определены цели и задачи данных мероприятий, а именно: укрепление и охрана здоровья детей, повышение качества и доступности медицинской помощи детям, создание благоприятных условий для гармоничного развития детей [5].

В настоящее время сформирована обширная нормативная база, регламентирующая вопросы, касающиеся детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что обуславливает актуальность исследования нормативно-правового регулирования организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Материальное обеспечение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в государственных организациях, соответствует стандартам качества жизни, но качество жизни предполагает ещё соответствующий уровень заботы, внимания и любви к детям, что не всегда возможно обеспечить в отношении абсолютно всех детей, находящихся на воспитании в организации. Законодательство о правах детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, базируется на основных принципах семейного права, среди которых особого внимания заслуживает обоснованный Н.С. Шерстневой принцип обеспечения качества жизни детей [9, стр.15].

Не менее значимыми являются и принципы воспитания детей в духе патриотизма и максимальной реализации потенциала каждого ребенка [7, стр.11]. На этих принципах должна основываться вся деятельность организаций и лиц, которые связаны с воспитанием детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что ставит задачу перед соответствующими организациями новых структурных подразделений, которые бы обеспечивали реализацию этих принципов.

Реализация задач по воспитанию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, зависит не только от структуры и деятельности организаций и иных способов устройства детей, а также и от численности в государстве таких детей. Статистика говорит о незначительном сокращении количества детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как в России, так и в Тверской области, в частности.

Численность изменялась следующим образом:

- Общее число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации составило 390 949 в 2021 году, 375 699 в 2022 году и 358 006 в 2023 году [10]. Эта статистика подчеркивает, что общее количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, падает в стране.

- Аналогичная ситуация отражена и в Докладе о деятельности уполномоченного по правам ребенка в Тверской области в 2023 году [11], их численность за 2021-2023 года составила: 3594 в 2021 году, 3415 в 2022 году, 3255 в 2023 году.

Статистика показывает общее количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, но важно показать особенности их правового статуса.

В соответствии с Федеральным законом от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», дети-сироты – лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель. А дети, оставшиеся без попечения родителей, – лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного родителя или обоих родителей в связи с лишением их родительских прав, ограничением их в родительских правах,

признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), объявлением их умершими, установлением судом факта утраты лицом попечения родителей, отбыванием родителями наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, уклонением родителей от воспитания своих детей или от защиты их прав и интересов, отказом родителей взять своих детей из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, а также в случае, если единственный родитель или оба родителя неизвестны, в иных случаях признания детей оставшимися без попечения родителей в установленном законом порядке [3].

Семейное законодательство определяет приоритет семейного воспитания, что предполагает усыновление или определение в приемную семью, или же определение опекуна или попечителя.

В соответствии со ст. 123 СК РФ, дети, оставшиеся без попечения родителей, подлежат передаче в семью на воспитание (усыновление (удочерение), под опеку или попечительство, в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью), а при отсутствии такой возможности временно, на период до их устройства на воспитание в семью, передаются в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, всех типов (статья 155.1 Кодекса). В соответствии со ст. 155.1 СК РФ, под устройством детей, оставшихся без попечения родителей, в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, понимается помещение таких детей под надзор в образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги [2]. Решение вопроса о форме устройства детей предполагает не только инициативу каких-либо лиц, желающих взять ребёнка на воспитание, а, прежде всего, интересы самого ребенка, а также особенности его здоровья, психологические характеристики и его предшествующий образ жизни.

Существует положительная тенденция сокращения в стационарных учреждениях общего количества детей, что является проявлением принципа приоритета семейного воспитания. В Тверской области, например, в период с 2021 по 2023 год в них проживали 323, 339 и 332 ребенка, соответственно.

Такой результат достигается совместными усилиями государственных органов, общественных организаций, которые проводят активную информационно-просветительскую работу. Вопросом семейного устройства детей занимаются и организации, где воспитываются дети-сироты, применяя такую форму, как проведение Дней открытых дверей для будущих приемных родителей.

Следует признать, что ни смотря на эту тенденцию сохраняется значение специализированных организаций, которые созданы для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что обуславливает важность исследования видов данных организаций.

Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» содержит определение организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, это образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги, в которые помещаются под надзор дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

Постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 г. N 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» [4], разграничивает данные организации по критериям оказываемых ими детям-сиротам услуг и ведомственной принадлежности организаций. Но, при этом, каждый вид организации имеет самостоятельное правовое регулирование, которое обусловлено специализацией направления их деятельности.

Так, основными услугами, оказываемыми медицинскими организациями, подчиняющимися Министерству здравоохранения РФ, являются:

а) организация и проведение мероприятий по охране здоровья детей, в том числе по комплексной оценке состояния здоровья детей, а также осуществление профилактических, диагностических, лечебных и оздоровительных мероприятий, направленных на предупреждение возникновения и рецидивов детских болезней и инвалидизации;

б) проведение медицинской реабилитации, комплексной медико-психологической и социально-педагогической реабилитации (психолого-педагогической коррекции) детей и их социальной адаптации.

Образовательные организации, подчиняющиеся Министерству образования РФ, оказывают следующие услуги:

а) реализация основных и дополнительных общеобразовательных программ;

б) реализация адаптированных основных общеобразовательных программ и дополнительных общеобразовательных программ.

Наконец, организации социальных услуг:

- предоставление социальных услуг детям, признанным нуждающимися в социальном обслуживании в соответствии с их индивидуальной потребностью.

Заслуживает внимания вопрос и о представительстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Если ребенок помещен в семью или под опеку, то усыновители, опекуны или попечители становятся его законными представителями, с той только разницей, что в дальнейшем деятельность усыновителей не подлежит надзору органов опеки и попечительства, когда в то же время деятельность опекунов и попечителей находится под постоянным контролем.

Но, наибольший интерес представляет реализация представительства в отношении детей, находящихся в организациях. Такое представительство называют публичным [8, с.11].

Действуя как представители прав и интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, эти организации взаимодействуют с

органами опеки, судами, образовательными учреждениями, а также государственными и негосударственными организациями. Кроме того, решаются вопросы направления детей на реабилитацию, получение медицинской помощи и профессиональной подготовки, представляя их интересы в различных социальных сервисах. В случае недобросовестного исполнения своих обязанностей, учреждения несут ответственность за нарушения и необеспечение благоприятной среды для проживания детей, что включает в себя не только физическую безопасность, но и психологическую поддержку, социальную адаптацию и развитие.

Устройство ребенка, оставшегося без попечения родителей, – один из видов социальной заботы. Оно состоит в том, что уполномоченный на это орган закрепляет за ребенком лицо (нескольких лиц), обязанное (совершать в его пользу в течение определенного времени или без указания срока фактически и (или) юридические действия, направленные на удовлетворение потребностей такого ребенка, а также отвечать за соблюдение законных прав и интересов несовершеннолетнего [6, с. 158].

Учитывая, что организации для детей-сирот предполагают специализацию по направлениям их деятельности, что подразумевает необходимость исследования каждого вида организации.

Следует признать невысокую степень эффективности деятельности организаций, которые занимаются воспитанием детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что предполагает совершенствование их законодательного регулирования.

Одним из направлений обоснование новых форм организаций, обеспечивающих воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые бы обеспечивали профессиональную ориентацию и определенную профессиональную подготовку ещё в период пребывания в соответствующей организации.

В связи с этим следует поддержать мнение Наруцкой Натальи Владимировны о включении в СК РФ статьи 155.4 «Обязанности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в отношении устроенных в них детей» [8, с.12], которые обязаны воспитывать детей, устроенных в них, заботиться о их здоровье, нравственном и физическом развитии, создавать необходимые условия для получения ими образования, готовить их к самостоятельной жизни.

Государство является основным гарантом законных прав и интересов детей, но особая роль государства проявляется в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Поскольку государство принимает на себя родительские обязанности, всё это требует специального изучения для определения оптимальных правовых режимов для реализации названной обязанности государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]

// Официальный интернет– портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>

2. Семейный кодекс Российской Федерации: принят 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 29 декабря 2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – 1 января. – № 1. – Ст. 16.

3. Федеральный закон от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. от 29.05.2024) "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // СПС КонсультантПлюс

4. Постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 г. N 481 "О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей"

5. Распоряжение Правительства РФ от 23 января 2021 г. № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г.»

6. Семейное право: Учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019 // СПС КонсультантПлюс

7. Кубеева З.Т. Конституционно-правовое регулирование защиты детства в Российской Федерации и в Республике Казахстан: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Кубеева Зульфия Тынымгереевна; [Место защиты: Саратов. гос. юрид. акад.]. – Саратов, 2019. – 33 с..

8. Наруцкая Н.В. Правовое регулирование отношений по устройству детей, оставшихся без родительского попечения, в организации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Наруцкая Наталья Владимировна ; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. – Москва, 2013. – 26 с. .

9. Шерстнева, Н.С. Принципы российского семейного права: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Шерстнева Надежда Степановна; [Место защиты: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. – Москва, 2007. – 59 с..

10. Доклад о деятельности уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации в 2023 году // Москва. 2024, с.29

11. Доклад о деятельности уполномоченного по правам ребенка в Тверской области в 2023 году // Тверь, 2024, с. 61

Об авторах:

Беляев Руслан Камоевич – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Правовые основы семьи и брака», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33).

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.
Подписано в печать: 31.01.2025 г.

К вопросу о целесообразности признания юридической силы за фактическими брачными отношениями в период проведения специальной военной операции

А.В. Гневыхева, А.И. Козлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые посвящены государственной регистрации брака в РФ. Рассмотрен вопрос целесообразности законодательного признания юридической силы за гражданским браком с лицом, погибшим или пропавшим без вести в связи с участием в специальной военной операции, либо в связи с проживанием или временным пребыванием на территориях осуществления специальной военной операции

Ключевые слова: фактические брачные отношения; брак; специальная военная операция.

Семейные отношения в силу их особой значимости для каждого человека и для общества в целом являются объектом особого нормативного внимания со стороны любого государства. Согласно ч. 1 ст. 38 Конституции РФ 1993 года, «материнство и детство, семья находятся под защитой государства» [1].

Несмотря на отсутствие в действующем законодательстве дефиниции брака, его ключевые признаки формализованы в нормативных актах, регламентирующих условия и порядок его заключения: добровольность, заключение союза мужчины и женщины (п. 1 ст. 12 СК РФ [2]), достижение брачного возраста (ст. 13 СК РФ), намерение создать семью (п. 1 ст. 27 СК РФ), а также регистрация в органах ЗАГС (п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 10, ст. 11 СК РФ; ч. 2 ст. 3, ст. 24-30 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [3]).

В Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [4] перечисленные признаки брачно-семейных отношений обозначены в качестве охраняемых государством традиционных семейных ценностей и дополнены целью рождения и (или) совместного воспитания детей, заботой и уважением супругов по отношению друг к другу, детям, родителям, устойчивостью и совместным бытом, взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к ее сохранению. При этом государственной регистрации брака отводится роль его легитимации со стороны государства, поскольку признается только брак, зарегистрированный в органах ЗАГС (п. 2 ст. 1 СК РФ), права и обязанности супругов возникают со дня государственной регистрации брака (п. 2 ст. 10 СК РФ).

В свою очередь, мужчин и женщин, проживающих вместе, но не регистрирующих свои отношения в органах ЗАГСа, в нашей стране немало. Кто-то такие отношения называет сожительством, кто-то – гражданским браком. Подчеркнем, в отечественном законодательстве понятие "гражданский брак" отсутствует, поэтому фактическое (незарегистрированное) соительство мужчины и женщины, вне зависимости от продолжительности их совместной жизни, наличия и количества общих детей не порождает личных и имущественных прав супругов, охраняемых семейным и иным отраслевым

законодательством. В РФ признается только официальный зарегистрированный брак.

По поводу признания фактических брачных отношений в юридической литературе давно ведется дискуссия.

Так, Н.А. Романова предлагает классификацию незарегистрированных браков, в которой выделяются в качестве отдельных видов «пробный брак», «повторный брак», а также «сожительство». Характеризуя последний, автор подчёркивает осознанное нежелание лиц в силу разных причин регистрировать в органах ЗАГС свои отношения, даже в случае рождения общих детей. По мнению Н.А. Романовой, лица, вступающие в фактические брачные отношения, не всегда имеют намерение в будущем заключить брак, чаще выбирают такую форму организации семейной жизни, которая является для них более предпочтительной по сравнению с зарегистрированным браком [10].

По мнению Н.Н. Тарусиной, фактический брак подвергнут правовой дискриминации. Необходимо обеспечить охрану и защиту интересов слабой стороны в фактическом браке. Если участники будут знать о равенстве возможностей, то прагматичный смысл ухода от «узаконения» отношений в значительной мере исчезает. Кроме того, квалификация фактических брачных отношений в качестве разновидности отношений гражданского оборота безнравственна. А именно это следует из полного юридического безразличия законодателя к судьбе фактических супругов [9].

В свою очередь, И.Р. Альбиков считает целесообразным принять специальный Федеральный закон РФ «О правовом регулировании фактических брачно-семейных отношений мужчины и женщины» или внести дополнения и изменения в действующее семейное законодательство, закрепив за фактическими супругами право заключать договор о совместной жизни, определяющий их права и обязанности в отношении имущества, приобретаемого в период их фактических супружеских отношений, при этом может быть установлен таким соглашением и режим совместной собственности [8].

Подобной позиции придерживаются Депутат Государственной Думы П.В. Крашенинников, Сенаторы Российской Федерации А.А. Турчак, А.А. Клишас, предлагая признание юридической силы за фактическими брачными отношениями.

Так, с целью обеспечения охраны и защиты интересов членов фактических семей в Государственную Думу представлен законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" [5], который предусматривает возможность признавать супругами граждан, если один из них погиб или пропал без вести во время участия в специальной военной операции (далее – СВО), а их отношения ранее не были официально зарегистрированы. Документ опубликован в Системе обеспечения законодательной деятельности, находится на стадии рассмотрения в первом чтении в Государственной Думе.

Для установления факта нахождения в брачных отношениях требуется совместное проживание не менее трех лет или не менее одного года при наличии общего ребенка и ведения общего хозяйства. В случае смерти или

признания безвестно отсутствующим одного из лиц, участвовавших в СВО, другая сторона брачных отношений имеет право установить факт брака в судебном порядке. Предлагается придать обратную силу положениям закона, то есть они будут применяться к установлению факта брачных отношений, возникших до дня вступления в силу данного закона.

Рассматриваемый законопроект предполагает устранение правовых пробелов, в частности, обеспечит юридические основания для распоряжения фактической супругой денежным довольствием фактического супруга, участвующего в СВО.

Так, решением Заволжского районного суда г. Ульяновска [7] исковые требования бывшей супруги, действующей в интересах несовершеннолетних детей о взыскании денежных средств с фактической супруги в качестве неосновательного обогащения, удовлетворены не были. Бывшая супруга, действующая в интересах несовершеннолетних детей, обратилась в суд с иском к фактической супруге о взыскании денежных средств. В обоснование иска указала, что 08.02.2023 умер отец их совместных детей – участник СВО. Наследниками погибшего в равных долях являются совместные дети. При принятии детьми наследства выяснилось, что после смерти участника СВО с его расчетного счета был снят один миллион рублей. Этими денежными средствами распорядилась фактическая супруга погибшего по своему усмотрению. Суд указал, что участник СВО по собственному волеизъявлению позволял распоряжаться последней поступающими на его счет денежными средствами. При этом, он не мог не знать, что распоряжение фактической супругой денежными средствами осуществляется без наличия на то правовых оснований, а, следовательно, в силу части 4 статьи 1109 ГК РФ у суда отсутствуют основания для удовлетворения иска о взыскании с фактической супруги неосновательного обогащения.

Полагаем, что установление факта состояния в брачных отношениях участника СВО и фактической супруги, в контексте рассматриваемого законопроекта, позволило бы четко определить принадлежность спорных денежных средств как совместного общего имущества, которое соответственно не входило бы в наследственную массу. Не было бы необходимости в судебном разбирательстве.

Предложенный законопроектом механизм защиты имущественных прав вдов бойцов специальной военной операции, которые состояли в «фактическом браке», способствует снижению нагрузки на судебные органы. В настоящее время для назначения единовременной материальной помощи на ребенка фактических супругов в связи со смертью отца – участника СВО необходимо, во-первых, установление отцовства в судебном порядке; во-вторых, обращение в суд с иском о взыскании единовременной материальной помощи.

Так, истица – фактическая супруга обратилась в суд в интересах несовершеннолетней дочери и просила взыскать с Министерства труда и социального развития единовременную материальную помощь в сумме 3 000 000 рублей [6]. В обоснование указала, что состояла в фактических брачных отношениях с участником СВО. Решением районного суда установлен факт

признания отцовства в отношении совместного ребенка. В связи с гибелью отца в ходе проведения СВО, истец обратилась с заявлением об осуществлении выплаты, в удовлетворении которого ей было отказано по основанию, что состав семьи определяется на день смерти военнослужащего. Однако, ввиду установления судом факта признания отцовства полагает, что иск подлежит удовлетворению. Таким образом, суд обязал Министерство труда и социального развития осуществить перечисление единовременной материальной помощи, предусмотренной Постановлением Правительства Новосибирской области от 13.04.2022 № 157-п "Об оказании единовременной материальной помощи членам семей военнослужащих, лиц, проходивших службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имевших специальное звание полиции, погибших (умерших) в результате участия в специальной военной операции, проводимой на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Украины с 24 февраля 2022 года" в размере 3 000 000 рублей.

Представленная правоприменительная практика свидетельствует о необходимости правового регулирования фактических браков с участником СВО. Принятие анализируемого законопроекта, на наш взгляд, станет гарантом защиты прав фактической супруги и детей, рожденных в таком браке.

Однако, нельзя не согласиться с мнением А.А. Карабанова: «Данная инициатива ставит под сомнение статьи 11 и 12 Семейного кодекса, где четко обозначается условие заключения брака. При заключении брака необходимо получить личное согласие, а от погибшего человека это сделать невозможно. И должно быть обязательно личное присутствие человека, что тоже исключено. Если человек не заключил брак по тем или иным причинам, значит, у него были на это основания. Можно допустить, что мужчина мог помогать не одной женщине. Вероятно, появятся несколько женщин, которые будут заявлять свое право на заключение брака с погибшим человеком. Точно возникнет мошенническая сфера, когда на рынке появятся базы погибших, и кто-то из женщин захочет на этом заработать» [11].

Так, в настоящий момент в Тверской области установлен факт регистрации фиктивного брака с участником СВО с аморальным расчетом получения от Министерства обороны тринадцати миллионов рублей, положенных вдове при гибели военнослужащего [12]. В связи с чем, опасения А.А. Карабанова не беспочвенны и свидетельствуют о необходимости правового урегулирования данного вопроса, в том числе посредством принятия анализируемого законопроекта.

Таким образом, хотя рассматриваемый законопроект имеет целью защиту прав членов фактической семьи, однако в некоторой части противоречит нормам действующего семейного законодательства. Нежелание заключать брак может быть продиктовано различными факторами. Уходя на СВО, лицо осознает, что в случае гибели фактическая супруга останется финансово незащищенной, и это не мотивирует его к заключению брака.

Встает закономерный вопрос: вправе ли государство принимать за гражданина такое решение, ведь оно влечет за собой серьезные правовые последствия!? На наш взгляд, нет. Если неоспоримые доказательства

прижизненного намерения лица вступить в брак или находиться и поддерживать именно брачные отношения отсутствуют, то признавать сложившиеся фактические отношения брачными оснований нет. Факт совместного проживания и ведения общего хозяйства, причем способы установления таких фактов законопроектом не предусмотрены, не могут, на наш взгляд, послужить неоспоримым доказательством прижизненного намерения лица вступить в брак.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Российская газета, N 144, 04.07.2020
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. N 1 ст. 16.
3. Федеральный закон "Об актах гражданского состояния" от 15.11.1997 N 143-ФЗ // Российская газета, N 224, 20.11.97.
4. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 года N 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации, N 35, 01.09.2014, ст.4811.
5. Проект Федерального закона N 539969-8 "О внесении изменений в Федеральный закон "О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.01.2024) // [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 25.11.2024).
6. Решение Центрального районного суда г. Новосибирска от 17 января 2024 г. по делу № 2-7767/2023 // [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Of2HNsq4pKLV/> (дата обращения: 01.12.2024).
7. Решение Заволжского районного суда г. Ульяновска от 23 января 2024 г. по делу № 2-242/2024 // [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vgLKZnklJbNB/> (дата обращения: 01.12.2024).
8. Альбикив Р.И. Фактические брачно-семейные отношения мужчины и женщины: теория и практика правоприменения: Автореферат дис. к.ю.н. – М., 2014. С. 20.
9. Тарусина Н. Н. Брак как общеправовая конструкция: грядут ли перемены? // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. N 2 (52). С. 60.
10. Романова Н.А. Фактический брак: юридическая сторона вопроса // Мир науки. Педагогика и психология. 2014. №2. // [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fakticheskiy-brak-yuridicheskaya-storona-voprosa> (дата обращения: 03.12.2024).
11. Замуж за бойца СВО посмертно: перспективы и риски законопроекта // БФМ.РУ. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/543666> (дата обращения: 10.02.2024).
12. Житель Тверской области фиктивно выдал замуж дочь за участника СВО ради денег // Вести-Тверь // [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti-tver.ru/dailynews/zhitel-tverskoy-oblasti-fiktivno-vydal-zamuzh-doch-za-uchastnika-svo-radi-deneg/> (дата обращения: 03.12.2024).

Об авторах:

ГНЕВЫШЕВА Анастасия Владимировна – студентка 4 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

КОЗЛОВА Анна Игоревна – студентка 4 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.
Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Изменение или расторжение соглашения об уплате алиментов в судебном порядке

Д.С. Емельянова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые посвящены изменению или расторжению соглашения об уплате алиментов в судебном порядке, исследуются условия, необходимые для этого, приводится анализ судебной практики.

Ключевые слова: алиментные обязательства, соглашение об уплате алиментов, изменение семейного положения, изменение материального положения.

Главной особенностью данной темы является сочетание гражданского и семейного законодательства. Часть 1 статьи 101 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) говорит о том, что «К заключению, исполнению, расторжению и признанию недействительным соглашения об уплате алиментов применяются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующие заключение, исполнение, расторжение и признание недействительными гражданско-правовых сделок» [2]. Подобное законодательное закрепление имеет под собой логическое обоснование, поскольку соглашение об уплате алиментов по сути своей сделкой, договором, заключенным между родителями несовершеннолетнего ребенка.

Согласно п. 53 Постановления Пленума Верховного суда РФ «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов»: «согласно статьям 99 и 100 СК РФ под соглашением об уплате алиментов понимается нотариально удостоверенное письменное соглашение между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем, а при недееспособности лица, обязанного уплачивать алименты, и (или) получателя – между законными представителями этих лиц относительно размера, условий и порядка выплаты алиментов» [3]. Из данного определения можно выявить сразу несколько признаков соглашения об уплате алиментов. Во-первых, для него характерна только письменная форма. Во-вторых, обязательно нотариальное удостоверение данной сделки. В-третьих, указание специального субъектного состава данной сделки – плательщик и получатель алиментов. Именно данные признаки отличают его от иных гражданско-правовых сделок, например, договоров содержания.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусмотрена статья 451, согласно которой «существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, является основанием для его изменения или расторжения, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа» [1]. Согласно данной норме, стороны договора могут обратиться в суд с требованием об изменении или расторжении договора, если произошло существенное изменение обстоятельств.

Аналогичная норма предусмотрена и в семейном законодательстве при

регулировании правоотношений, связанных с соглашением об уплате алиментов. Согласно части 4 статьи 101 СК РФ «В случае существенного изменения материального или семейного положения сторон и при недостижении соглашения об изменении или о расторжении соглашения об уплате алиментов заинтересованная сторона вправе обратиться в суд с иском об изменении или о расторжении этого соглашения. При решении вопроса об изменении или о расторжении соглашения об уплате алиментов суд вправе учесть любой заслуживающий внимания интерес сторон».

Существенные изменения обстоятельств в гражданском праве могут быть связаны с изменением социально-экономической ситуации, изменением правил и законодательства, изменением финансового состояния сторон и другие факторы, которые приводят к невыполнению или затруднению выполнения условий договора. В этих случаях суд может принять решение о его изменении или расторжении, либо принять иные меры по восстановлению равновесия интересов сторон.

В семейном праве изменение материального и семейного положения человека могут служить основаниями для изменения или расторжения соглашения об уплате алиментов судом. Если семейная или материальная ситуация сторон изменилась в связи с обстоятельствами, которые на момент принятия решения судом не были известны, либо изменились в силу иных причин, суд может изменить или расторгнуть такое соглашение.

Рассмотрим более подробно статью 101 СК РФ. При анализе данной нормы семейного права можно выделить несколько юридических фактов, необходимых для обращения в суд с исковым заявлением об изменении или расторжении соглашения об уплате алиментов. Во-первых, это существенное изменение семейного или материального положения одной из сторон. Во-вторых, это недостижение соглашения между сторонами об изменении или расторжении соглашения об уплате алиментов.

Исходя из текста данной нормы, она распространяется на обе стороны правоотношения: и на плательщика алиментов, и на получателя алиментов.

Обратимся более подробно к такому основанию для изменения установленного судом размера алиментов, как изменение материального положения одной из сторон.

В пункте 8 Постановления Пленума Верховного суда РФ «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» отмечено, что «решая вопросы об изменении установленного судом размера алиментов, суд должен исходить из того, что при определении материального положения сторон следует учитывать все виды их доходов (заработная плата, доходы от предпринимательской деятельности, от использования результатов интеллектуальной деятельности, пенсии, пособия, выплаты в счет возмещения вреда здоровью и другие выплаты), а также любое принадлежащее им имущество (в том числе ценные бумаги, паи, вклады, внесенные в кредитные организации, доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью)»[3]. Данное положение частично разъясняет нам содержание такого основания, как изменение материального положения. В

данном случае обозначается перечень источников дохода, которые учитываются при рассмотрении вопроса о состоянии материального положения одной из сторон.

В целом Пленум Верховного суда РФ не определяет понятие «изменение материального положения одной из сторон». Согласно пункту 61 Постановления Пленума Верховного суда РФ «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов», «под ухудшением материального положения истца понимается, например, снижение его заработка либо иного дохода» [3]. Пленум Верховного суда РФ приводит пример лишь одного случая изменения материального положения одной из сторон – ухудшение материального положения истца, однако стоит обратить внимание, что под данный термин подходят так же и ухудшение материального положения ответчика, и улучшение материального положения обеих сторон. По аналогии, можно предположить, что об ухудшении материального положения ответчика свидетельствует снижение его заработка или иного дохода, а под улучшением материального положения истца или ответчика может пониматься увеличение их заработка или иного дохода.

«Изменение материального положения сторон – изменение дохода плательщика, наличие значительного дохода у получателя алиментов в результате поступления на работу или занятия предпринимательской деятельностью. Однако размер не может быть уменьшен, если несовершеннолетний получатель алиментов был вынужден приступить к работе, чтобы иметь средства для жизни, а родитель уклоняется от уплаты алиментов» [7]. Такое определение приводится в учебнике «Семейное право» под редакцией Чефрановой Е.А. Здесь так же понятие определяется через приведение примеров, которые могут считаться изменением материального положения. Автор так же обращает внимание на такое основание, как вынужденность несовершеннолетнего работать. При таком факте размер алиментов не может быть уменьшен. Данная ситуация показывает, что ребенку настолько не достаточно денег, выплачиваемых в виде алиментов, что он зарабатывает их самостоятельно. При таких обстоятельствах, очевидно, что размер алиментов, указанный в соглашении об уплате алиментов, не может и не должен быть уменьшен.

«Материальное положение (т.е. уровень обеспеченности) каждой из сторон может быть оценено, в частности, с учетом размера среднедушевого дохода семьи, определяемого как совокупная сумма доходов каждого члена семьи, разделенная на число всех членов семьи» [6]. В данном случае автор разъясняет, что в целом понимается под материальным положением сторон. Исходя из этого можно определить, что подразумевает под собой его изменение. Изменение материального положения в данном контексте означает рост или падение доходов семьи, что может повлиять на ее уровень благополучия и обеспеченности. Учитывая среднедушевой доход семьи можно более точно определить, насколько финансово обеспечены стороны спора и насколько реальны их возможности содержания несовершеннолетнего ребенка. Таким образом, важно не только учитывать доходы отдельных лиц, но и

учитывать их статус в рамках общего дохода семьи, чтобы справедливо оценивать их материальное положение.

Анализ законодательства, разъяснений Верховного суда РФ и указанной выше специальной литературы показывает нам, что в целом, в семейном праве отсутствует легальное и полное определение понятия «изменение материального положения». Каждый судья, при рассмотрении дела, учитывает все обстоятельства, изложенные в позициях сторон, приведенные ими доказательства, на основании чего выносит решение. На практике это означает, что судом исследуются не только изменение доходов каждой из сторон, но и их прежнее финансовое положение, траты, необходимые для ребенка ежемесячно, трудоспособность обоих родителей и иные обстоятельства.

Ранее мы уже рассмотрели такое основание для изменения установленного судом размера алиментов, как изменение материального положения одной из сторон. Однако в пункте 4 статьи 101 СК РФ предусмотрено еще одно основание – изменение семейного положения одной из сторон. Проанализируем более подробно, что понимается под данным термином.

Как свидетельствуют материалы судебной практики, обычно, заявители указывают оба этих основания – изменение материального и семейного положения. Это соотносится с заключением брака и рождением детей, поскольку такое изменение семейного положения неизбежно влечет за собой изменение материального положения.

В пункте 61 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 26.12.2017 N 56 «под изменением семейного положения понимается, например, увеличение числа лиц, которым он по закону обязан предоставлять содержание» [3]. Выражая свою позицию, Пленум Верховного суда РФ, так же, как и в случае с определением изменения материального положения сторон, не раскрывает суть данного понятия, а указывает пример ситуации, которая может быть расценена как изменение семейного положения одной из сторон.

В пункте 8 того же Постановления говорится следующее: «при установлении семейного положения плательщика алиментов следует, в частности, выяснить, имеются ли у него другие несовершеннолетние или нетрудоспособные совершеннолетние дети либо иные лица, которых он обязан по закону содержать» [3].

Исходя из приведенных разъяснений, изменением семейного положения одной из сторон можно считать рождение у одной из сторон еще одного ребенка, нахождение у одной из сторон на иждивении членов семьи либо иных лиц, которые в силу закона имеют право на получение содержания от этого лица.

«При рассмотрении дел, связанных с изменением размера алиментов, под «семейным положением» следует понимать факт вступления плательщика алиментов в новый брак, факт наличия у плательщика алиментов иждивенцев в лице несовершеннолетних детей или иных нетрудоспособных членов семьи (например, родителей), находящихся на иждивении плательщика алиментов в силу закона» [4]. Попытка автора дать определение понятию, по сравнению с Пленумом Верховного суда РФ, приводит к формированию более широкого

перечня ситуаций, которые могут быть расценены в качестве изменения семейного положения одной из сторон.

Интерес представляет указание такого факта, как вступление в новый брак. Многие теоретики семейного права не учитывают данное обстоятельство, больше ссылаясь на такие факты, как рождение ребенка или появление иных иждивенцев на содержании у одной из сторон. Однако данный факт полностью соотносится с СК РФ, где в пункте 1 статьи 89 сказано, что супруги обязаны материально поддерживать друг друга. То есть новоявленный супруг, фактически, также может считаться иждивенцем, находящимся на содержании одной из сторон. Таким образом, нельзя забывать про данный юридический факт, как про один из вариантов изменения семейного положения.

«Изменение семейного положения сторон – наличие в семье плательщика лиц, которым он по закону обязан предоставлять содержание. Это в первую очередь наличие у плательщика алиментов других несовершеннолетних детей, которые при взыскании алиментов в прежних размерах оказались бы менее обеспеченными, чем дети, получающие алименты» [5].

В данном случае автор указывает на важность учета изменений в семейном положении при взыскании алиментов. Когда одна из сторон меняет свое семейное положение и появляются новые лица, которым она обязана предоставлять содержание, это может повлиять на размер алиментов, взыскиваемых на несовершеннолетних детей. В первую очередь речь идет о несовершеннолетних детях, которые должны быть обеспечены достойным уровнем жизни. В данном контексте необходимо установить справедливый баланс между потребностями всех детей, чтобы они не оказались менее обеспеченными в случае сохранения прежних размеров алиментов.

Относительно степени изменения семейного или материального положения, в п. 55 Постановления Пленума указывается следующее: «Изменение материального или семейного положения сторон может быть признано судом существенным и явиться основанием для удовлетворения требования об изменении или о расторжении соглашения об уплате алиментов, если материальное или семейное положение сторон изменилось настолько, что в случае, если бы такое положение имело место на момент заключения соглашения, оно не было бы заключено в связи с нарушением интересов любой из сторон соглашения, либо стороны заключили его на значительно отличающихся условиях» [3]. Таким образом, суд обязан выяснить степень изменения материального или семейного положения и разрешить вопрос об изменении или расторжении соглашения об уплате алиментов только в том случае, если обстоятельства изменились настолько, в данный момент это существенно нарушает интересы одной из сторон.

Рассмотрим следующее обязательное условие для рассмотрения судом требования об изменении или расторжении соглашения об уплате алиментов – недостижение соглашения между сторонами об изменении или расторжении данного соглашения.

В пункте 4 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26.12.2017 N 56 "О применении судами законодательства при

рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов" сказано: «Если между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем, а при недееспособности лица, обязанного уплачивать алименты, и (или) получателя алиментов – между законными представителями этих лиц имеется нотариально удостоверенное письменное соглашение об уплате алиментов (статьи 99, 100 и 106 СК РФ), требование о взыскании алиментов может быть рассмотрено судом, если одновременно с указанным требованием заявлено требование о расторжении соглашения об уплате алиментов и истцом представлены доказательства, подтверждающие принятие им мер по урегулированию данного вопроса с ответчиком во внесудебном порядке (пункт 4 статьи 101 СК РФ, пункт 2 статьи 452 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ), либо заявлено требование о признании соглашения об уплате алиментов недействительным» [3]. Это означает, что по таким требованиям обязательен досудебный порядок урегулирования спора. То есть сторонам, прежде, чем обратиться в суд с иском о расторжении или изменении соглашения об уплате алиментов, необходимо попытаться договориться между собой.

Рассмотрим судебную практику по данному вопросу. Примером такой ситуации может стать решение Заволжского районного суда г. Твери по делу №2-479/2023. [8] Истец обратился в суд с требованием о расторжении соглашения об уплате алиментов, заключенного между истцом и ответчиком.

В обоснование своих исковых требований истец указал, что между ним и ответчиком было заключено соглашение об уплате алиментов, определяющее размер, условия и порядок выплаты алиментов на общего несовершеннолетнего ребенка. В соответствии с условиями заключенного соглашения истец принял на себя обязательства, начиная с 05 октября 2018 года и не позднее 28 числа каждого месяца ежемесячно перечислять ответчику алименты на содержание несовершеннолетней дочери в размере 15000 руб. сроком до ее совершеннолетия.

Между тем, после заключения соглашения материальное и семейное положение истца существенно изменилось, в связи с чем он уже не имеет возможности по объективным причинам производить выплату алиментов на ребенка в ранее согласованном размере. Учитывая, что ответчик отказалась расторгнуть соглашение об уплате алиментов на содержание ребенка, истец вынужден обратиться в суд с иском о расторжении соглашения.

В феврале 2022 года истец вступил в новый брак, у него родился ребенок, что свидетельствует о существенном изменении семейного положения.

В момент заключения соглашения об уплате алиментов истец являлся индивидуальным предпринимателем, осуществляемая деятельность приносила доход, позволяющий уплачивать алименты в согласованной сумме. Однако впоследствии деятельность была прекращена по объективным причинам. С 03 октября 2022 года истец трудоустроен в ООО «Мегаполис» на должность механика с ежемесячным окладом на период испытательного срока 15 000 руб. (с учетом налогов). Указанные обстоятельства свидетельствуют об изменении материального положения истца в худшую сторону, в связи с чем имеются

основания полагать, что истец не имеет возможность выплачивать алименты в прежнем размере.

11 апреля 2022 года истец направил ответчику посредством почтовой связи предложение о расторжении соглашения об уплате алиментов, предоставив для письменного ответа срок – в течение 15 календарных дней. Ответчик уклонилась от получения почтового отправления, будучи осведомленной о факте его направления ей. От расторжения соглашения во внесудебном порядке ответчик отказалась.

В судебном заседании ответчик заявленные истцом исковые требования не признала и просила суд отказать в их удовлетворении, поскольку оснований для расторжения соглашения об уплате алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка не имеется. Дополнительно суду пояснила, что истец осведомлен о том, что у него имеются алиментные обязательства. Истец не приводит обстоятельств и не представляет доказательств того, что он не может найти работу с более высокой заработной платой. Если проанализировать вакансии, которые представлены в Тверском регионе, то автомеханики получают от 50 000 руб. ежемесячно. По ее мнению, представленный истцом в суд трудовой договор заключен для того, чтобы не оплачивать алименты в полном объеме. Кроме того, истец при заключении соглашения об уплате алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка мог предвидеть то, что он может вступить в новый брак и у него родятся дети. Материальное положение зависит только от самого истца.

При рассмотрении данного спора суд пришел к следующему. Сам по себе факт вступления истца в новый брак и рождение у него второго ребенка, не может служить основанием для расторжения нотариального соглашения об уплате алиментов.

Под существенным изменением материального или семейного положения сторон следует понимать такое изменение, при котором, если бы стороны могли это разумно предвидеть, такое соглашение ими не было бы заключено или было бы заключено, но на значительно отличающихся условиях. Таким образом, для правильного рассмотрения данного гражданского дела имеет значение, мог ли истец разумно предвидеть изменение своего материального положения.

Случаями, при которых человек не может разумно предвидеть изменение своего материального положения, являются неожиданные для человека события, то есть это некие внешние события, наступление которых не зависит от воли самого этого лица, например, наступление инвалидности вследствие ДТП. Однако в данном случае изменение материального положения вызвано исключительно действиями самого истца, который трудоустроился на работу с низкой заработной платой.

Расходы по содержанию ребенка должны нести оба родителя. Недопустимой, противоречащей интересам ребенка является ситуация, когда один из родителей устранился, всячески уклоняется от выполнения обязанностей по содержанию ребенка, когда мать ребенка своими силами и средствами обеспечивает ребенка.

Также суд при разрешении спора учитывает и тот фат, что истец является молодым трудоспособным мужчиной, имеющим возможность и обязанным предоставлять достойное содержание ребенка, соответствующее нуждам и потребностям его ребенка.

Суд полагает при этом, что данная позиция ответчика связана с его желанием избежать надлежащего выполнения алиментных обязательств перед его несовершеннолетней дочерью.

Истцом не доказано изменение его семейного или имущественного положения после заключения соглашения об уплате алиментов, настолько, что является основанием для расторжения соглашения об уплате алиментов; наличие у истца второго ребенка и получение официальной заработной платы в заявленном суде размере, автоматически не влечет за собой расторжение соглашения об уплате алиментов. В связи с чем, судом в удовлетворении исковых требований было отказано.

Анализируя данное судебное решение, можно сделать вывод о том, что для изменения или расторжения соглашения об уплате алиментов просто факта изменения материального или семейного положения одной из сторон недостаточно. Важно доказать, что такое изменение не позволяет выплачивать алименты в прежнем размере. Также, исходя из судебной практики, данное изменение должно носить внезапный характер, чтобы считаться существенным. То есть, в случае изменения материального положения, если сторона ссылается просто на уменьшение заработной платы в связи с переходом на низкооплачиваемую работу, необходимо привести дополнительные доводы и доказательства того, по какой причине сторона не может устроиться на более высокооплачиваемую работу.

В заключение хочется отметить, что важной и до сих пор не решенной проблемой в данной сфере является отсутствие какого-либо определения понятий «изменение материального и семейного положения сторон». Пленумом Верховного суда РФ предприняты попытки, однако этого, зачастую, недостаточно. В целях создания единообразного понимания судами данных терминов, я считаю необходимым законодательно закрепить их значение, а также определить единые критерии для определения реального изменения материального и семейного положения одной из сторон как основания для изменений для изменения или расторжения соглашения об уплате алиментов. Внедрение таких критериев может улучшить законодательство и привести к более обоснованным решениям в судах.

Список литературы

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс»// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (Дата обращения: 29.10.2024)
2. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (Дата обращения: 29.10.2024)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 56 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов" //

4. Акинфиева В. В. Изменение установленного судом размера алиментов на несовершеннолетних детей: анализ правоприменительной практики // *Ex jure*. 2022. № 2. С. 50–63.

5. Кузьмина, О. А. Изменение установленного судом размера алиментов, взыскиваемых на содержание несовершеннолетних детей (по материалам судебной практики) / О. А. Кузьмина // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. – 2021. – № 2(50). – С. 76-81.

6. Семейное право : учебник и практикум для вузов / Л. М. Пчелинцева [и др.] ; под редакцией Л. М. Пчелинцевой ; под общей редакцией Л. В. Цитович. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 330 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-06463-6. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 226 – URL: <https://urait.ru/bcode/535533/p.226> (дата обращения: 29.10.2024).

7. Семейное право : учебник для вузов / Е. А. Чефранова [и др.] ; под редакцией Е. А. Чефрановой. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 354 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16422-0. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 234 – URL: <https://urait.ru/bcode/531013/p.234> (Дата обращения: 29.10.2024).

8. Решение Заволжского районного суда г. Твери от 28 февраля 2023 года по гражданскому делу №2-479/2023 // Архив Заволжского районного суда г. Твери

Об авторе:

ЕМЕЛЬЯНОВА Дарья Сергеевна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Правовые основы семьи и брака», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33).

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.
Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Актуальные проблемы правоприменительной практики по вопросу оспаривания соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей при банкротстве граждан

И.Д. Ерёмин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

При рассмотрении темы несостоятельности физических лиц актуален вопрос оспаривания соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних при банкротстве граждан. Актуальность темы обуславливается социально-экономической значимостью такой категории, а также недостаточностью научной и практической разработки проблем комплексного применения законодательства в сфере несостоятельности (банкротства) и семейного законодательства. В статье представлен краткий обзор судебных решений, демонстрирующих коллизии применения правовых норм, недостаток в области теоретического толкования определённых терминов, а также иные проблемы, с которыми могут столкнуться стороны спора в процессе оспаривания алиментного соглашения.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, соглашение об уплате алиментов, недействительность сделок, алиментные обязательства, банкротство гражданина, несовершеннолетние дети, соблюдение прав кредиторов, соблюдение интересов несовершеннолетних.

Современное российское законодательство располагает наличием такого института, как несостоятельность (банкротство). В качестве основы правовой регламентации данного института выступает Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве) [2]. В 2015 году, после вступления в силу Федерального закона от 29.12.2014 № 476-ФЗ [3], своеобразным новшеством стало внедрение в действующую правовую систему механизма проведения банкротных процедур в отношении граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями. Развитие института в данном направлении способствует реализации государственной политики в части формирования и обеспечения стабильности экономики как одного из факторов жизнедеятельности общества.

С учётом приведённых обстоятельств в 2015 году возникла потребность в разрешении определённых вопросов правоприменительной практики. Целесообразность изучения такой правовой категории обуславливается необходимостью правильного и качественного понимания применения норм о банкротстве в целях оздоровления хозяйственной сферы и активизации деятельности участников экономического оборота.

В рамках настоящей научной статьи автором будут рассмотрены актуальные вопросы о применении судами в совокупности норм Закона о банкротстве и Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [1] по вопросу недействительности соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей при банкротстве граждан.

До 2017 года в судебной практике по вопросу признания недействительным алиментного соглашения на несовершеннолетних детей суды принимали

решения, в основном, руководствуясь позицией, что соглашения с указанными большими суммами платежей или процентами имеют целью своего заключения искусственное увеличение обязательств должника, и последующее за этим уменьшение размера конкурсной массы обязательно приводит к нарушению прав и законных интересов других кредиторов. С конца 2017 года ситуация изменилась с вынесением ВС РФ определения по одному весьма интересному делу. Предлагаем рассмотреть имеющиеся материалы дела [4].

Супруги оформили соглашение об уплате алиментов, по которому один из родителей обязался выплачивать на троих несовершеннолетних детей ежемесячно алименты в размере 90% от суммы заработной платы и иных доходов. Интересным обстоятельством является факт, что сделка была заключена через несколько дней после того, как в отношении этого супруга суд вынес решение о взыскании 8 100 000 руб. в пользу юридического лица. Впоследствии указанное решение стало основанием для обращения кредитора в суд для признания должника банкротом. К делу был привлечён финансовый управляющий, посчитавший, что заключённое соглашение об уплате алиментов является недействительным.

Суды первой и апелляционной инстанции отказали в удовлетворении заявленных требований арбитражного управляющего, а вот кассационный суд выдвинул позицию, что нижестоящими судами не были в должной степени исследованы обстоятельства дела, в том числе не была произведена оценка обстоятельства заключения соглашения об уплате алиментов через несколько дней после принятия решения суда в отношении супруга о взыскании денежных средств.

Рассмотрение дела по жалобам супругов перешло в Верховный Суд РФ, который отменил Постановление суда кассационной инстанции. Сложившаяся ситуация вызвала большой поток обсуждений как среди юристов-правоведов, так и специалистов, ведущих свою деятельность в области законодательства о недействительности (банкротстве).

Проводя анализ указанного Определения ВС РФ, автор делает следующие заключения. Де-факто, ситуация спора демонстрирует несколько признаков, говорящих о злоупотреблении своим правом супругов при заключении соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей:

- сделка заключена на дату, последующую за датой образования задолженности одного из супругов по решению суда;

- объём денежных средств, подлежащий выплате в соответствии с указанным соглашением, составлял основную часть дохода супруга-должника, в связи с чем не оставалось доступным средств ни для осуществления жизнедеятельности самого должника, ни, тем более, средств для удовлетворения требований кредиторов, что можно рассматривать как момент явного ущемления интересов одной из сторон спора;

- поскольку возникшая спорная ситуация вокруг алиментного соглашения имела место быть в период нахождения лиц в браке, другой супруг не мог не знать о наличии установленной по решению суда задолженности.

Однако, несмотря на все представленные выше аргументы, ВС РФ принял отличную позицию, сделав свои собственные определённые замечания. Так, суд однозначно дал понять, что в вопросе установления завышенного и чрезмерного объёма подлежащих выплате алиментов нужно исходить не из процентного показателя, а из абсолютной величины денежных средств, выделенных ребёнку. То есть в каждой конкретной ситуации нужно исходить из того, насколько итоговая сумма денежных средств будет превышать разумно достаточные потребности ребёнка в материальном содержании. Отдельно нужно выделить заявление суда о том, что при соотнесении таких категорий как права ребёнка на достойный уровень жизни и права кредиторов на получение от должника надлежащего исполнения своих обязательств баланс интересов возможен только в той ситуации, когда интересы детей будут поставлены выше.

Представленная позиция встретила неоднозначную оценку среди юристов-правоведов и специалистов, ведущих деятельность в области семейного права и законодательства о несостоятельности (банкротстве) [9], при этом, нельзя отрицать, что судебная практика арбитражных судов уже в достаточной степени восприняла данные новшества. Примечательным во всей сложившейся истории является тот факт, что вышерассмотренное Определение ВС РФ было принято в судебном составе под председательством И.А. Букиной, которая ранее в схожих по обстоятельствам спорах занимала несколько иную точку зрения.

Отдельно стоит выделить следующую позицию, которой придерживается автор настоящей работы. Сам по себе «баланс» при соотнесении прав и интересов ребёнка на определённый достойный уровень жизни и законных интересов кредиторов по общегражданским сделкам в обязательном порядке должен подразумевать собой именно равенство, по итогам которого одна из сторон спора не будет занимать необоснованно лидирующее положение. Однако, с учётом социальной направленности Российской Федерации, особенностей отечественного законодательства, сформировавшихся позиций в рамках правоприменительной практики, нельзя говорить именно о балансе интересов конкурирующих кредиторов, поскольку он является недостижимым ввиду особенностей физического, психологического и правового характера несовершеннолетних как лиц, занимающих наиболее слабую позицию в спорах о недействительности соглашения об уплате алиментов. В такой ситуации надлежит использовать другой термин – «гармонизация», о чём в своё время писала Ильина О.Ю [8].

Так, Верховный суд РФ положил начало новой позиции рассмотрения в арбитражных судах вопросов по признанию недействительным соглашения об уплате алиментов.

Очень важным вопросом с точки зрения изучения категории оспаривания алиментных соглашений по основанию, предусмотренному п.2. ст. 61.2. Закона о банкротстве, является вопрос последствий признания сделки таковой. В случае, когда соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей действительно признаётся судом недействительным, как нарушающее

имущественные права кредиторов, уже выплаченные денежные средства в счёт алиментов по соглашению не подлежат обратному взысканию, если отсутствуют соответствующие основания, закреплённые в п.2. ст. 116 СК РФ.

Несмотря на это, в действительности ситуация может сложиться другим образом. Так, в процессе рассмотрения спора, касающегося недействительности алиментного соглашения в порядке ст. 61.2. Закона о банкротстве, арбитражным судом [6] в такой ситуации был применён специфический подход. Как видно из материалов дела, суд обратил внимание, что сделка была признана недействительной в части, превышающей $\frac{1}{2}$ прожиточного минимума на детей, при этом дополнительно разъясняя, что действия матери несовершеннолетнего ребёнка при заключении такого соглашения об уплате алиментов можно расценить как недобросовестное поведение заинтересованного лица.

Учитывая сложившиеся обстоятельства суд допустил взыскание с матери ребёнка выплаченных алиментов в сумме, превышающей $\frac{1}{2}$ прожиточного минимума для детей. Особое внимание стоит уделить разъяснениям суда по данному поводу.

Так, подобное применение последствий недействительности алиментного соглашения не является обратным взысканием алиментов по смыслу ст. 116 СК РФ, а является реализацией механизма, предусмотренного ст. 61.6. Закона о банкротстве, в силу которого всё, что передано должником, а также изъято у должника по сделке, признанной недействительной по специальным основаниям, закреплённым в Законе о банкротстве, подлежит возврату в конкурсную массу.

В такой позиции суда можно найти определённую логику, а именно – целенаправленная защита интересов конкурсных кредиторов должника по общегражданским правовым сделкам от недобросовестного поведения сторон при заключении алиментного соглашения на содержание несовершеннолетнего, а также исключение каких-либо правовых эффектов совершения противоправной сделки, ведь иначе процесс оспаривания сделки не приведёт к необходимому результату. Тут можно сделать ремарку. Подобная логика не выдерживает критики, поскольку и без обратного взыскания недействительность алиментного соглашения всё же несёт весьма важное правовое последствие – уменьшается сумма, подлежащая уплате в качестве алиментов, что приводит к более эффективному пополнению конкурсной массы.

Как разъясняет п. 29 ПП ВАС РФ № 63, применение судом последствий по п.1. ст. 61.6. Закона о банкротстве описывается как императивное применение реституции в случае недействительности сделки. Именно такое действие и было совершено судом в рассматриваемом деле, при соответствующем аргументе, что обратное взыскание алиментов не производится. При этом, судом не было учтено то обстоятельство, что вопрос применения реституции нельзя рассматривать отдельно от признаков и правовой сущности платежей по сделке. В рамках банкротного дела рассматривался спор о недействительности алиментного соглашения, соответственно, правовая природа сделки –

осуществление алиментных платежей на содержание несовершеннолетних, как одна из обязанностей родителей по содержанию своих детей. Как было ранее отмечено, семейное законодательство представляет ограниченный перечень оснований обратного взыскания алиментов. Поскольку в деле о банкротстве рассматривался вопрос признания недействительной сделкой алиментного соглашения, правовая природа которого определяется в соответствии с семейным законодательством, нельзя рассматривать такие дела в отрыве от положений, закреплённых в СК РФ.

Представленный пример судебной практики демонстрирует нам наличие некоторой проблематики в действующем механизме банкротстве гражданина, когда тот является плательщиком алиментов.

На текущий момент, судебная практика не может однозначно предоставить ответ на сложившийся вопрос. Какие-либо комментарии со стороны Верховного суда РФ также отсутствуют. Изучая данный вопрос, можно сделать определённые предположения о комплексном применении норм СК РФ и Закона о банкротстве.

Так, представляется, что речь в ст. 116 СК РФ идёт исключительно о семейно-правовых отношениях и касается вопросов недействительности алиментного соглашения непосредственно в их рамках. В то время как недействительность соглашения по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, относится к другим правоотношениям, а именно – возникающим в области несостоятельности (банкротства), в связи с чем должны применяться другие нормы.

Тем не менее, автор настоящей статьи придерживается иного мнения. Как уже было представлено, соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей представляет собой специфическую семейно-правовую конструкцию. В контексте рассматриваемого вопроса такие категории как признание соглашения недействительным и применение последствий такой недействительности находятся на стыке семейных правоотношений и отношений в области несостоятельности (банкротства), соответственно, и применять нормы нужно в комплексе друг с другом. Здесь можно увидеть определённую двойственность в толковании соответствующих норм законодательства. В то время, как СК РФ исчерпывающим образом регламентирует перечень оснований, допускающих обратное взыскание алиментов при недействительности соглашения об уплате алиментов, Закон о банкротстве не содержит никаких ограничений по данному вопросу.

Следующий пример судебной практики [7] демонстрирует противоположный подход арбитражных судов к разрешению вопросов о применении последствий недействительности соглашений об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей. Как следует из материалов дела, общие обстоятельства, при которых алиментное соглашение оспаривалось, соответствуют обстоятельствам в ранее представленном примере, однако, в этот раз суд апелляционной инстанции удовлетворил жалобу апеллянта. В качестве одного из доводов к принятию такого судебного акта стало разъяснение суда о том, что недействительность алиментного соглашения по

основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, не входит в перечень оснований, закреплённых в ст. 116 СК РФ, при которых допускается обратное взыскание алиментов, ввиду чего выплаченные ранее суммы истребованию не подлежат.

Следующее же дело [5] демонстрирует нам случай, когда суд кассационной инстанции встаёт на сторону должника и кредитора-получателя алиментов в вопросе признания алиментного соглашения недействительным.

Как видно из содержания судебного акта, в счёт алиментов по соглашению должник передал недвижимое имущество – квартиру, а финансовый управляющий в указанных действиях нашел признаки недействительности сделки по ст. 61.2. Закона о банкротстве. Суды первой и апелляционной инстанций согласились с доводами заявителя и применили последствия недействительности сделки в виде возврата в конкурсную массу спорной квартиры целиком. Однако, судами не был учтён следующий момент, в соответствии с которым при возврате квартиры в конкурсную массу трое несовершеннолетних детей лишились причитающихся им алиментов, в счёт которых и была передана квартира. По факту, получение алиментов таким образом в форме передачи имущества по своей сути не могут быть замещены алиментами в денежной форме, потому что на момент признания соглашения недействительным должник уже признан банкротом. В связи с чем мы можем наблюдать ситуацию, когда судами нижестоящих инстанций допущено нарушение баланса интересов между несовершеннолетними детьми и иными кредиторами.

В рассматриваемом деле суды не учли положения п. 12. Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан», в соответствии с которыми алиментные соглашения могут быть признаны недействительными по заявлению финансового управляющего только в той части, в которой предоставление, причитающееся получателю алиментов, превосходит его разумно достаточные потребности. В данном споре после признания соглашения недействительным несовершеннолетние в целом остались и без жилья, и без подлежащих к выплате денежных средств. К тому же, судами нижестоящих инстанций также не был установлен признак чрезмерного характера размера алиментов по соглашению, что прямо говорит о нарушении норм законодательства о банкротстве и разъяснений ВС РФ.

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно заключить, что на текущий момент вопрос комплексного применения норм Закона о банкротстве и СК РФ по вопросу недействительности алиментного соглашения при банкротстве граждан не проработан в достаточной степени. Отсутствие конкретики со стороны законодателя и судов высших инстанций сказывается на формировании единообразия правоприменительной практики, в связи с чем полагаем необходимой дачу дополнительных разъяснений со стороны ВС РФ по обозначенным в настоящей статье проблемам.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 31.07.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // СЗ РФ. 1996 г. № 1. Ст. 16.
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 25.12.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // СЗ РФ. 2002 г. № 43. Ст. 4190.
3. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. N 476-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника" (в ред. от 29.06.2015) // СЗ РФ. 2015 г. № 1. Часть I. Ст. 29.
4. Определение СК по экономическим спорам Верховного суда РФ от 27 октября 2017 г. № 310-ЭС17-9405 // СПС «Гарант».
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.07.2023 по делу № А40-55452/20 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.09.2019 по делу № А03-8497/2016 // СПС «КонсультантПлюс»
7. Постановление Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда от 10.07.2023 по делу № А56-33803/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Ильина О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 Москва, 2006 374 с. РГБ ОД, 71:07-12/109 // URL: <http://www.dslib.net/civil-pravo/chastnye-i-publichnye-interesy-v-semejnom-prave-grossijskoj-federacii.html#>: (Дата обращения: 26.12.2024)
9. Покрышкин Н., Лысов С. Ключевые прецеденты в сфере банкротства за IV квартал 2017 года. – статья. / Журнал: Юридическая работа в кредитной организации. Выпуск № 1 (55). 2018. С. 30 – 37.

Об авторе:

ЕРЁМИН Илья Дмитриевич – аспирант первого года обучения, направление научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические науки)», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: eremin.ilya@list.ru

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.
Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Правовые аспекты постмортальной репродукции

Д.С. Ермолаева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Современные достижения в области вспомогательных репродуктивных технологий делают возможным искусственное оплодотворение не только при жизни потенциальных родителей, но и после смерти одного или обоих из них. В последнее десятилетие вопрос постмортальной репродукции стал особенно актуален из-за множества природных катаклизмов, роста онкологических заболеваний и военных конфликтов, что приводит к значительному числу смертей среди людей репродуктивного возраста. В России на сегодняшний день отсутствуют законодательные нормы, регулирующие использование посмертных репродуктивных программ, что создает множество сложных ситуаций и юридических вопросов. В данной статье проводится анализ правовых аспектов постмортальной репродукции. Выделяются проблемные вопросы в данной сфере, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: *постмортальная репродукция; криоконсервация; репродуктивные технологии; установление отцовства.*

Под постмортальной репродукцией понимается рождение ребенка после смерти одного из родителей с помощью оплодотворения без его участия. Изначально этот термин в основном относился к случаям, когда ребенок рождался после смерти отца, но также применялся и к детям, появившимся на свет после смерти матери. С развитием новых технологий данный термин стал охватывать более широкий спектр ситуаций.

Далее рассмотрим правовые аспекты регулирования отношений, связанных с использованием репродуктивных технологий. Семейный кодекс Российской Федерации закрепляет право лиц, состоящих в браке и давших свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона [1].

Право граждан на криоконсервацию и хранение своих половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов за счет собственных средств и других источников, предусмотренных законодательством Российской Федерации, закреплено в статье 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2]. В отличие от Семейного кодекса Российской Федерации, этот федеральный закон предоставляет возможность использования репродуктивных технологий не только супругам, но также сожителям и одиноким женщинам при наличии информированного добровольного согласия.

Семейный кодекс, в свою очередь, касается только живых лиц. Однако если ребенок рождается от родителей, состоящих в браке, или в течение трехсот дней после расторжения брака, его отцом признается супруг (или бывший супруг) матери, если не представлено иное доказательство.

Безусловно, рассматриваемый вопрос имеет множество аспектов, в том числе этических [5].

Правовые аспекты посмертной репродукции в первую очередь касаются вопросов информированного согласия на проведение посмертной

репродуктивной программы, управления гаметами и эмбрионами после смерти одного или обоих родителей, забора и использования генетического материала после смерти, а также установления происхождения и защиты имущественных и других интересов детей.

Порядок использования генетического материала в случае смерти или недееспособности пациента определяется его волей, зафиксированной в соответствующем информированном согласии, подписанном в медицинском учреждении. Однако учитывая важность и правовые последствия реализации такой программы после смерти пациента, рекомендуется нотариально заверить эти распоряжения. В таком случае жена или невеста покойного сможет легально использовать его генетический материал.

Следует также учитывать, что, если мужчина не состоит в браке, он может передать право распоряжения своим генетическим материалом родителям или другим родственникам, которые в случае его смерти могут организовать посмертную репродуктивную программу с использованием этого материала, который будет рассматриваться исключительно как донорский.

Тем не менее, сочетание программы гестационного суррогатного материнства с программой донорства ооцитов для родителей или других родственников умершего в России невозможно, поскольку воспользоваться такой программой могут только супружеские пары или одинокие женщины, при условии использования собственного генетического материала.

Также необходимо обеспечить защиту прав и законных интересов детей, рожденных в результате программ постмортальной репродукции, путем внесения изменений в статьи 1116 и 1166 Гражданского кодекса РФ. Согласно действующим нормам, к наследованию призываются лица, зачатые при жизни наследодателя, но родившиеся после открытия наследства. В случае, если ребенок рождается в результате посмертной программы суррогатного материнства, ему следует выделить соответствующую долю из наследственной массы. Статья 1166 ГК РФ уже защищает интересы зачатого, но еще не родившегося ребенка, указывая, что раздел наследственной массы может осуществляться только после его рождения. При реализации посмертной репродуктивной программы факт криоконсервации генетического материала можно рассматривать как аналог прижизненного зачатия, даже если само зачатие происходит после смерти генетического отца [4].

Существует также другой подход: раздел наследства должен осуществляться лишь в том случае, если посмертная репродуктивная программа не привела к рождению ребенка, а генетический материал исчерпан или не может быть использован из-за низкого качества.

Дополнительно следует защитить наследников умершего от притязаний недобросовестных лиц, которые могут использовать рожденного от наследодателя ребенка для получения прав на наследство. Неограниченные сроки принятия наследства могут создать правовую неопределенность и неоправданно ограничить права других лиц. Поэтому необходимо установить в законодательстве срок, в течение которого должно быть проведено постмортальное оплодотворение.

В качестве приемов юридической техники, которые наиболее эффективно могут быть использованы при регулировании отношений постмортальной репродукции, следует назвать юридические фикции. А.В. Маркосян отмечает, что «в действующем российском семейном законодательстве число юридических фикций уже существенно выросло ввиду появления правового регулирования отношений, связанных с искусственным оплодотворением и имплантацией эмбриона».

Очевидно, что постмортальная репродукция затрагивает права и интересы не только пережившего супруга и родственников обоих партнеров, но и будущего ребенка, врача, а также общества в целом. Использование юридических фикций в регулировании этих отношений позволяет устранить неопределенности. Например, с помощью юридической фикции можно установить, что матерью ребенка, зачатого и рожденного после смерти донора с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, будет считаться женщина, которая имела право на использование и фактически воспользовалась генетическим материалом. Это право должно быть четко зафиксировано, чтобы избежать потенциальных конфликтов в будущем. В частности, необходимо получить письменное согласие донора на использование его генетического материала как при жизни, так и после смерти. Важно также доказать, что умерший не возражал бы против рождения ребенка после своей смерти. Проблема заключается в том, что во многих случаях доказать согласие умершего на постмортальную репродукцию невозможно.

В любом случае необходимо предотвратить возможность недобросовестного поведения со стороны заинтересованных лиц. Следует подтвердить, что, если бы умерший был жив, он действовал бы именно так.

Если женщина по состоянию здоровья не способна выносить или родить ребенка и вынуждена воспользоваться услугами суррогатной матери, законодательство должно четко устанавливать, что в этом случае матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, имеющая право на генетический материал и заключившая договор о суррогатном материнстве, а не суррогатная мать. В свою очередь, отцом ребенка, рожденного суррогатной матерью, будет считаться донор генетического материала, то есть бывший супруг женщины, заключившей соглашение с суррогатной матерью.

Таким образом, права на репродукцию в данном аспекте уже предусмотрены действующим законодательством, однако необходимо также закрепить право на посмертную репродукцию. Реализация этого права должна быть связана с выражением воли физического лица на случай его смерти.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Об охране здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. о 31 декабря 2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации.. 2011. № 48. Ст. 6724.

3. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Минздрава России от 30 августа 2012 г. № 107-н // Российская газета. 11 апреля 2013 г. № 78/1.

4. Стоянова А.С., Демидова Г.С. Регулирование постмортальной репродукции в России с точки зрения права // Общественные и экономические науки. Студенческий научный форум. Электронный сборник статей по материалам III студенческой международной научно-практической конференции. Москва: Изд. «МЦНО», 2018. № 3 (3) С. 237 (дата обращения: 21.11.2024)

5. Филимонова И.В. Проблемы правового регулирования постмортальной репродукции в семейном законодательстве России // Политика, государство и право. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://politika.snauka.ru/2015/02/2333> (дата обращения: 11.09.2024).

6. <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pravo-na-prodolzhenie-roda-i-sokhranenie-reproduktivnogo-potentsiala-strany/>

Об авторе:

ЕРМОЛАЕВА Дарья Сергеевна – студентка 1 курса магистратуры программы подготовки «Правовые основы семьи и брака» ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: dsermolaeva1@edu.tversu.ru

LEGAL ASPECTS OF POST-MORTEM REPRODUCTION

D.S. Ermolaeva

Tver State University, Tver

Modern advances in assisted reproductive technologies make artificial insemination possible not only during the lifetime of potential parents, but also after the death of one or both of them. In the last decade, the issue of post-mortem reproduction has become especially relevant due to the multitude of natural disasters, the growth of cancer and military conflicts, which leads to a significant number of deaths among people of reproductive age. To date, there are no legislative norms in Russia regulating the use of postmortem reproductive programs, which creates many difficult situations and legal issues. This article analyzes the legal aspects of postmortem reproduction. Problematic issues in this area are highlighted, and ways to solve them are proposed.

Keywords: postmortem reproduction; cryopreservation; reproductive technologies; establishment of paternity.

About author: ERMOLAEVA Darya Sergeevna – 1st year student of the master's degree program "Legal foundations of family and marriage" Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: dsermolaeva1@edu.tversu.ru

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.
Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Совместное проживание супругов как признак семьи традиционного типа

Е.А. Жаринова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается право супругов свободно выбирать место пребывания и жительства. Выявлены противоречия в действующем законодательстве. Рассмотрена судебная практика, в которой раздельное проживание является основанием для отказа в удовлетворении требований.

Ключевые слова: право супругов свободно выбирать место пребывания и жительства, семья традиционного типа, фиктивный брак, фактическое прекращение брачных отношений, невозможность дальнейшей совместной жизни супругов.

Актуальность обозначенной темы можно обосновать следующим. В мире начинают преобладать новые формы построения взаимоотношений, в том числе и семейных. К таким формам относятся: полиамория, полигамия, серийная моногамия, гостевой брак, открытый брак/свободные отношения и многое другое.

В Российской Федерации преобладают семьи традиционного типа. Они же в соответствии со смыслом курса поддержания традиционных ценностей, провозглашенного Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6], являются приоритетной формой построения семейных отношений и пользуются поддержкой государства.

Рабец А.М. считает, что семья традиционного типа представляет собой «семью, состоящую из совместно проживающих родителей-супругов и их детей, как совершеннолетних, так и несовершеннолетних» [10]. Как видно из указанного определения совместное проживание является одним из признаков семьи данного типа.

В связи с изложенным стоит разобраться с тем, почему же совместное проживание все же является наиболее более приоритетным и выгодным для супругов нежели те формы построения отношений, которые распространяются на Западе.

Совместное проживание супругов является личным неимущественным правом. Как известно, правовое регулирование личных отношений минимально и направлено на конкретизацию и реализацию закрепленных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина.

В соответствии с ч. 1 ст. 27 Конституции РФ за каждым гражданином признается право выбирать место пребывания и жительства [1]. Вступление в брак не ограничивает признанных свобод личности и не влечет ограничений в правах супруга как гражданина.

Семейный Кодекс РФ не устанавливает обязанности супругов проживать совместно. Следуя положениям Конституции РФ Семейный Кодекс РФ закрепляет за каждым из супругов свободу выбора места пребывания и

жительства (п. 1 ст. 31 СК РФ) [3].

В соответствии со ст. 20 ГК РФ «место жительства – это место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает» [2]. В свою очередь, Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» определяет место пребывания как «гостиницу, санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, туристическую базу, медицинскую организацию или другое подобное учреждение, учреждение уголовно-исполнительной системы, исполняющее наказание в виде лишения свободы или принудительных работ, либо не являющееся местом жительства гражданина Российской Федерации жилое помещение, в которых он проживает временно» [5].

Супруги, как правило, проживают совместно. А в случаях, когда один из супругов по тем или иным причинам (например, выполнение профессиональных обязанностей, обучение в высшем учебном заведении и т.п.) переезжает к новому месту работы или службы, семья следует за ним. Однако такой обычай вовсе не обязателен, другой супруг имеет право принять самостоятельное и добровольное решение о переезде независимо от супруга, изменяющего место жительства [12]. Решение о перемене места жительства возможно принять или изменить в любое время.

Таким образом, если один из супругов изменил место жительства, то у другого супруга не возникает юридической обязанности следовать за ним, независимо от причин такой перемены [9].

Семейный Кодекс РФ не единственный кодекс, закрепляющий гарантии для каждого из супругов на свободный выбор места пребывания и жительства. Например, Жилищный Кодекс РФ предусматривает, предоставление льгот по оплате коммунальных услуг (ст. 159), выплату денежных средств при переезде супруга в другую местность на постоянное место жительства и т.п. [4].

На первый взгляд норма, закрепляющая право свободного выбора места пребывания и жительства, представляется простой по сравнению с остальными нормами семейного права. Однако при детальном комплексном рассмотрении и анализе положений Семейного Кодекса РФ можно выявить несколько, порождаемых ей, противоречий.

Во-первых, существующая редакция ст. 31 СК РФ между правом выбора места пребывания и жительства (п. 1) и обязанностью супругов строить семейные отношения на основе взаимоуважения, взаимопомощи, содействия благополучию и укреплению семьи (п. 3) отдает приоритет первому. Однако представленное ранжирование представляется не верным. Исполнение указанных в п. 3 обязанностей без совместного проживания трудно достижимо, особенно это касается укрепления семьи. Кроме того, оно не соотносится с господствующей традицией совместного проживания супругов (если рассматривать как одну из традиционных ценностей), за исключением некоторых «уважительных» обстоятельств, например, выполнение профессиональных обязанностей, обучение в учебном заведении и т. п.

С моей точки зрения, верный способ устранения данного противоречия был предложен Тарусиной Н.Н. Согласно ему, необходимо перенести положения,

закрепленные в п. 3, в начало ст. 31 СК РФ [11].

Во-вторых, соотношение данного права и признака фиктивного брака. В судебной практике по признанию брака недействительным раздельное проживание супругов рассматривается в качестве веского доказательства, подтверждающего факт отсутствия намерения создать семью. Следовательно, происходит некоторое размывание границ между правом супругов свободно выбирать место пребывания и жительства и злоупотреблением права на заключение брака.

В-третьих, разграничение раздельного проживания как реализацию права, закрепленного в п. 1 ст. 31 СК РФ, и как факта, свидетельствующего о фактическом прекращении брака (в совокупности с отсутствием поддержки отношений в других формах). Данный вопрос приобретает особую актуальность при установлении возможности применения правил об отступлении от режима совместной собственности, предусмотренных п. 4 ст. 38 СК РФ. Затруднения могут возникнуть и при установлении момента фактического прекращения брачных отношений, в случае, если рассматриваемое право постепенно привело к прекращению отношений.

В-четвертых, соотношение рассматриваемого права и ст. 21-23 СК РФ, регулирующих расторжение брака [8]. Так в соответствии с п. 1 ст. 22 СК РФ для расторжения брака суд должен установить невозможность дальнейшей совместной жизни супругов и сохранения семьи. Однако, в случае, если супруги, реализовали свое право на выбор места пребывания и жительства, и изначально не проживали совместно, суду гораздо сложнее установить обозначенные факты и обосновать свое решение.

Указанные проблемы свидетельствуют о том, что семейное законодательство, тем или иным образом касающееся данного права, сложнее чем может показаться на первый взгляд, и в связи с этим требует большего внимания.

В судебной практике также не все однозначно. В одних случаях суды учитывают право свободного выбора супругами своего места пребывания и жительства, а в других нет.

Например, сославшись на возможность выбора места жительства супругами, суд счел обоснованным не учитывать жилое помещение, принадлежащее одному из них, для целей признания прав на жилищную субсидию.

Также встречаются решения, когда правом места жительства обосновывалась возможность состоять на регистрационном учете нуждающихся в улучшении жилищного положения в силу изменения семейного положения [7].

В Апелляционном определении Свердловского областного суда было подчеркнуто, что «супругам для получения социальных выплат на ребенка вовсе не обязательно проживать совместно, поскольку ежемесячные выплаты в связи с рождением ребенка назначаются независимо от факта их совместного проживания. Доходы обоих раздельно проживающих супругов учитываются при расчете среднедушевого дохода семьи для целей назначения ежемесячного

пособия на ребенка» [13].

С решениями, в которых рассматриваемое право учитывается, все довольно понятно. Более примечательными являются позиции судов, в которых факт раздельного проживания является основанием для отказа в удовлетворении исковых требований.

Так, Карачаевский городской суд рассмотрел дело об установлении факта иждивения по заявлению А.Г. Ординой и постановил: несмотря на то что А.Г. Ордина была супругой умершего в результате профессионального заболевания А.С. Ордина и являлась на момент смерти нетрудоспособной, она не может быть признана находившейся на его иждивении. В установлении факта иждивения было отказано, поскольку заявительница на момент смерти своего супруга не проживала совместно с застрахованным и получала пенсию в размере, превышающем величину прожиточного минимума для пенсионеров. Хотя представленные доказательства подтверждали, что получаемые по социальному страхованию выплаты А.С. Ордин тратил на жену и своих трудоспособных детей, суд указал, что доказательств, позволяющих определить, какая конкретно сумма шла на содержание супруги, среди предъявленных истцей не было. Соответственно, суд не посчитал возможным признать, что получаемая от супруга помощь была для заявительницы постоянным и основным источником средств к существованию [14].

Весьма показательным примером является Определение Верховного Суда РФ от 1 ноября 2021 г. № 37-КГ21-2-К1. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ рассмотрела кассационную жалобу Костенко Н.И. по иску о выплате заработной платы и приравненных к ней доходов, не полученных работником ко дню смерти, взыскании материальной помощи, компенсации морального вреда.

В обосновании исковых требований Н.И. Костенко указала, что 24 апреля 2019 г. умер ее муж В.В. Костенко, при жизни состоявший в трудовых отношениях с АО «Медстекло» в должности директора общества. Н.И. Костенко неоднократно обращалась в АО «Медстекло» с требованиями о выплате ей на основании ст. 141 Трудового Кодекса РФ заработной платы и иных выплат, не полученных ее мужем В.В. Костенко ко дню смерти. Между тем ответчик названные выплаты ей не произвел.

Решением Заводского районного суда г. Орла от 22 октября 2020 г. в удовлетворении исковых требований Н.И. Костенко отказано, в связи с тем, что она фактически не проживала со своим супругом.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Орловского областного суда от 23 декабря 2020 г. решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 5 апреля 2021 г. решение суда первой инстанции и апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставлены без изменения.

Судебная коллегия, рассмотрев дело, указала следующее: «Н.И. Костенко состояла в браке с В.В. Костенко и в силу закона (ст. 1, 2, 10 Семейного

Кодекса Российской Федерации) являлась членом его семьи, то есть относится к кругу лиц, указанных в статье 141 Трудового Кодекса Российской Федерации, имеющих право на получение заработной платы, не полученной ко дню смерти работника, в данном случае работника АО «Медстекло» В.В. Костенко. При этом само по себе проживание одного из супругов определенный период времени отдельно от другого супруга (в частности, в связи с работой, командировкой, учебой, необходимостью ухода за тяжелобольным родственником) не означает, что супруги утратили взаимные права и обязанности по отношению друг к другу, прекратили совместное проживание, то есть перестали быть членами одной семьи».

В результате Верховный Суд отменил решения судов первой, апелляционной и кассационной инстанции и отправил дело на новое рассмотрение [15].

Приведенные примеры судебной практики свидетельствуют о том, что порой реализация супругами права свободно выбирать место пребывания и жительства, проявляющаяся в раздельном проживании, приводит к невозможности фактического осуществления остальных своих прав, вытекающих из брака и семейных отношений.

В подведении итогов можно сказать следующее. Закрепленное в п. 1 ст. 31 СК РФ право супругов свободно выбирать место пребывания и жительства является несомненно важным и необходимым для обеспечения свободы личности.

Но вместе с тем, оно порождает и внутренние противоречия в семейном законодательстве и праве. Некоторые из них могут весьма осложнять работу судов при установлении фактов, имеющих значение для дела, и вынесении справедливого решения.

Кроме того, порой реализация данного права может привести к долгим судебным тяжбам и невозможности осуществления других прав.

Таким образом, все описанное наталкивает на мысль, что совместное проживание супругов хоть и представляется правом, фактически является необходимостью.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // РГ от 25 декабря 1993 г. № 237
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СЗ РФ от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ от 1 января 1996 г. N 1 ст. 16
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ от 3 января 2005 г. № 1 (часть I) ст. 14
5. Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25.06.1993 № 5242-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации от 12 августа 1993 г., № 32, ст.1227
6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ от 14 ноября 2022 г. N 46 ст. 7977

7. Зыков С.В. Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019 г. с. 189 – 208. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnye-neimuschestvennye-prava-suprugov-neobhodimost-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 18.10.2024)
8. Касаткина А.Ю. Конфликт интересов по семейному законодательству и его последствия / «Семейное и жилищное право». № 4. 2020.
9. Пчелинцева Л.М. Семейное право: учебник и практикум для вузов / Л. М. Пчелинцева [и др.]; под редакцией Л. М. Пчелинцевой; под общей редакцией Л. В. Цитович. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт. 2024. 291 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/555808/p.151> (дата обращения: 18.10.2024).
10. Рабец А.М. Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и в отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы) // «Lex Russica». № 11. 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-semi-v-pravovom-prostranstve-yuridicheskaya-harakteristika-semi-v-rossiyskoy-federatsii-i-v-otdelnyh-zarubezhnyh-gosudarstvah> (дата обращения: 18.10.2024)
11. Тарусина Н.Н. О семейно-правовом значении фактов личного характера в супружеских правоотношениях // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 16 – 18.
12. Чефранова Е.А. Семейное право: учебник для вузов / Е. А. Чефранова [и др.]; под редакцией Е. А. Чефрановой. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт. 2024. 354 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/535534/p.115> (дата обращения: 18.10.2024).
13. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 18.03.2020 № 33-5278/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/search> (дата обращения: 18.10.2024)
14. Решение Карачаевского городского суда от 28 июня 2020 г. по делу № 2-105-2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/search> (дата обращения: 18.10.2024)
15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 ноября 2021 г. № 37-КГ21-2-К1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/search/> (дата обращения: 18.10.2024)

Об авторе:

ЖАРИНОВА Елизавета Андреевна – студентка 1 курса магистратуры программы «Правовые основы семьи и брака» юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.
Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Понятие криптовалюты как совместной собственности супругов

И.Р. Казаков

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые посвящены криптовалюте как совместной собственности супругов, особенностям ее раздела, проблемам, возникающим в таком случае.

Ключевые слова: криптовалюта, совместная собственность супругов, раздел криптовалюты.

В последнее время проявляется значительный интерес к криптовалютам. Этому способствуют проблемы в отечественной банковской системе, нестабильность курса рубля, колебания валютных курсов и другие сложности, с которыми сталкивается бизнес. Основное преимущество виртуальных денег заключается в их неподверженности перечисленным рискам. Эмиссия криптовалют часто ограничена и автоматизирована, все операции проводятся анонимно, а переводы моментальны даже в самые отдаленные уголки мира. В настоящее время курс криптовалют изменчив, однако благодаря скорости транзакций это не является проблемой. Более того, эта изменчивость не связана с политическими рисками, присущими странам "третьего мира", а имеет другие причины.

Для начала следует определить, что такое в целом криптовалюта. Доктор технических наук, профессор Гаврилов Л.П. в своем учебнике «Цифровой бизнес» пишет, «Как уже говорилось выше, криптовалюта – это защищенная криптографическими методами валюта (cryptographic – криптографический, зашифрованный). Криптовалюта – это виртуальные деньги, не обеспеченные физическим содержанием. Она не имеет физического, материального подтверждения (золотом, землей, материальными ценностями). Это одно из основных отличий от валют, используемых на государственном уровне и выпускаемых государственными кредитными организациями. Криптовалюта не выпускается и не регулируется государством, не имеет центрального хранения» [10]. Криптовалюта действительно отличается от традиционных валют тем, что она не обеспечена физическими ценностями и не регулируется государством. Ее ценность и безопасность обеспечивается криптографическими методами, что делает ее более защищенной и анонимной. Отсутствие центрального хранения и концепция децентрализации также отличает криптовалюту от традиционных валют. Тем не менее, это также означает, что криптовалюта более подвержена волатильности и спекуляциям на рынке.

«Обобщив точки зрения зарубежных и российских исследователей по поводу определения, толкования и установления правового статуса криптовалюты в контексте государственного регулирования, обозначим основные подходы к толкованию криптовалюты:

1) в рамках первого подхода криптовалюта рассматривается в качестве валюты (аналога фиатных денег/валюты, виртуальной или цифровой валюты), являющейся средством платежа;

2) в рамках второго подхода криптовалюта рассматривается как универсальный финансовый инструмент;

3) третьим подходом предполагается, что криптовалюта – это товар, собственность, актив, имущество;

4) в рамках четвертого подхода криптовалюта рассматривается как денежный суррогат» [9].

Эта цитата отражает разнообразие точек зрения на определение и правовой статус криптовалюты в современном мире. Различные подходы к толкованию криптовалюты – как валюты, финансового инструмента, товара или даже денежного суррогата – отражают сложность и новизну этого рынка. Определение правового статуса криптовалюты имеет важное значение для государственного регулирования этой сферы и защиты интересов инвесторов. Важно находить баланс между инновационными технологиями и соблюдением правовых норм в этой области.

«Криптовалюта – это цифровая счетная единица, учет которой децентрализован; системы криптовалют функционируют посредством распределенной компьютерной сети» [6]. Криптовалюта является инновационным и уникальным видом валюты, так как ее учет происходит без привлечения центральных институтов или учреждений. Децентрализованная природа криптовалют позволяет пользователям осуществлять безопасные и анонимные транзакции без посредничества банков или правительства. Распределенная компьютерная сеть обеспечивает прозрачность и надежность в работе систем криптовалют, что делает их все более популярными среди пользователей во всем мире.

«В российском правовом поле пока еще не сложилось терминологического минимума и четкого механизма оборота виртуальной валюты. В соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены дополнения в Гражданский кодекс Российской Федерации: добавлены статьи по цифровым правам и сделкам с цифровыми правами. Так, в Федеральном законе № 259-ФЗ установлен запрет на использование криптовалюты для оплаты товаров и услуг в Российской Федерации, определены понятия «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта»» [6]. Несмотря на введение законодательных изменений, все еще существует неопределенность и неясность в понимании терминов и механизмов оборота цифровых финансовых активов. Запрет на использование криптовалюты для оплаты товаров и услуг также подчеркивает неопределенность в данной сфере. Важно развивать дальнейшие механизмы регулирования и стандартизации цифровых финансовых активов для создания устойчивого и прозрачного рынка.

Согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 N 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", «цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным

бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы» [3]. Соответственно, в российской правовой системе криптовалюта относится к категории цифровые финансовые активы, что по определению является цифровыми правами.

Согласно ст. 128 ГК РФ, «к объектам гражданских прав, среди прочего, относится иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права)» [1]. Соответственно, криптовалюта является объектом гражданских прав, может свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом.

В связи с тем, что криптовалюта является объектом гражданских прав, она может находиться в совместной собственности супругов.

Согласно ч. 1 ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) «имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью» [2].

Согласно ч. 2 ст. 34 СК РФ «к имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства» [2]. В данной статье нет прямого указания на то, что имущественные права относятся к совместному имуществу супругов. Однако законодатель использует формулировку «любое другое нажитое супругами в период брака имущество», что подразумевает под собой в том числе имущественные права, в которые, как говорилось ранее, входит и криптовалюта.

«На протяжении последних десяти лет не утихают споры относительно того, каким правовым статусом обладает криптовалюта. Со вступлением в силу Закона о цифровых валютах ее правовой статус прояснился, хоть и частично. В настоящий момент ст. 19 Закона о цифровых валютах предусматривает, что для

целей законодательства о банкротстве и исполнительном производстве цифровая валюта признается имуществом» [8]. Данная цитата указывает на то, что ранее существовали недопонимания и споры относительно правового статуса криптовалюты, но вступление в силу указанного закона помогло прояснить этот вопрос. Таким образом, законодательство начинает адаптироваться к новым реалиям цифровой экономики, что важно для защиты прав и интересов участников рынка криптовалют.

Судебные приставы могут наложить арест на криптовалюту в рамках исполнительного производства, но на практике это сопряжено с определёнными трудностями. Выявить данное имущество, практически невозможно, так как большинство из них находятся в иностранных юрисдикциях, на которые полномочия судебных приставов не распространяются. Единственный реальный вариант для ареста кошелька и удержания криптовалюты – если должник сам предоставит информацию о своих цифровых активах.

Представляется, что принятие Закона о цифровых валютах – первый шаг не только к урегулированию обращения криптовалюты в рамках процедуры банкротства, исполнительного производства и оплаты ею товаров и услуг, но и к определению самой правовой природы крипто.

«Еще одна существенная сложность в правовом регулировании криптовалюты – это отсутствие регулятора, который вправе налагать ограничения на собственника (например, арест на время судебного разбирательства по поводу исполнения положений брачного договора). Но несмотря на это, а также на отсутствие судебной практики, криптовалюта и неизбежно будет все больше внедряться в нашу жизнь, в том числе, в семейные имущественные правоотношения» [11]. Криптовалюта действительно представляет собой новую сферу, которая еще не имеет четкой правовой базы и регулирования. Отсутствие регулятора, способного контролировать и ограничивать операции с криптовалютой, создает определенные сложности и риски, в том числе в области семейных имущественных правоотношений. Однако, несмотря на эти трудности, криптовалюта уже набирает популярность и становится все более распространенной формой цифрового актива. В судебной практике возможно появление новых решений и подходов к разрешению споров, связанных с использованием криптовалюты, что в конечном итоге способствует ее интеграции в различные сферы нашей жизни.

Говоря о развитии правового регулирования криптовалюты, следует отметить, что в 2022 г. Правительство РФ разработало и утвердило Концепцию законодательного регулирования оборота цифровых валют, в которой предложен иной подход к дальнейшему правовому регулированию криптовалют. В частности, отмечается, что «отсутствие регулирования данной отрасли, равно как и установление запрета, приведет к увеличению доли теневой экономики, росту случаев мошенничества и дестабилизации отрасли в целом», при этом справедливо указывается, что полный запрет операций с криптовалютой невозможен, создание правового регулирования оборота криптовалют и мер контроля позволят снизить использование криптовалют в

противоправных целях [4]. Этот подход позволяет учитывать потенциальные риски, связанные с криптовалютами, и одновременно не подавлять инновационные технологии. Регулирование криптовалюты может способствовать ее легальному использованию, предотвращению финансовых преступлений и защите интересов граждан. Такой подход может быть сбалансированным и эффективным для развития цифровых валют в стране.

Одной из главных проблем на настоящий момент, на мой взгляд, является несформированность судебной практики. Биткоин, пожалуй, самая известная криптовалюта, был создан в 2009 году, тем не менее, судьи сталкивались с ней крайне редко. Суды вынуждены обращаться к современным технологиям, но выработка единой судебной практики – процесс длительный. Супругам, решившим разделить криптовалюту в суде или оспаривающим условия заключенного брачного договора, возможно, придется столкнуться с непониманием рядом правоприменителей сути криптовалюты, методов её оценки, способов её покупки и продажи.

Анализируя существующую судебную практику по спорам, связанным с криптовалютой в принципе, следует отметить, что в основном, данный вид объектов гражданских прав рассматривается только арбитражными судами по делам о банкротстве лиц. Практически отсутствует судебная практика по семейным спорам, связанным с криптовалютой. «В России немного судебных процессов, связанных с криптовалютой, и эти одиночные решения с большой натяжкой можно назвать судебной практикой. За редкими исключениями это споры в судах первой инстанции, часто – в судах общей юрисдикции, заканчивающиеся отказами в иске. Чаще всего такие отказы возникают в связи с псевдонимностью криптовалюты, которая не позволяет отождествить владельца кошелька с участником процесса» [12]. Таким образом, можно сделать вывод, что правовая позиция по вопросам криптовалюты в России на данный момент неоднозначна и требует дальнейшего уточнения и развития.

Судебная практика о включении криптовалюты в общее имущество супругов крайне скудная и неоднородная. По своей сути, криптовалюта – это цифровая запись в определенном специфическом реестре, которая не обеспечена реальной стоимостью. Как разделить цифровой код между супругами, неясно.

Основной проблемой при разделе такого совместного имущества супругов, как как криптовалюта, является сложности в ее обнаружении. Все операции с криптовалютой децентрализованы, а криптовалютные кошельки анонимны. Технически крайне сложно установить, кому именно принадлежит тот или иной кошелек и сколько у конкретного человека криптовалюты на различных счетах.

«Данный факт противоречит добросовестности участников гражданских правоотношений, указанной в ст. 10 ГК РФ о пределах осуществления гражданских прав. Это обстоятельство практически лишает участников возможности защиты их законных прав и интересов» [5]. Нарушение добросовестности участников гражданских правоотношений не только создает неравные условия для защиты их законных прав, но и приводит к несправедливым последствиям для одной из сторон. В таких случаях

необходимо обращать особое внимание на обеспечение соблюдения законности и справедливости в гражданских правоотношениях.

В исключительных случаях можно попытаться восстановить историю операций персонального подтвержденного аккаунта на бирже, но большинство сделок с криптовалютой совершаются либо через электронные кошельки, либо между физическими лицами напрямую. Такие операции невозможно отследить даже по запросу суда. Вряд ли какая-либо организация сможет предоставить сведения о наличии криптовалюты у того или иного лица.

«Например, в 2019 году Ленинский районный суд Санкт-Петербурга отказал истцу в признании совместной собственностью супругов отечественной крипты Russian Mining Coin, основываясь на том, что истец не доказал факт принадлежности крипты бывшему супругу. Суд указал в своем решении:

Суд не усматривает оснований для удовлетворения требования истца о признании цифровых финансовых активов – токенов Russian Mining Coin (RMC) совместно нажитым имуществом супругов, поскольку истцом не представлено допустимых, достоверных и достаточных доказательств в подтверждение факта приобретения ответчиком указанных финансовых активов в период брака. В ходе рассмотрения дела судом таких доказательств также не добыто». [13] Решение суда отказать истцу в признании совместной собственностью супругов криптовалюты было обосновано отсутствием достаточных доказательств в подтверждение факта приобретения данной криптовалюты бывшим супругом в период брака. Суд, основываясь на законе, требует представить допустимые, достоверные и достаточные доказательства для удовлетворения требований истца. Таким образом, в данном случае истец не смог предоставить необходимые доказательства, которые бы подтвердили его право на собственность криптовалюты, что привело к отказу суда в удовлетворении его требования.

Еще одной проблемой, которая была мною обнаружена, является ее волатильность. Стоимость криптовалюты может сильно меняться за короткий промежуток времени, что значительно осложняет процесс оценки сбережений. Это нужно иметь ввиду, например, включая в брачный договор положения о разделе криптовалюты при разводе, лучшим способом раздела будет деление самой криптовалюты, которую в дальнейшем каждый супруг сможет продать на бирже самостоятельно. Кроме того, в случае возникновения судебного спора стоимость криптовалюты за период рассмотрения дела может меняться неоднократно.

«Криптовалюты могут подвергаться значительным колебаниям цен, что делает их менее надежными для хранения денег на длительный период. Из-за волатильности виртуальных денег продать и купить криптовалюту по одному курсу практически нереально. При оплате в цифровых активах тот, кто принимает платеж, рискует получить меньше, чем рассчитывал изначально» [7].

Авторами отмечается, что из-за волатильности курса криптовалюты, покупка и продажа ее по одному курсу становится практически невыполнимой задачей. Это создает риски как для тех, кто покупает криптовалюту, так и для

тех, кто ее принимает в качестве оплаты. Например, при оплате товаров или услуг цифровыми активами, продавец рискует получить меньшую сумму, чем рассчитывал изначально из-за возможных колебаний курса криптовалюты.

Таким образом, авторы указывают на значительные риски и нестабильность, которые связаны с использованием криптовалют в качестве средства обмена или хранения денег, что делает их менее привлекательными.

В заключение хочется сказать, что криптовалюта, приобретённая в период брака, считается общим имуществом супругов и подлежит разделу при разводе согласно законодательству Российской Федерации. Цифровые средства делятся наравне с другими активами как вид совместных накоплений.

Криптовалюты стали неотъемлемой частью современного мира и могут быть значительным активом для многих супругов. Однако, при разводе, вопрос раздела криптовалютных активов становится не только актуальным, но и сложным из-за отсутствия четкого регулирования данной сферы в Российской Федерации.

Для минимизации рисков и упрощения процесса раздела криптовалюты при разводе, важно заключать брачный договор, в котором четко должен быть определен порядок раздела криптовалютных активов. В брачном договоре следует прописать, какие конкретно криптовалюты считаются совместным имуществом, как будут оцениваться данного типа активы, и как будет производиться их раздел.

Кроме того, важно вести учет криптовалютных операций и хранить документы, подтверждающие приобретение криптовалюты. Это поможет облегчить процесс раздела в случае развода, а также предотвратить возможные споры и недопонимания между супругами.

Анализ правоприменительной практики показал, что суды, в целом, с осторожностью относятся к заявляемым требованиям, связанным с криптовалютой. Практически невозможно найти реальные решения судов по семейным спорам, связанным с данным объектом гражданских прав. Исходя из того, можно сделать вывод о том, что суды, скорее всего, отказывают в принятии таких исковых заявлений.

Список литературы

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/a761099a7fed45b3a1ad93f103041dec5d760a72/ (Дата обращения: 20.10.2024)
2. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/57d1c84a547cfe1569a406f58a5b3ef183001ebd/ (Дата обращения: 20.10.2024)
3. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/e21bf6629de12458b6382a7c2310cc359186da60/ (Дата обращения: 20.10.2024)
4. "Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота

цифровых валют" // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408789/ (Дата обращения: 01.12.2024)

5. Белокопытова Н.Ю., Косенко И.В. О необходимости признания криптовалюты в качестве объекта гражданских прав // Юридический вестник Дагестанского государственного университета Т. 29. 2019. № 1. С. 78-81

6. Валютный рынок и валютные операции : учебник для вузов / Н. Г. Щеголева. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 457 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-14687-5. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 375 – URL: <https://urait.ru/bcode/544446/p.375> (дата обращения: 20.10.2024).

7. Гаврилова Э.Н., Демьянюк А.С. Тенденции развития криптовалюты в современных условиях // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2023. № 2 (45). С. 25-32.

8. Кабайло А.Ю. Криптовалюта как предмет брачного договора // КиберЛенинка// URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-predmet-brachnogo-dogovora> (Дата обращения: 20.10.2024)

9. Правовое регулирование экономической деятельности : учебник для вузов / Г. Ф. Ручкина [и др.] ; под редакцией Г. Ф. Ручкиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 398 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-15967-7. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 356 – URL: <https://urait.ru/bcode/543102/p.356> (дата обращения: 20.10.2024).

10. Цифровой бизнес : учебник и практикум для вузов / Л. П. Гаврилов. – 6-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 311 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17869-2. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 177 – URL: <https://urait.ru/bcode/545098/p.177> (дата обращения: 20.10.2024)

11. Шастина А.Р. Криптовалюта и NFT как объект брачного договора: проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3(219). С. 280-281.

12. Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 4. 2020. С. 43–77

13. Решение Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 03 июня 2019 года по гражданскому делу №2-393/2019 // Официальный сайт Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга // URL: https://lnc-spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=476715381&case_uid=1692b739-cb3d-444f-ac7e-e3535bc40417&delo_id=1540005

Об авторе:

КАЗАКОВ Иван Романович – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Правовые основы семьи и брака» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33).

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.
Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Ответственность родителей, других родственников, иных членов семьи, сожителей за сексуальное насилие над детьми

А.П. Корешкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В последнее время возрастает количество преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в семье, в том числе совершаемых против их половой неприкосновенности со стороны родителей, близких родственников, сожителей и иных лиц. Это является одной из ярко-выраженных актуальных проблем как уголовного, так и семейного права. В статье анализируется проблемный аспект ответственности родителей и иных лиц за преступления против половой неприкосновенности их детей. Отмечены пробелы действующего законодательства и сформулированы предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, насилие, сексуальное насилие, ответственность, ответственность родителей и иных лиц, половая неприкосновенность несовершеннолетних.*

Половая свобода и половая неприкосновенность являются частью гарантированных Конституцией РФ прав и свобод личности. Половая неприкосновенность касается, в первую очередь, несовершеннолетних, поскольку недопустимо тлетворное влияние взрослых (посредством развратных действий, насильственных действий сексуального характера и т.д.) на несформировавшееся мировоззрение и психику детей.

В последнее время возрастает количество преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в семье, в том числе совершаемых против их половой неприкосновенности со стороны родителей, близких родственников, сожителей и иных лиц. Это является одной из ярко-выраженных актуальных проблем как уголовного, так и семейного права. Согласно статистике, около 50 % от числа всех жертв сексуального насилия, составляют несовершеннолетние. Ребенок – самая «легкая» добыча, которая после совершения в отношении них преступления против их половой неприкосновенности, приобретает статус «потерпевшего». Чаще всего, законные представители, в том числе и сами родители не хотят придавать огласки случившемуся, не хотят способствовать раскрытию уголовного дела, а наоборот, затягивают его, мешают, дают ложные показания. На высокую латентность половых преступлений в отношении несовершеннолетних косвенно указывает также такой криминологический показатель, как возрастающее из года в год количество детей, пропадающих без вести и находящихся в розыске.

Чтобы выявить недостатки и пробелы в действующем законодательстве, в первую очередь необходимо дать понятие «сексуального насилия». Сексуальное насилие можно рассматривать с нескольких позиций. Так, сексуальное насилие в первую очередь представляет собой сексуальные контакты или действия сексуального характера, которые совершаются без прямого полового акта, в отношении потерпевшего. Во-вторых, сексуальное насилие может выражаться и в торговле жертвами, с целью непосредственной

их сексуальной эксплуатации. В-третьих, сексуальное насилие может проявляться и в сети «Интернет».

Так, в протоколе заседания Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав г. Москва от 7 декабря 2022 г. №34, сказано: Принять к сведению информацию Генеральной прокуратуры Российской Федерации об увеличении на 44% количества преступлений 4 сексуального характера в отношении детей (с 9524 в 2010 году до 16887 в 2021 году), при этом более 50% таких преступлений совершаются знакомым ребенку лицом, каждое пятое – членами семьи, 11% – родителями (законными представителями), 25% сексуальных надругательств совершаются лицами в состоянии алкогольного опьянения и лицами, страдающими психическими заболеваниями [8].

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних относятся к наиболее тяжким преступлениям, за совершение которых законодатель предусмотрел строгую ответственность. Стоит отметить, что преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в первую очередь оставляют за собой серьезные травмы: физический вред, после которого дети, уже в осознанном возрасте не способны принимать себя и свое тело; унижение чести и достоинства несовершеннолетних; психические расстройства, после которых несовершеннолетние хотят расстаться со своей жизнью, так как считают себя никому не нужными. Во-вторых, вышеуказанные преступления, меняют мир ребенка в худшую сторону, после чего дети избегают общения как со сверстниками, так и со своими родными, боясь рассказать о случившемся, а также препятствуют правильному нравственному воспитанию. В соответствии с ч. 1 ст. 38 Конституции РФ материнство и детство, семья находятся под защитой государства [1].

Согласно положениям действующего законодательства, запрещено половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, даже при наличии согласия такого лица (половая неприкосновенность). За нарушение половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также любые развратные действия по отношению к ним, в Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность. Так, статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации, в зависимости от возраста несовершеннолетнего, с которым достигшее 18-летнего возраста лицо вступило в половую связь по обоюдному согласию, и иных обстоятельств, связанных с личностью обвиняемого (например, наличие неснятой и непогашенной судимости за аналогичное преступление), обстоятельств совершения преступления (например, в отношении нескольких несовершеннолетних), предусмотрено уголовное наказание от обязательных работ на срок до четырехсот восьмидесяти часов вплоть до пожизненного лишения свободы. Статьей 135 Уголовного кодекса Российской Федерации, в зависимости от возраста ребенка, за совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим 18 летнего возраста, в отношении несовершеннолетних, не достигших 16 летнего возраста, также в зависимости от обстоятельств совершенного преступления и личности

обвиняемого, предусмотрено наказание от обязательных работ сроком до 440 часов до лишения свободы на срок до 15 лет [3].

В настоящее время российское законодательство постоянно усовершенствуется в данном направлении, однако, явно недостаточно, так как родители несут такую же уголовную ответственность за преступления в отношении своих детей, как и любой другой человек, совершивший такое же преступление.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним, предусмотрена уголовная ответственность по ст. 156 УК РФ. Кроме того, родители или иные законные представители могут быть привлечены к уголовной ответственности за деяния, предусмотренные следующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации: ст. 131 УК РФ (изнасилование); ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера); ст. 133 УК РФ (понууждение к действиям сексуального характера), ст. 134 УК РФ (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста); ст. 135 УК РФ (развратные действия) [3].

Ужесточение уголовной ответственности определяется серьёзностью проблемы, её высокой опасностью в силу латентности, что доказывают статистические данные, представленные на официальном сайте «Судебная статистика РФ», за период 2018-2022 гг. (Таблица 1) [7].

Таблица 1

Динамика выявленных знакомых, родственников и родителей, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних

Критерий	Года					Отклонение, 2022/2018	
	2018	2019	2020	2021	2022	Абсолют.	%
Знакомые потерпевшего	2081	2283	2381	2739	2830	749	36,0
Члены семьи потерпевшего	339	459	628	846	822	483	142,5
Родственники	123	183	166	169	206	83	67,5
Родители	168	234	281	322	300	132	78,6

Данные таблицы свидетельствуют о том, что за период 2018-2022 гг. количество лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности, являющихся знакомыми потерпевшего несовершеннолетнего, выросло на 749 чел. (+36,0%), количество лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности, являющихся членами семьи потерпевшего несовершеннолетнего, выросло на 483 чел. (+142,5%), количество лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности, являющихся родственниками потерпевшего несовершеннолетнего, выросло на 83 чел. (+67,5%), количество лиц,

совершивших преступления против половой неприкосновенности, являющихся родителями потерпевшего несовершеннолетнего, выросло на 132 чел. (+78,6%) [9].

Необходимо закрепить в уголовном законодательстве нашей страны положения санкций в статьях Уголовного Кодекса РФ, предусматривающих повышенную ответственность родителей, близких родственников, сожителей и иных членов семьи за преступления, против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в том числе с использованием «подчиненной» связи, такой как воспитатель-воспитанник, поскольку отражает повышенную общественную опасность подобных деяний. В таком случае, объект посягательства – не только половая неприкосновенность детей, но и семейные и нравственные устои общества, интересы семьи и брака, нормальное психическое, физическое и сексуальное развитие ребенка. Родитель, не исполнивший обязанности по защите прав своего ребёнка на половую неприкосновенность, подлежит административной ответственности. Данное правонарушение рассматривается комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, и в случае установления вины родителей, им может быть вынесено предупреждение или на них может быть наложен административный штраф в размере от 100 до 500 рублей [3].

Родитель, жестоко обращающийся с детьми, в том числе осуществляющий физическое или психическое насилие над ними, покушающийся на их половую неприкосновенность, может быть лишён родительских прав [2].

Следователь также вправе на основании ч. 2 ст. 73 и ч. 2 ст. 158 УПК РФ, направить в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав Администрации города представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и других нарушений закона, в котором предлагает: поставить семью несовершеннолетнего на учет, как семью, которая находится в социально опасном положении; привлечь родителей несовершеннолетнего к административной ответственности за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей по воспитанию своего ребенка [4].

Уголовное законодательство предусматривает ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних: ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, принудительные работы, лишение свободы на срок от 2 до 15 лет, а в случае смерти потерпевшей – до 20 лет [3].

При этом, главной нравственной проблемой является то, что ответственность не различается между совершением преступления родителем или иным лицом. Должна быть регламентирована ответственность за совершение именно родителями, родственниками, иными лицами, в том числе сожителями преступлений против половой неприкосновенности детей, санкции, при этом, должны быть увеличены относительно указанных в УК РФ.

Таким образом, проанализировав труды ученых, а также их мнение, для совершенствования уголовного законодательства, учитывая высокую

общественную опасность вышеуказанных преступлений, необходимо внести следующие изменения в нормы УК РФ: [6]:

1) внести в ст. ст. 131-135 УК РФ следующий квалифицирующий признак: «... совершенные родителем, родственником, опекуном, попечителем либо иным лицом, сожителем на которое возложены обязанности по содержанию, воспитанию\ лечению несовершеннолетнего»;

2) дополнить все статьи о половых преступлениях квалифицирующим признаком «... совершенные в отношении родного или приемного ребенка, либо иного родственника по восходящей или нисходящей линии, либо лица, находящегося под опекой или попечительством, с использованием своей родительской власти или иных родственных связей по восходящей или нисходящей линии, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста».

Список литературы

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (Дата обращения 17.10.2024).

2. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) КонсультантПлюс, 1992-2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (Дата обращения 23.10.2024).

3. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.10.2024) КонсультантПлюс, 1992-2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения 29.10.2024).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 002.10.2024) КонсультантПлюс, 1992-2024. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Дата обращения 29.10.2024).

5. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. От 29.10.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. (Дата обращения 02.03.2024).

6. Сулименко, О. А. Инцест как квалифицирующий признак / О. А. Сулименко. – Текст : непосредственный // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, апрель 2019 г.). – Казань : Молодой ученый, 2019. – С. 55-57. – URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/327/14897/> (Дата обращения: 01.11.2024).

7. Официальный сайт судебной статистики / Уголовное судопроизводство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.апс-пресс.рф/stats/ug/>. Дата обращения 02.03.2024 г.).

8. Протокол заседания Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав г. Москва от 7 декабря 2022 г. №34. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/5aa955c1ffe036f78ff07d06d81bdbae/download/5427/>. Дата обращения 27.10.2024 г.).

Об авторах:

КОРЕШКОВА Ангелина Павловна – студентка 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», email: apkoreshkova@edu.tversu.ru

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.
Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Использование родовой фамилии в наименовании торговой марки

В.В. Мовсесян

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые посвящены использованию фамилий и имен при государственной регистрации торговой марки. В статье отмечены проблемы и пробелы в российском законодательстве при регистрации в Роспатенте наименований торговых марок с использованием фамилий, в том числе при совпадении их с известными фамилиями.

***Ключевые слова:** товарный знак; регистрация фамилии в качестве торговой марки; регистрация товарного наименования.*

Товарные знаки имеют значительное значение в маркетинге товаров и услуг, способствуя потребителям в различении продукции отличных друг от друга производителей. Приобретая товар с товарным знаком, потребитель рассчитывает на определённые стандарты качества и характеристики. Производители, в свою очередь, нацелены на наиболее эффективное и запоминающееся представления своих предложений.

Согласно законодательству, к регистрации в качестве товарного знака допускается обозначение, которое воспроизводит или включает имя и фамилию лица, либо производное от них обозначение. Важно акцентировать внимание на принципиальном различии между именем, выступающим средством индивидуализации личности в обществе, и товарным знаком, который предназначен для индивидуализации товаров, работ и услуг. Право на использование имени в товарном знаке основывается на праве на имя, однако не следует путать эти понятия [7].

Применение имён действительных лиц в товарных знаках является одной из форм коммерческого использования имени, которое может быть осуществлено через получение исключительного права на использование товарного знака в отношении определённых товаров, для которых он был зарегистрирован.

Использование имени разрешено при регистрации товарного знака как на имя самого владельца этого имени, так и на имя третьего лица, при условии, что соблюдаются права этого третьего лица на разрешение или запрет использования своего имени другими участниками предпринимательской или иной экономической деятельности.

Вопрос о возможности регистрации фамилии в качестве товарного знака остаётся актуальным на протяжении длительного времени, и по сей день вызывает дискуссии. Это обусловлено стремлением многих производителей персонализировать свой бренд, создавая у потребителей ассоциативную связь между товаром и конкретным лицом. Данный аспект приобретает особую значимость для известных личностей, чья фамилия сама по себе уже является узнаваемым брендом.

Однако при регистрации фамилии в качестве товарного знака может возникнуть препятствие со стороны Роспатента, который может признать обозначение не обладающим различительной способностью.

Имя и товарный знак являются различными объектами гражданского права, выполняющими разные функции и обладающими отличительной природой. Имя позволяет индивидуализировать физическое лицо (гражданина), в то время как товарный знак предназначен для различения товаров одного производителя от аналогичных товаров, производимых другими лицами.

Эффективное обеспечение прав на товарные знаки, особенно в части применения фамилии, требует четкого разграничения между самим товарным знаком и фамилией, которые используются в качестве товарной марки. Зачастую возникает путаница, которая затрудняет регистрацию и порождает споры.

Верховный Суд РФ, стремясь упорядочить эту сферу, разработал универсальный методологический подход к толкованию пункта 1 статьи 1483 Гражданского кодекса РФ. Этот подход применяется при экспертизе любых обозначений на предмет их соответствия требованиям закона, включая те, которые Роспатент предварительно идентифицирует в качестве фамилий [4].

Важным моментом является определение, является ли заявленное обозначение исключительно фамилией или же оно приобретает уже вторичное значение.

Использование фамилий, как указатель на источник конкретного товара или услуги, является отличительным признаком конкретного производителя.

Разъяснения Верховного Суда акцентируют внимание на нескольких важных аспектах.

Во-первых, простое совпадение обозначения с фамилией не является весомым аргументом для отказа в регистрации. Необходимо для начала установить, воспринимается ли данное обозначение потребителем как ссылка на фамилию или все же воспринимается как товарный знак. В данном контексте главную роль играет известность фамилии, ее распространенность, а также характер использования обозначения. В случае, когда фамилия малоизвестна, а обозначение используется в оригинальном, нестандартном оформлении, шансы на регистрацию в Роспатенте значительно возрастают. Если же, фамилия широко известна, используемая в стандартном шрифте и без каких-либо дополнительных элементов, вероятнее всего такая фамилия в качестве торговой марки будет признана не регистрируемым обозначением [4].

Во-вторых, при разъяснении Верховным Судом учитывается фактор "вхождения в обиход". В случае, если фамилия, используемая в качестве товарного знака, прочно ассоциируется у потребителей не с самим носителем фамилии, а с конкретным товаром или услугой, то отказ в регистрации может быть неправомерным. Это относится к таким ситуациям, когда продукт на рынке долгое время известен под именем, совпадающим с фамилией производителя. В таком случае, фамилия фактически трансформировалась в товарный знак, приобретя вторичное обозначение.

Помимо прочего, представленные заявителем доказательства играют ключевую роль в процессе регистрации. К ним относятся, в частности, результаты маркетинговых исследований, подтверждающие фактическое использование обозначения в качестве товарного знака, а также иные материалы, демонстрирующие приобретение им различительной способности.

Федеральный институт промышленной собственности (Роспатент) при проведении экспертизы обязан тщательно изучить все представленные доказательства и вынести решение с учетом разъяснений, данных Верховным судом. Невыполнение этих требований может повлечь отмену решения Роспатента в судебном порядке.

Таким образом, процедура регистрации фамилий в качестве товарных знаков требует всестороннего анализа и многоступенчатого контроля за соблюдением как законодательства, так и судебной практики [12].

Гражданский кодекс Российской Федерации предоставляет возможность заявителю доказать, что используемое им фамильное обозначение приобрело отличительные признаки в результате его применения и заслуживает правовой защиты как товарный знак (пункт 1.1 статьи 1483 ГК РФ).

Для успешной регистрации товарного знака, содержащего фамилию, заявитель обязан предоставить в Федеральный институт промышленной собственности (Роспатент) убедительные доказательства того, что до момента подачи заявки на регистрацию указанное обозначение стало восприниматься потребителями не как простая фамилия, а как знак, однозначно идентифицирующий товары заявителя и заслуживающий правовой защиты.

Законодательно закрепленное право на использование товарного знака и предотвращение его несанкционированного использования другими лицами может быть получено только в результате процедуры регистрации. Данный процесс регламентируется Гражданским кодексом Российской Федерации, в частности статьей 1483, которая определяет строгие критерии, которым должны соответствовать товарные знаки, подлежащие регистрации. Важно отметить, что не все товарные знаки могут быть зарегистрированы.

К основным требованиям относится уникальность товарного знака. В частности, регистрация знаков, имеющих сходство с уже существующими брендами или фамилиями известных личностей, может быть отклонена. Это связано с тем, что использование таких знаков может вводить потребителей в заблуждение и нарушать права владельцев известных товарных знаков. Согласно пункту 9 статьи 1483 Гражданского кодекса, регистрация товарного знака может быть запрещена, если он тождественен или схож с известным товарным знаком или с именем известной личности, например, писателя или артиста.

Однако, в некоторых случаях возможно зарегистрировать товарный знак, который содержит фамилию известной личности, если имеется согласие этой личности или ее наследников. Это правило позволяет избежать конфликтов и правовых споров, связанных с использованием имен и фамилий. Важно отметить, что согласие должно быть оформлено должным образом, чтобы избежать возможных юридических последствий [5].

Согласно статье 19 Гражданского кодекса РФ, имена и фамилии могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков, если они используются в коммерческой деятельности. При этом под именем понимается полное имя владельца, включая фамилию, имя и отчество. Это дает возможность индивидуальным предпринимателям и компаниям защитить свои бренды и имена от несанкционированного использования.

Несмотря на эти правила, практика показывает, что Роспатент иногда регистрирует товарные знаки, содержащие похожие названия или имена известных личностей, что вызывает споры и недовольство. Например, случаи, когда товарные знаки с именами известных писателей, таких как Ф.М. Достоевский или А. П. Чехов, были зарегистрированы без учета их прав, являются предметом обсуждения в юридических кругах. Это поднимает вопрос об эффективности действующего законодательства в защите прав известных личностей и их наследников.

Важно подчеркнуть, что регистрация товарного знака наделяет его владельца определённым кругом прав, в том числе правом воспрепятствовать использованию сходных обозначений другими лицами в идентичной или смежной области деятельности. Данный аспект является критически важным для коммерческой деятельности, поскольку зарегистрированный товарный знак способствует укреплению имиджа компании и защите её позиций на рынке.

Процедура регистрации товарного знака в Российской Федерации является сложной и многокомпонентной, требующей предельной внимательности и глубокого понимания юридических тонкостей. Предпринимателям и индивидуальным предпринимателям необходимо тщательно изучить все аспекты данной процедуры для минимизации рисков возникновения правовых споров и обеспечения надёжной защиты своих прав.

Использование имен и фамилий известных личностей в качестве товарных знаков – все чаще встречается на практике, тем самым, вызывая множество споров и неоднозначных толкований в российской юридической практике. Отсутствие единого подхода в Роспатенте к регистрации упомянутых знаков рождает нестабильность и неопределенность для правообладателей. На практике получается, что вопросы индивидуализации товарных знаков, которые включают в себя имена и фамилии, являются одними из наиболее сложных процессов, которые требуют тщательного анализа с учетом норм как патентного права, так и гражданского законодательства.

В отечественной юридической литературе неоднократно поднимался вопрос о возможности регистрации имени и фамилии (или только фамилии) в качестве товарного знака. Мнения расходятся. Часть экспертов считает, что регистрация допустима при условии, что имя и фамилия обладают достаточной отличительной способностью, то есть способны отличать товары или услуги одного производителя от товаров или услуг другого. Другая точка зрения утверждает, что использование имени и фамилии знаменитости автоматически влечет за собой нарушение прав на имя и возможно, других исключительных прав, если использование не согласовано с правообладателем. Этот подход основан на принципе предотвращения недобросовестной конкуренции и защиты репутации известных личностей от использования их имени в коммерческих целях без их согласия.

Сложности возникают из-за размытости границы между простым упоминанием имени и фамилии и его использованием в качестве товарного знака. Если фамилия используется как часть названия компании или продукта без явных признаков использования в качестве товарного знака (например, в

качестве логотипа или элемента брендинга), то требования к отличительной способности могут быть менее строгими. Однако, если имя и фамилия являются доминирующим элементом товарного знака, то требования к отличительной способности значительно увеличиваются. Роспатент в таких случаях часто требует дополнительных доказательств отличительной способности, например, результатов исследований потребительского восприятия.

Рекомендации Роспатента по экспертизе товарных знаков (например, Приказ Роспатента от 23.03.2001 № 39) предлагают определенные критерии оценки, но на практике применение этих критериев часто остается субъективным и зависит от конкретных обстоятельств каждого случая. Это приводит к различным решениям по аналогичным заявкам, что усиливает нестабильность в данной сфере.

Необходимо также учитывать правовые нормы, регулирующие использование имени и фамилии в соответствии с гражданским законодательством. Гражданский кодекс РФ защищает право личности на использование своего имени, и неправомерное использование имени или фамилии может быть признано нарушением личных неимущественных прав. Существуют прецеденты, когда суды признавали неправомерным использование имени и фамилии известных личностей без их согласия, даже если такое использование не являлось явной подделкой или использованием в качестве товарного знака.

В связи с этим, для безопасности и предотвращения возникновения юридических споров, желательно получать согласие правообладателя на использование имени и фамилии в качестве товарного знака. Такое согласие значительно упростит процедуру регистрации и снизит риски отказа в регистрации или позже – судебных исков. Важно также проводить тщательную экспертизу на отличительную способность заявленного товарного знака, используя результаты маркетинговых исследований и анализа аналогичных товарных знаков [8].

Помимо этого, необходимо учитывать географические ограничения. Регистрация товарного знака действительна только в пределах территории, на которой он зарегистрирован. Использование имени и фамилии в качестве товарного знака в одной стране не гарантирует защиты от использования того же знака в другой стране. Это особенно актуально для международных брендов, которые должны обеспечивать защиту своих товарных знаков в различных юрисдикциях.

В заключение, можно сказать, что вопрос регистрации имени и фамилии в качестве товарного знака в России является сложным и многогранным, требующим индивидуального подхода и тщательного юридического анализа каждого конкретного случая с учетом как патентного, так и гражданского законодательства. Получение согласия правообладателя и проведение тщательной экспертизы на отличительную способность – важные меры для предотвращения юридических рисков.

Список литературы

1. Конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть 4) с изменениями от 26 июля 2019 г. № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/>
3. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами, вып. XXXII – М.: 1978 г. – 583 с.
4. Обобщение судебной практики Судов общей юрисдикции в качестве суда первой и кассационной инстанций с учетом практики Верховного Суда Российской Федерации, по вопросам, возникающим при применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
5. Административный Регламент предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак и их дубликатов. Утвержден приказом Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 483 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
6. Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков. Утверждены приказом Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
7. Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака. – М.: Роспатент, 2020. – 296 с.
8. Куприянов А.Д. Историческое развитие концепции товарного знака как средства индивидуализации и недобросовестного использования товарных знаков // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 4 (20). С. 25–30.
9. Львова И.В. Роль товарных знаков в продвижении товаров на рынке и особенности экспертизы товарных знаков в России // В сборнике: Интеллектуальные права: вызовы 21-го века. Материалы Международной конференции. 2019. С. 101–108.
10. Федеральный институт промышленной собственности // Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.msp-patent.ru/bazatovarnyh-znakov.html?base=RU&id=uk7b4e3a22>
11. Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) // Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/>
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 года № 300-ЭС19–12932, СИП-691/2018

Об авторе:

МОВСЕСЯН Вардан Варданович – студент 1 курса магистратуры программы подготовки «Правовые основы семьи и брака» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: vvmovsesyan@edu.tversu.ru.

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.
Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Права ребенка на общение с родителем, проживающим отдельно от ребенка

Е.Е. Овсов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются актуальные вопросы реализации и защиты права ребенка общаться с родителем, проживающим отдельно. В исследовании рассматриваются гарантии и права ребенка, затрагивающие общение с родителем, а также случаи невозможности реализовать свои права ребенку. Указывается, что в РФ на данный момент законодательно существуют все условия для реализации прав ребенка на общение с родителем, проживающим отдельно. Отмечаются проблемы положения родителя, проживающего отдельно. Обозначается важность общения ребенка с родителем. А также ответственность родителей, в том числе, и родителя, проживающего с ребенком, за нарушение такого права.

Ключевые слова: права ребенка, интересы ребенка, родительские права, проблемы правового регулирования, общение ребенка с родителями, статус родителя.

Жизнь ребенка в семье является первой и важнейшей ступенью становления личности. Важность полной семьи для ребенка невозможно переоценить, так как все моральные и правовые установки в целом строятся в семье. Ребенок в социальной среде является отражением того, как с ним взаимодействуют в семье. В современном мире нередки ситуации, когда ребенок воспитывается одним родителем, что может негативно сказаться на его положении в обществе и поведении. Такое положение ребенка в РФ не редкость, ведь по статистике Росстата на 2023 год было зарегистрировано 945 994 брака и 683 638 браков было расторгнуто. То есть, на 10 браков приходится примерно 6-7 разводов. И по данной статистике Росстата 30-50% разводов производятся с наличием ребенка в семье. Можно указать на то, что государство осознает такую проблему, когда ребенок остается фактически без одного родителя. Однако законодатель нормативно решил данную проблему, а именно, предусмотрел возможность участвовать в воспитании ребенка родителя, который не проживает вместе с ребенком ввиду развода или же ввиду иных обстоятельств.

Согласно ст. 55 СК РФ ребенок имеет право на общение с обоими родителями, дедушкой, бабушкой, братьями, сестрами и другими родственниками. Расторжение брака родителей, признание его недействительным, раздельное проживание родителей не влияет на права ребенка. В случае раздельного проживания родителей ребенок имеет право на общение с каждым из них. Ребенок имеет право на общение со своими родителями также в случае их проживания в разных государствах [2]. Такое общение предполагает не только личные встречи, но и общение по телефону, с использованием интернет-коммуникаций и иные не запрещенные законом способы. Однако право ребенка на общение с родственниками, в том числе с родителями в каком-то роде абстрактно. К примеру, до возраста 8-10 лет ребенок не сможет самостоятельно навестить бабушку или дедушку, найти адрес отца, проживающего отдельно. Так, осуществление такого права прямо реализуется желанием самих родственников, а также, в отношении родителей,

их правами и обязанностями. Семейный кодекс РФ, как основной источник регулирования таких отношений, содействует в реализации права ребенка на общение, а именно, закрепленные в законе права и обязанности родителей по воспитанию и образованию детей (ст. 63 СК РФ), а также нормы, регулирующие осуществление родительских прав родителем, в том числе и родителем, проживающим отдельно от ребенка (ст.ст 65, 66 СК РФ). Данные нормы взаимодействуют с правом ребенка на общение. Не только СК РФ включает в себя права ребенка, еще одним источником является Декларация прав ребенка. “Ребенок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании. Он должен, когда это возможно расти на попечении и под ответственностью своих родителей и во всяком случае в атмосфере любви и моральной и материальной обеспеченности” [1].

Углубляясь в тему исследования, следует более детально разобрать ст. 66 СК РФ. В ней указано, что родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет право на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования. Родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию [2]. Если же родители не в состоянии договориться о том, как и когда общаться с ребенком, они могут заключить соглашение о порядке общения родителя, живущего отдельно. Возможна такая ситуация, что родители не смогут договориться даже о соглашении, в таком случае порядок общения будет назначать суд. Данная статья прямо декларирует право ребенка на общение с родителем, проживающим отдельно. Такая позиция логична ввиду наличия у родителя, проживающего отдельно, идентичного права на общение с ребенком. Однако право ребенка и родителя не всегда исполняется. Иногда сам родитель не желает видеться с ребенком ввиду незаинтересованности в его личной жизни или из-за конфликта со вторым родителем. Статистика, к примеру, указывает, что большинство отцов в России – 52% – после развода перестают участвовать в жизни своих детей. Чаще всего это связано именно с нежеланием самих мужчин заботиться о ребенке от бывшей супруги. Такие данные приводит РБК со ссылкой на исследование Mediascore. Во втором же случае право ребенка не реализуется из-за родителя, с которым проживает ребенок. Родитель полностью игнорирует свою обязанность не препятствовать общению ребенка с другим родителем. И такое отстранение ребенка от второго родителя однозначно неблагоприятно будет влиять на ребенка, когда один родитель настраивает его против второго. Ссоры ввиду препятствования одного из родителей к общению с ребенком порождают не только юридические последствия. Очевидно, что права ребенка на общение в этом случае будут не реализованы. Однако, это не является самым неблагоприятным последствием в данной ситуации. Постоянные ссоры между родителями, которые на данный момент являются бывшими супругами, могут вызывать у ребенка “состояние тревоги, непродуктивную нервно-психическую напряженность, постоянные передвижения между мамой и папой негативно влияют на распорядок жизни ребенка” [9]. И зачастую данное отстранение

происходит не прямым оскорблением или обманом на счет другого родителя. Чаще всего родитель, проживающий с ребенком, увозит ребенка на выходные к бабушке и дедушке, назначает секции ребенку, записывает его на иные общественные мероприятия. Такой подход родителя является крайне деструктивным по отношению к семье, так как “за этими родительскими войнами исчезает главное – любовь к ребенку, забота о нем, соблюдение его интересов. К сожалению, самые страшные ошибки при решении вопросов общения детей с родителями, проживающими отдельно, совершает не судебная система, а сами родители. Родители совершают эти ошибки, когда, используя ребенка, пытаются причинить боль друг другу; когда, спекулируя интересами ребенка, пытаются получить материальную выгоду для себя; когда, пренебрегая чувствами ребенка, пытаются заглушить свою боль и очерняют друг друга в глазах ребенка, очерствляя или даже убивая детскую душу” [6]. В таком случае отношение ребенка относительно второго родителя не меняется, однако его право на общение не реализуется. Данная проблема решается достаточно просто: иском в суд об устранении препятствий к общению одного из родителей с ребенком. Таким образом, данная сторона проблемы реализации прав общения ребенка с родителем, проживающим отдельно, не является насущной в современных реалиях. Правовая система РФ содержит в себе исчерпывающий перечень способов, которые позволяют родителям в полной мере реализовывать обязанности по воспитанию детей, также данная система включает в себя полный механизм для защиты права ребенка на общение с родителями.

Говоря о второй проблеме реализации права ребенка на общение с родителем, проживающим отдельно, следует указать, что данный аспект до сих пор является проблемным для современного законодательства РФ. Так как принудительного порядка общения родителя с ребенком в практике не существует. Простыми словами, при нежелании родителя общаться с ребенком невозможно заставить первого осуществлять свои права. В данном случае существует ответственность родителя за ненадлежащее осуществление родительских прав. Согласно ст. 5.35 КоАП РФ неисполнение судебного решения о порядке осуществления родительских прав влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей. Повторное совершение административного правонарушения влечет наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей или административный арест на срок до пяти суток [3].

Анализируя эффективность данного вида ответственности относительно побуждения к реализации права родителя можно сказать следующее:

- размер штрафа никак не стимулирует родителя, проживающего отдельно от ребенка, заняться его воспитанием или иным образом поучаствовать в жизни ребенка;

- в обратной ситуации штраф за неисполнение порядка осуществления родительских прав только рассорит родителей, а значит, и отдалит ребенка от родителя. Так как такая ответственность может наступить и впоследствии написания заявления родителем, проживающим с ребенком;

- штраф может послужить “индальгенцией” для родителя, который не хочет общаться с ребенком. С психологической точки зрения расплата, в любом даже небольшом количестве, за свои действия не заставит его исправляться, а наоборот, заставит его подумать, что можно дальше не общаться с ребенком.

Еще одним видом ответственности за несоблюдение родительских прав таким родителем может быть лишение родительских прав. Согласно ст. 69 СК РФ родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они:

уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов;

Но такая мера не до конца эффективна. Возможно, риск лишения родительских прав на ребенка может подстегнуть родителя начать общаться с ребенком и переосмыслить свою позицию. Однако, если родитель стойко намерен не общаться с ребенком, к примеру, нацелен на создание новой семьи или личного развития, такая мера не испугает его. К тому же он не бросит ребенка и его мать на произвол судьбы, так как лишение родительских прав не лишает отца обязанности уплаты денежных средств на содержание несовершеннолетнего ребенка.

Говоря о третьей проблеме реализации права ребенка, нужно выделить следующее: согласно ст. 7 СК РФ граждане по своему усмотрению распоряжаются принадлежащими им правами, вытекающими из семейных отношений [2]. Отметим, что зачастую ребенок сам не хочет реализовывать свое право на общение с родителем. В таком случае возникает множество трудностей ввиду того, что при этом не реализуются и права родителя, проживающего отдельно, на общение с ребенком. Законодательно ребенка нельзя заставить видаться с родителем, проживающим отдельно, что работает и в обратную сторону. Такое нежелание становится большой проблемой, когда родителям было вынесено решение суда о порядке общения с ребенком. В таком случае нередки конфликты между родителями ребенка с целью выяснить, кто, по мнению родителя, настраивает ребенка против. Нужно помнить, беспрепятственное общение взыскателя с ребенком обеспечивается судебным приставом-исполнителем. Впрочем, в такой ситуации пристав-исполнитель окажется бессилён ввиду того, что принудительных мер исполнения в отношении ребенка не может быть применено. Единственным возможным выходом является привлечение педагога-психолога и получения заключения после обследования. При выявлении отсутствия психологической и эмоциональной связи с другим родителем, то есть, нежелание ребенка общаться с родителем по своим причинам, исполнительное производство прекращается. А именно, судебный пристав-исполнитель обращается в суд с заявлением о прекращении исполнительного производства, так как дальнейшее исполнение такового невозможно.

Все указанные проблемы имеют различные источники и пути решения. На какие-то вопросы законодатель и судебные инстанции дали разъяснения, на какие-то нет. Однако, единственным решением всех данных проблем является одно упущение законодателя, которое позднее стало позицией судов и органов опеки и попечительства. Таким упущением является обделение родителя,

проживающего отдельно от ребенка, правами и обязанностями. Само законодательство говорит, что “родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет права на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования” [2]. Мы считаем, такой перечень прав родителя, проживающего отдельно от ребенка, необоснованно урезанным. Расторжение брака родителей или их отдельное проживание не влияет на права ребенка. Однако, сильно влияет на права родителя, который живет отдельно. Данное ограничение родителя в правах негативно сказывается на психическом состоянии ребенка и никак не защищает его права. Ограничение родительских прав является ответственностью за неисполнение семейных прав и обязанностей. Но в случае с раздельным проживанием родителя, он безосновательно фактически ограничивается в своих правах. С момента установления порядка общения с ребенком у такого родителя в разы меньше прав, чем у родителя, который проживает с ребенком. В том числе, у отдельно проживающего родителя меньше ответственность за действия ребенка. Особенно такое ограничение в правах наглядно видно, когда ребенок хочет реализовать свое право на общение с родителем. Между тем возникает такая ситуация, что суды, чаще всего, назначают довольно строгий и кратковременный период общения с ребенком в решении о порядке общения. Ситуация легко разрешима при отсутствии конфликта между родителями, то есть, родитель при желании может увидеть свое ребенка, когда тот захочет. Однако все усложняется, когда между разведенными супругами остался конфликт и супруг, проживающий с ребенком, не желает предоставлять общение с родителем вне порядка, установленного судом.

Необходимо учитывать, что участие родителя, проживающего отдельно, в воспитании ребенка не является конкретно-определенным набором действий, направленных на формирование тех или иных убеждений или конструкций. Воспитание ребенка не может сводиться субъективно к ребенку. Оно затрагивает не только сам процесс взаимодействия с ребенком, но и ряд взаимодействий с родителем, родственниками, в том числе бабушками и дедушками. Таким образом, родитель, ввиду своего положения не может реализовать право, которое ему декларировано законом. Так как воспитание, как система правоотношений не может функционировать без постоянного участия в ней обеих родителей. В нашем же случае родитель проживает отдельно и никак не может влиять на воспитание ребенка. И это связано не только с воспитательным процессом, но и с тем, что таким процессом уже занимается второй родитель ребенка и его близкие родственники. Ребенок не может быть воспитан двумя родителями по-разному.

То есть, расторжение брака родителями и проживание их раздельно влияет на права ребенка, вопреки закону. Ребенок, на современном этапе законодательства, не может повлиять на реализацию своих прав до 10-ти лет. Проживание родителей отдельно следует рассматривать не как новый вид правоотношений между уже раздельно живущими супругами и ребенком, а оставлять за отдельно живущим родителем все те же полномочия. Смена семейной обстановки для ребенка будет стрессом даже при отсутствии споров

между родителями о порядке общения с ребенком, что негативно скажется на его физическом и психическом здоровье. Целесообразно законодательно не выделять положения родителя, проживающего отдельно как особого субъекта семейных правоотношений. Родитель и ребенок имеют право видеться и общаться в любой момент времени. Таковы родительские права и право ребенка на общение с родственниками. Однако система законодательства не прямо, но ограничивает родительские права отдельно живущего родителя, лишая его той меры прав, обязанностей и ответственности, которую он бы хотел получить.

Подводя итоги, следует указать, что на данный момент в российском законодательстве имеются нормативно-правовые инструменты, позволяющие полно реализовывать права ребенка на общение с родителем, проживающим отдельно. Однако, само положение родителя, проживающего отдельно, вызывает определенные трудности в реализации прав ребенка. Перечисленные в статье проблемы не должны решаться со стороны родителя, права которого затронуты или же ограничены. В первую очередь, решая данную проблему, необходимо учитывать именно реализацию права ребенка. Так как «ребенок должен при всех обстоятельствах быть среди тех, кто первым получает защиту и помощь». Во всех вышеперечисленных случаях ребенок имеет право реализовывать свое право на общение с родителем, он может не воспользоваться им, однако, он не лишается такого права. При вопросе общения с ребенком права ребенка не затрагиваются и не нарушаются, в большей мере этот вопрос затрагивает отношения между родителями, которые становятся более сложными и требует более комплексного нормативного регулирования. Нормативное регулирование выражается в соглашении о порядке общения с ребенком или же в аналогичном решении суда. Положение родителя, проживающего отдельно не необходимо для ребенка. Такое положение не предполагает образования новых правоотношений или же новых обязанностей. Но такое положение, наоборот, зачастую уменьшает размер правомочий родителя, проживающего отдельно. Недобросовестность второго родителя вызывает ущемление прав родителя, проживающего отдельно, а равно и лишения его правомочий, которые предусмотрены законом. Таким образом, право ребенка на общение с родителем, проживающим отдельно, является объективным, неоспоримым и абсолютным правом несовершеннолетнего ребенка, как главного субъекта семейных правоотношений. Обеспечение такого права должно быть гарантировано и обеспечено всеми средствами, не только законодательной и исполнительной власти. А также мерами, которые позволят судам выносить более полные и направленные на обеспечение интересов, именно, ребенка решения.

Список литературы

1. Декларация прав ребенка. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года.
2. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ.
3. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ.

4. Алферов А. В. Право ребенка на общение с родителем, проживающим отдельно Часть 2. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – С. 234-236.
5. Васильева А. А. О некоторых вопросах обеспечения права ребенка на общение с родителями и другими родственниками / А. А. Васильева // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 21. – С. 83-91.
6. Емелина Л. А. Право ребенка на общение с отдельно проживающим после расторжения брака родителем / Л. А. Емелина, М. В. Лебедь // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 8. – С. 6-10.
7. Зыков С. В. Родительские права на определение места жительства ребенка и порядка общения с ним: проблемы теории и практики / С. В. Зыков // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 3(136). – С. 75-83.
8. Косова О. Ю. О защите прав членов семьи при разрешении споров, связанных с воспитанием детей – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. – С. 225-229.
9. Краснова Т. В. Правовые проблемы осуществления родительских прав отдельно проживающим родителем / Т. В. Краснова // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 6-1. – С. 49-59.
10. Мосиенко Т. А. Особенности исполнения судебных решений об устранении препятствий к осуществлению родителем своих прав / Т. А. Мосиенко, М. М. Меркулов // Colloquium-Journal. – 2018. – № 10-3(21). – С. 45-49.
11. Рушанян Д. А. Некоторые проблемы реализации права на воспитание детей отдельно проживающим родителем / Д. А. Рушанян // Эпомен. – 2020. – № 35. – С. 303-308.

Об авторе:

ОВСОВ Егор Евгеньевич – студент 1 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.
Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Правовая природа договора о передаче ребёнка в приёмную семью

К.А. Перлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые посвящены правовой природе договора о передаче ребёнка в приёмную семью.

Ключевые слова: семья, институт приемной семьи, договор о приемной семье, правовая природа договора о приемной семье, выплаты приемным родителям.

Одно из важнейших и неотъемлемых прав ребенка – жить и воспитываться в семье. Это закреплено в Конвенции ООН о правах ребенка [1], а также в статье 54 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2]. Семейное воспитание помогает ребенку осознать свои человеческие права, свою моральную ценность, а также это обеспечивает активное участие в жизни общества и обеспечивает его интересы. В частности, проблема защиты государством прав и интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не теряет своей актуальности.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 06 февраля 2016 №85 «О Координационном совете при Правительстве Российской Федерации по реализации Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», [3] основные задачи, которые стоят перед политикой нашего государства – это пропаганда семейного благополучия и традиционных семейных ценностей, укрепление и защита семьи и брака, а также повышение качества жизни семей.

Семейное законодательство Российской Федерации предусматривает различные формы семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: усыновление (удочерение), опека или попечительство, приёмная семья, патронатная семья.

Приемная семья представляет собой одну из форм устройства в семью детей-сирот и детей, которые остались без попечения родителей, а также это выступает в качестве одного из способов осуществления важнейшего права ребенка – права на семейное воспитание.

В соответствии с пунктом 6 статьи 145 СК РФ устройство ребенка под опеку или попечительство допускается в соответствии с Федеральным законом «Об опеке и попечительстве» (далее – Закон об опеке и попечительстве) «по договору об осуществлении опеки или попечительства, в том числе по договору о приемной семье» [4].

Согласно статье 152 Семейного кодекса РФ приемной семьей признается «опека и попечительство над ребенком или детьми, которые осуществляются по договору о приемной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями или приемным родителем на срок, указанный в этом договоре» [2].

Договор о создании приемной семьи, который заключается между приемными родителями и органами опеки и попечительства, является основанием для ее возникновения. Он является самостоятельным поименованным договором. Здесь необходимо обратить внимание на то, в каких отношениях находятся между собой приёмные родители с органами опеки и попечительства.

Актуальность статьи обуславливается несовершенством законодательства в определенных вопросах, которые касаются института приемной семьи, в связи с чем, хочется остановиться на некоторых проблемах, которые связаны с именно договором о приемной семье.

Одним из дискуссионных вопросов остается вопрос, связанный с определением правовой природы договора о приемной семье. В настоящее время существует несколько различных позиций, которые затрагивают определение отраслевой принадлежности договора о приемной семье. Одни ученые считают, что договор носит трудовой характер, иные утверждают, что он относится к разновидности семейно-правовых договоров, также иные ученые полагают, что договор имеет черты, указывающие на его гражданско-правовой характер, также существуют мнения и о том, что этот договор – административный договор.

Также среди ученых высказывалось мнение, что «нет объективной необходимости обсуждать правовую природу данного договора, так как он носит всего лишь вспомогательный характер» [11], так как наряду с ним должно заключаться заявление лиц, желающих быть приемными родителями; заключение органов опеки и попечительства о возможности для этих лиц быть приемными родителями и иные документы.

В большинстве случаев в своих мнениях ученые опираются на использование различных подходов во взглядах на соотношение отраслей гражданского и семейного права. Например, В.И. Иванов говорил, что «договор о создании приемной семьи имеет смешанную семейно-правовую и гражданско-правовую природу» [7]. Е.Ю. Валявина при характеристике данного договора говорит, что он «гражданско-правовой, но со специальным субъектным составом и объектом правоотношения» [10].

Полагаю, что договор о приемной семье относится к семейно-правовым договором, так как он имеет свой предмет и различные особенности, присущие только ему, здесь нельзя не согласиться с мнением А. М Нечаевой, которая говорит о том, что «к этому договору предъявляются различные требования, которые закреплены в статье 402 ГК РФ. На него распространяются все положения договора, но он не является гражданско-правовым» [9]. Р.А. Шукуров также говорит о семейно-правовой природе, указывая, что «предметом исследуемого договора является воспитание ребенка в семье... и эта деятельность услугой не является» [12].

Также стоит сказать о наличии именно семейно-правовой ответственности по данному договору. Ст. 153.2 СК РФ затреплет основания прекращения договора о приемной семье, здесь стоит сказать о выявлении условий, которые

являются ненадлежащими для содержания и воспитания ребенка, что выступает основанием для расторжения договора.

И как говорилось ранее, цель приемной семьи – реализовать право ребенка на семейное воспитание, создать условия для его полноценного развития, поэтому цель договора о приемной семье состоит не в том, что сторона получает услугу на возмездной основе, а именно в защите прав и интересов приемного ребенка. Такая услуга имеет семейно-правовой характер.

Ссылаясь на статью 2 СК РФ, семейное законодательство определяет формы и порядок устройства в семью детей, оставшихся без попечения родителей, поэтому можно сделать вывод, что данный договор регулируется семейным законодательством, в связи с чем является семейно-правовым договором.

Однако здесь стоит сказать о том, что многие ученые говорят о гражданско-правовом характере данного договора, а именно «в силу того, что он:

- Является возмездным;
- Имеет явные сходства с договором в пользу третьего лица;
- Заключается на определённый срок (как правило до достижения совершеннолетия);
- Предмет договора – это деятельность приёмных родителей, которая имеет не трудовой характер, а, по сути, является оказанием услуг» [8].

В рамках вопроса о гражданско-правовом характере данного договора необходимо упомянуть Постановление Конституционного Суда РФ от 15.10.2024 N 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 152 и пункта 2 статьи 153.1 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.Г. Исаковой».

В данном постановлении Конституционный Суд РФ обратил внимание на ряд признаков, которые указывают на гражданско-правовой характер данного договора, речь идет о вознаграждении приемным родителям, в связи с чем есть возможность применения гражданско-правовых способов защиты прав приемного родителя. Это «позволяет – тем более в отсутствие специальных нормативных положений об ответственности органов опеки и попечительства за несвоевременную выплату вознаграждения – применять для целей защиты имущественных интересов приемных родителей пункт 1 статьи 395 ГК Российской Федерации» [5], что в определенной мере помогает сохранять права приемных родителей. А в определенных случаях несвоевременная выплата такого вознаграждения указывает на необходимость определения правового механизма для защиты имущественных прав приемных родителей.

Актуальным вопросом, связанным с институтом приемной семьи, является размер и порядок выплаты приемным родителям вознаграждения по договору.

Здесь также стоит сказать о Постановлении Конституционного Суда РФ от 15.10.2024 N 46-П, в котором суд разъяснил, что приемные родители могут взыскивать проценты с органов опеки за просроченную выплату вознаграждения.

Поводом стала история жительницы Москвы, которая в 2015 году вместе с мужем взяла под опеку детей, однако получила отказ в заключении договора о приемной семье. Позже суд отменил это решение и соглашение подписали в 2019 году, однако выплату за пропущенный период они не получили.

Нужно сказать, что взыскать проценты за пользование чужими финансами можно, если спор является гражданско-правовым, а нарушенное обязательство – денежным. Выплату вознаграждения приемным родителям чаще всего относится к социальным. Как говорилось ранее, хоть в основе правового регулирования отношений, связанных с воспитанием ребенка в приемной семье, лежат публично-правовые начала, при необходимости могут применяться положения гражданского законодательства, по своей природе вознаграждение предоставляется на основании договора и не имеет строгого целевого назначения.

Размер вознаграждений и иных мер социальной поддержки приемным родителям определяется договором о приемной семье в соответствии с законами субъекта Российской Федерации, в частности, на территории Тверской области действует закон от 27 ноября 2003 г. N 76-ЗО «О регулировании отдельных вопросов, связанных с приемными семьями» [6].

Таким образом, институт приемной семьи играет важную роль, как один из социально значимых форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, однако среди ученых отсутствует единство взглядов по вопросу определения правовой природы данных отношений. Формирование института приёмной семьи – явление необходимое, так как это вклад в воспитание и образование тех детей, которые не имеют собственной семьи.

Государству необходимо иметь четкое правовое регулирование и верно определять характер правоотношений, которые возникают между сторонами при заключении договора о приемной семье, так как необходимо серьезно подходить к вопросу об условиях формирования подрастающего поколения и не допускать нарушения их прав.

Список литературы

1. "Конвенция о правах ребенка" (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // "Сборник международных договоров СССР", выпуск XLVI, 1993
2. Семейный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
3. Собрание законодательства РФ. 2016. № 7. Ст. 995.
4. Федеральный закон от 24.04.2008 N 48-ФЗ (ред. от 02.07.2013) "Об опеке и попечительстве" // "Российская газета", N 94, 30.04.2008.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.10.2024 N 46-П "По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 152 и пункта 2 статьи 153.1 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.Г. Исаковой" // [Электронный ресурс]. Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»

6. Закон Тверской области от 27 ноября 2003 г. N 76-ЗО "О регулировании отдельных вопро-сов, связанных с приемными семьями" (ред от 17.07. 2013) // [Электронный ресурс]. Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»

7. Комментарий к Семейному кодексу РФ / Под общ. ред. П.В. Крашенинникова, П.И. Седугина. – М., 1997. – С. 289.

8. Л.Ю. Михеева, Опекa и попечительство: Теория и практика / Л.Ю. Михеева; Под ред. Р.П. Мананковой, М.: 2004, с. 52-53

9. Нечаева А. М. Правовые аспекты деятельности приемной семьи // Актуальные проблемы современного детства / под общей ред. Е. М. Рыбинского. М., 1998. С. 34-35.

10. Сергеев, А.П. Гражданское право: Учебник / А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М., 1998. – С. 433.

11. Чашкова, С.Ю. Проблемы правового регулирования отношений в приемной семье. Усыновление в России / СЮ. Чашкова // [http:// www.usynovite.ru / consult / law / chashkova /](http://www.usynovite.ru/consult/law/chashkova/)

12. Шукуров Р. А. Приемная семья по семейному праву России: дис....канд. юр. наук. Белгород, 2004. 163 с.

Об авторе:

ПЕРЛОВА Кристина Алексеевна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Правовые основы семьи и брака», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33).

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.

Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Момент исчисления срока исковой давности раздела совместно нажитого имущества в контексте соблюдения принципа правовой определенности

В.А. Попов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируется проблема применения положений о сроке исковой давности в рамках раздела общего имущества бывших супругов. Исследуются и оцениваются предложения по внесению изменений в норму п. 7 ст. 38 Семейного кодекса РФ в части установления момента расторжения брака как момента, с которого начинается течение срока исковой давности. Рассматриваются правовые последствия предлагаемых изменений, в частности, с позиции пропустившей срок стороны. Обращено внимание на контрпродуктивность предложенного способа устранения пробелов законодательства. Сделан вывод о том, что для эффективного устранения правовой неопределённости в рамках процесса раздела общего имущества бывших супругов необходим комплексный подход, включающий создание правовых норм, регламентирующих срок для раздела общего имущества и преобразование общей собственности в долевую после окончания данного срока.

***Ключевые слова:** бывшие супруги, раздел имущества, срок исковой давности, совместно нажитое имущество.*

На сегодняшний день в рамках семейного законодательства активно ведется работа по улучшению существующей нормативной базы. В 2024 году было принято большое количество изменений, расширяющих и дополняющих существующие нормы. К таким можно отнести установление статуса многодетной семьи, формальное закрепление запрета на усыновление детей людьми, сменившими пол, или гражданами государства, законодательно разрешающего подобные изменения, запрет пропаганды отказа от деторождения и многие другие [3, 4, 5].

В рамках указанного направления в Государственную Думу был внесён Законопроект № 677659-8 «О внесении изменения в пункт 7 статьи 38 Семейного кодекса Российской Федерации». Законопроект призван, согласно пояснительной записке, усовершенствовать правовое регулирование отношений, связанных с разделом общего имущества супругов после расторжения брака [6].

Для достижения поставленной цели авторами законопроекта предлагается устранить правовую неопределенность, вызванную отсутствием в законодательстве формально определенного момента, с которого начинается течение срока исковой давности, применяемого к требованиям о разделе общего имущества бывших супругов. Рассмотрим указанную проблему подробнее.

Согласно п. 7 ст. 38 Семейного кодекса РФ: «К требованиям супругов о разделе общего имущества супругов, брак которых расторгнут, применяется трехлетний срок исковой давности» [2]. Данная отсылочная норма прямо указывает на два факта. Во-первых, срок исковой давности формально определен и составляет 3 года, что, в своей задумке, должно исключать

различные толкования рассматриваемой нормы. Во-вторых, в п. 1 ст. 200 Гражданского кодекса РФ устанавливается, что течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права [1]. Положение о надлежащем ответчике в границах рассматриваемой проблемы анализа не требует, поскольку в рамках взаимоотношений бывших супругов (за исключением дел, связанных с наследством) надлежащий ответчик известен заранее. Наиболее интересен для изучения момент, с которым закон связывает начало исчисления срока исковой давности, поскольку именно существующий пробел правового регулирования указанного срока влечёт за собой возникновение правовой неопределённости.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 19 Постановления от 5 ноября 1998 г. №15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» разъяснил, что течение трёхлетнего срока исковой давности для требований о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, брак которых расторгнут, следует исчислять не со времени прекращения брака, а со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права [7].

Определение момента, когда один из бывших супругов узнал или должен был узнать о нарушении своего права, принято считать дискуссионным вопросом [8,10,11,12]. При этом различные мнения присутствуют как в науке, так и в судебной практике [13,16]. Норма п. 7 ст. 38 Семейного кодекса РФ закрепляет возможность применения срока исковой давности к процедуре раздела общего имущества. При этом отсутствие положений, определяющих момент, с которого начинается течение срока исковой давности, ведет к формированию в рамках судебной практики различных подходов при рассмотрении схожих дел. Само собой, подобное обстоятельство не имеет права на существование. Как неоднократно указывал Конституционный суд, неоднозначность, неясность и противоречивость в правовом регулировании недопустимы. В пояснительной записке в качестве объяснения актуальности вносимого законопроекта приводятся аналогичные доводы.

В первую очередь следует рассмотреть предложения по исправлению сложившейся ситуации, изложенные в законопроекте, и возможные последствия их применения. В рамках законопроекта предлагается: пункт 7 статьи 38 Семейного кодекса Российской Федерации изложить в следующей редакции: «К требованиям супругов о разделе общего имущества супругов, брак которых расторгнут, применяется трехлетний срок исковой давности, исчисляемый с момента расторжения брака». Указанные изменения, по мнению авторов законопроекта, необходимы для того, чтобы: а) обеспечить единство и стабильность судебной практики по данной категории дел; б) повысить уровень правовой определенности и предсказуемости в имущественных отношениях бывших супругов; в) создать более понятный и прозрачный механизм исчисления срока исковой давности; г) стимулировать супругов к своевременному разрешению вопросов о разделе имущества после развода; д) снизить риски злоупотреблений и недобросовестного поведения при разделе

имущества; е) привести семейное законодательство в соответствие с принципами правовой определенности и стабильности.

Рассматривая возможные последствия принятия изменений, представленные авторами законопроекта, можно выделить три основные цели. Во-первых, формирование принципа правовой определенности в рамках рассматриваемого механизма. Во-вторых, формирование стимула для своевременного разрешения вопроса о разделе общего имущества. В-третьих, лишить недобросовестных участников процесса возможности злоупотребления своим правом, в том числе исключить возможную коррупционную составляющую.

Стоит обратить внимание на то, что существующая проблема, а также возможные последствия её решения предложенным способом, выделены составителями законопроекта верно. Однако сам способ, на наш взгляд, не позволит в полной мере избавиться от существующего пробела в правовом регулировании. Для подтверждения указанного довода стоит изучить каждую из трех целей и дать объективную оценку возможной эффективности выбранного способа для их достижения.

Первая цель – формирование принципа правовой определенности. Обратимся к сложившейся на данный момент практике применения норм семейного права. Как было указано выше, нормы п. 1 ст. 38 Семейного кодекса РФ предоставляют супругам право разделить совместно нажитое имущество до расторжения брака, в процессе его расторжения и после его расторжения. Фактически законодательство презюмирует, что до проведения процедуры раздела совместно нажитого имущества супругов существующий режим имущества сохраняется до истечения срока исковой давности. При этом, в связи с неопределённостью момента, с которого начинается течение указанного срока, имущество может оставаться в статусе совместно нажитого вечно (или как минимум до смерти одного из бывших супругов) [2]. Действительно, правовая неопределённость видна даже при поверхностном изучении. Однако применим к указанному казусу редакцию статьи, предлагаемой авторами законопроекта.

Срок исковой давности в рамках процедуры раздела совместно нажитого имущества истекает спустя три года с момента расторжения брака. Но стоит задать прямой и вполне логичный вопрос: а что за этим последует? Что произойдет с совместно нажитым имуществом и какие последствия понесет сторона, заявляющая о разделе уже по истечении срока исковой давности? На данные вопросы законопроект никакого ответа не дает. Однако, если смоделировать ситуацию, мы получим следующее.

Пропуск срока исковой давности, согласно ст. 199 Гражданского кодекса РФ, является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении исковых требований. Соответственно, это должно повлечь за собой неблагоприятные последствия для истца [1]. Но какие последствия повлечет за собой данный отказ? Отказ в разделе фактически оставит имущество в статусе совместно нажитого. Только в отличие от существующей на данный момент ситуации более никакой возможности разделить его не представится. В рамках

действующего законодательства бывшие супруги имеют право разделить имущество в любой момент после расторжения брака. Исключением, позволяющим применить положения о сроке исковой давности, является лишь нарушение прав одного из бывших супругов. В рамках предлагаемых изменений процесс раздела усложняется дополнительным условием. При пропуске срока исковой давности важным обстоятельством становится заявление одного из бывших супругов о пропуске срока. При заинтересованности бывших супругов в разделе имущества или отсутствии у супруга-ответчика возражений относительно раздела заявление о пропуске срока не будет подано. Следовательно, супруги могут также разделить имущество в любое время, что полностью соответствует существующему в данный момент порядку раздела. В том случае, если супруг-ответчик заявляет о пропуске срока исковой давности, судья имеет право отказать в удовлетворении требований о разделе имущества. Таким образом, супруг-истец, при наличии судебного решения, лишается права на раздел общего имущества.

Фактически общая совместная собственность супругов не прекращается и не преобразуется, а обязательственный характер отношений прекратится лишь по факту смерти одного из бывших супругов.

Таким образом, в рамках процедуры раздела совместно нажитого имущества никакой правовой определённости не возникает. Более того, существование подобных правоотношений вплоть до смерти одного из бывших супругов становится данностью, а один из бывших супругов теряет право повлиять на это после истечения срока исковой давности.

Более того, в отношении долгов, возникших у бывших супругов в период брака, предложенные изменения порождают новые проблемы. В законопроекте никак не обозначается судьба подобных обязательств. При этом, согласно нормам семейного законодательства, совместные обязательства подлежат разделу в соответствии с присужденными долями при разделе имущества. Однако если имущество не было разделено, что в таком случае произойдёт с общими обязательствами, и можно ли после истечения срока давности признать их личными обязательствами одного из супругов? Ответ на подобные вопросы в законопроекте не представлен.

Интересным фактом также является то, что законопроект никак не обозначает переходные положения. В случае принятия рассматриваемых поправок открытым остается вопрос о применении норм права к правоотношениям, возникшим до вступления в силу озвученных изменений. В первую очередь, свое отражение указанное недопущение находит в тех случаях, когда супруги уже расторгли брак, однако имущество разделено не было. Какая точка отсчета срока исковой давности будет установлена для подобных ситуаций, также нигде не уточняется.

Неизменность режима совместной собственности супругов при пропуске срока исковой давности также ставит под сомнение достижение второй цели рассматриваемых поправок – сформировать стимул для своевременного разрешения вопроса о разделе общего имущества. Авторы законопроекта не

раскрывают, в каком значении использовано слово «стимул», однако, исходя из контекста, можно предположить две вещи. Во-первых, стимулом могут являться определенные правовые последствия, упрощающие дальнейшие взаимоотношения бывших супругов как с нематериальной точки зрения, так и в материальном плане. Подобного стимула в рассматриваемом законопроекте не наблюдается. Во-вторых, стимул может иметь обратное значение – беспокойство возможными санкциями, следующими за неисполнением определенных действий. Применительно к положениям о сроке исковой давности следует рассматривать второй вариант. Однако необходимо понимать, что пропуск срока исковой давности несет в себе лишь неявные негативные последствия. Как мы подчеркивали выше, имущество как было, так и остается в рамках существующего законного режима.

Подобное действие имело бы эффект, если человек, не инициировавший процедуру до окончания срока исковой давности, лишался права собственности на общее имущество. К примеру, по окончании срока давности все имущество передавалось бы в единоличное владение титульного собственника. Мы ни в коем случае не утверждаем, что подобные изменения должны быть реализованы. Однако на контрасте двух исходов можно однозначно определить, в каком случае бывшие супруги будут иметь настоящий стимул к разделу общего имущества.

Наконец, следует перейти к последней из трех целей, выделенных при рассмотрении законопроекта, а именно – лишить недобросовестных участников процесса возможности злоупотребления своим правом, в том числе исключить возможную коррупционную составляющую. В законопроекте отмечается: «Неопределенность правового регулирования и широкие возможности для судебного усмотрения при определении начала течения срока исковой давности создают почву не только для злоупотреблений со стороны недобросовестных участников процесса, но и для коррупционных проявлений».

Составителями законопроекта отдельно выделяется коррупционная составляющая. Отсутствие четкой позиции относительно определения момента начала течения срока исковой давности открывает возможность для злоупотребления судьей своим положением в целях получения выгоды. Однако, на наш взгляд, предложенные в законопроекте изменения не являются решением данной проблемы. Можно согласиться с тем, что наличие в законе указания на конкретный момент, с которого начинается течение срока исковой давности, лишает заинтересованное лицо возможности повлиять на эту часть судебного решения. Однако, пропущенный срок исковой давности можно восстановить. Как указывает Верховный Суд [9], перечень уважительных причин для восстановления срока, указанный в ст. 112 ГПК РФ, не является исчерпывающим. Заинтересованное лицо, имеющее корыстный мотив, может повлиять на судью в части оценки причины пропуска срока исковой давности. В результате причина будет признана уважительной, а срок исковой давности будет восстановлен.

Таким образом, можно однозначно сказать, что ни одну из поставленных целей предлагаемая законопроектом редакция ст. 38 Семейного кодекса РФ не

решает [2]. На наш взгляд, авторы законопроекта ставят правильные цели, однако для их достижения применяют неподходящие инструменты.

Дело в том, что основная проблема, возникающая при отказе уже бывших супругов от раздела имущества – «длящаяся общая собственность».

Так в научной литературе называют ситуацию, при которой супруги не устранили общность имущества, приобретенного ими в период брака, то есть не произвели раздел имущества. При этом, казалось бы, уже утрачена одна из важных особенностей этого вида общей собственности – лично-доверительный характер отношений супругов [14]. Режим общей совместной собственности продолжает действовать в отношении созданной в период брака совокупности имущества. Подобная проблема признается научным сообществом как одно из существенных противоречий семейного законодательства [17].

Более того, противоречие скрыто и в названиях статей семейного и гражданского кодексов. Статьи 34 Семейного кодекса РФ «Совместная собственность супругов» и 256 Гражданского кодекса РФ «Общая собственность супругов» продолжают применяться к правоотношениям людей, которые супругами больше не являются [1]. Именно решение указанной проблемы должно быть предложено в первую очередь. Ведь не имеет значения, с какого момента начинается течение срока исковой давности, когда вне зависимости от его пропуска законный режим имущества остается неизменным. На наш взгляд, для решения указанного вопроса следует внести следующие изменения.

Во-первых, после расторжения брака бывшие супруги утрачивают свой правовой статус. Из этого однозначно следует, что существование совместной собственности супругов в отсутствие четких границ для изменения подобного режима имущества не должно иметь место в современной правовой действительности. Однако это не значит, что бывших супругов необходимо принуждать к подобному разделу.

Фактически расторжение брака не означает единовременный и полный разрыв отношений, сложившихся у людей. Взаимоотношения могут продолжаться неопределенно долгое время. Именно поэтому нельзя однозначно говорить, что одной из ключевых причин возникновения необходимости раздела общего имущества является утрата между бывшими супругами лично-доверительных отношений о порядке владения, пользования и распоряжения имуществом [15].

Вышеуказанный факт позволяет логически объяснить применение общих норм о порядке применения срока исковой давности к взаимоотношениям между бывшими супругами. Действительно, подобные отношения могут сохраняться вплоть до смерти одного из супругов. В таком случае определить момент, с которого начинается течение срока исковой давности, невозможно. Ведь в отсутствие нарушения права момент, когда один из бывших супругов узнал или должен был узнать о нем, просто не будет существовать.

Однако это не значит, что существование совместной собственности на протяжении неограниченного времени не имеет негативных последствий. Подобный правовой режим может представлять проблему для иных участников

гражданского оборота, например, кредиторов или наследников.

Таким образом, возникает ситуация, при которой, для соблюдения баланса интересов всех сторон, требуется выполнение трех объективных задач. Во-первых, нельзя заставлять супругов, у которых сохранились лично-доверительные отношения, проводить процедуру раздела имущества. Во-вторых, необходимо соблюдать интересы третьей стороны, и исключить возможные проблемы, связанные с неопределенностью в отношении имущества бывших супругов. В-третьих, если один из супругов все же имеет желание разделить общее имущество, необходимо применять положения о сроке исковой давности. Существование подобного срока необходимо, чтобы поведение заинтересованного лица стало более предсказуемым для другого бывшего супруга (то есть отвечало принципу правовой определенности). При этом пропуск такого срока, с одной стороны, должен нести определенные неблагоприятные последствия для заинтересованного лица, с другой стороны, пропуск срока не может навсегда закреплять имущество в рамках совместной собственности.

По нашему мнению, все вышеуказанные цели можно достичь в рамках одного процесса. Совместная собственность супругов не может существовать после расторжения брака. В связи с данным обстоятельством мы предлагаем проводить процедуру перехода общей собственности супругов в долевую собственность. Подобный режим предполагает формальную определенность доли в праве собственности и однозначно отвечает интересам третьих лиц.

Однако подобная процедура не может быть обязательной. Нельзя принуждать бывших супругов к разделу имущества, когда лично-доверительные отношения между ними сохраняются. По этой причине мы считаем, что необходимо установить срок для раздела имущества, течение которого начинается со дня расторжения брака. В рамках срока, составляющего 3 года, супруги могут разделить имущество добровольно. По окончании срока право общей собственности прекращается в силу прямого указания закона. При этом имущество переходит в долевую собственность бывших супругов, а доли устанавливаются равными. Необходимо подчеркнуть, что имеется в виду не срок исковой давности, поскольку его пропуск порождает иные последствия. Предлагается ввести именно период времени, в течение которого у бывших супругов сохраняется право на совершение определенных действий (раздел имущества с возможностью требовать раздела в долях, отличных от равных).

Подобный подход, во-первых, ничего не изменит для супругов, лично-доверительные отношения между которыми на момент окончания срока сохраняются. Замена общей собственности на долевую, при порядке пользования, установленном по устной договоренности между супругами, никак не повлияет на их взаимоотношения. При этом такой подход отвечает и интересам бывших супругов, один из которых имеет намерение разделить общее имущество. С одной стороны, для второго супруга его поведение в правовом поле становится предсказуемым, ведь по окончании срока имущество делится в равных долях. В случае, если заинтересованный супруг имеет основания для отступления от равенства долей, он обязан сделать это в течение

срока. При этом, если заинтересованный в изменении размера долей супруг не разделит имущество в рамках срока, он получит лишь половину имущества. Таким образом, взаимодействие с размером долей в общем имуществе ведет к возникновению «стимула», необходимость существования которого указывали авторы законопроекта.

Подводя итог всему вышесказанному, можно однозначно резюмировать, что предлагаемые авторами законопроекта изменения п. 7 ст. 38 Семейного кодекса РФ не могут быть использованы для решения рассмотренной проблемы. Для устранения существующих пробелов в законодательстве требуется комплексный подход, содержащий в себе несколько взаимосвязанных шагов. Примером такого подхода можно назвать предложенную нами концепцию по установлению срока раздела общего имущества с соблюдением интересов всех сторон.

Именно подобный подход позволил бы актуализировать нормы семейного права, устранить имеющиеся проблемы и сформировать законодательный базис, отвечающий, в том числе, принципу правовой определенности.

Список литературы

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 30.11.2024).
2. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 30.11.2024).
3. Федеральный закон от 29.05.2024 № 114-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об исполнительном производстве" URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/> (дата обращения: 30.11.2024).
4. Федеральный закон "О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации" от 23.11.2024 № 405-ФЗ URL: <https://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 30.11.2024).
5. Указ Президента РФ от 23.01.2024 N 63 "О мерах социальной поддержки многодетных семей" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467710/ (дата обращения: 30.11.2024).
6. Законопроект № 677659-8 «О внесении изменения в пункт 7 статьи 38 Семейного кодекса Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/677659-8#bh_histras (дата обращения: 01.12.2024).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 N 15 (ред. от 06.02.2007) "О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (дата обращения: 01.12.2024).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2018 N 11-КГ18-11. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15052018-n-11-kg18-11/> (дата обращения: 01.12.2024).
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.03.2022 N 4-КГ21-59-К1. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14032022-n-4-kg21-59-k1/> (дата обращения: 01.12.2024).
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.08.2022 N 67-КГ22-10-К8. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda->

rossiiskoi-federatsii-ot-09082022-n-67-kg22-10-k8/ (дата обращения: 01.12.2024).

11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2023 г. N 48-КГ23-1-К7. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/> (дата обращения: 01.12.2024).

12. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 марта 2021 г. по делу № 88-1895/2021. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения: 01.12.2024).

13. Казакова Е.Б. Раздел имущества и долгов в результате расторжения брака // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 8-4. С. 816-819.

14. Кодификация российского частного права 2019: сборник научных трудов / В. В. Витрянский, М. Ю. Головина, Б. М. Гонгало [и др.]. Москва: Статут, 2019. 492 с.

15. Пьянкова А.Ф. Право общей совместной собственности супругов после расторжения брака: в поисках баланса интересов // Закон. 2019. № 12. С. 138 – 147

16. Слепко, Г.Е. Правовое регулирование имущественных отношений супругов: монография / Г.Е. Слепко, Ю.Н. Стражевич. – М.: Норма, 2015. С. 126-129.

17. Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. Москва: Статут, 2017. 626 с.

Об авторе:

ПОПОВ Всеволод Александрович – аспирант 1 курса юридического факультета направления подготовки 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.
Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Ограничение родительских прав как форма разлучения ребенка с родителями

В.М. Сергиенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются нормы действующего законодательства и позиции судов, посвященные вопросу ограничения родительских прав как форме разлучения ребенка с родителями.

Ключевые слова: ребенок, родители, защита интересов ребенка, разлучение ребенка с родителями, ограничение родительских прав.

Ограничение родительских прав представляет собой одну из самых сложных и противоречивых мер, применяемых в сфере семейного права. Эта мера зачастую становится необходимой в ситуациях, когда благополучие ребенка ставится под угрозу из-за неадекватного поведения родителей. Разлучение ребенка с родителями, как следствие ограничения прав, сопровождается эмоциональными травмами и стрессом, воздействующими, как на детей, так и на родителей.

Необходимо учитывать психоэмоциональное состояние ребенка, который оказывается в условиях неопределенности и потери связи с родителями. Исследования показывают, что длительное лишение родительского общения может вызвать у детей сложности в формировании привязанностей, что впоследствии может отразиться на их психологическом здоровье. Поскольку государственные органы и суды принимают решения о подобных мерах, их действия должны быть основаны на всестороннем анализе обстоятельств, включая мнение самого ребенка.

Таким образом, ограничение родительских прав должно рассматриваться, как крайняя мера, целью которой является защита интересов ребенка и его будущее благополучие, а не просто инструмент разлучения, игнорирующий эмоциональные последствия для всех участников процесса.

Вопросы лишения/ограничения родителей в родительских правах, как и отмена ограничения и восстановление РП отнесены к компетенции судебных органов. При этом суд не определяет форму устройства для ребенка, чьи родители (родитель) ограничены/лишены родительских прав, оставляя вопрос выбора законного представителя в компетенции органа опеки и попечительства [2].

Важным аспектом в обсуждении ограничения родительских прав является необходимость комплексного взаимодействия всех сторон, включая социальные службы, психологов и юристов. В этом контексте следует уделить внимание психосоциальному сопровождению как детей, так и родителей. Профессиональная помощь может помочь всем участникам справиться с эмоциональными последствиями и наладить более здоровые отношения, даже в условиях ограничения прав [3].

Кроме того, необходимо отметить значимость профилактических мер, которые могут предотвратить ситуации, приводящие к необходимости

вмешательства государства. Образовательные программы для родителей, направленные на улучшение навыков воспитания и понимания потребностей ребенка, могут сыграть ключевую роль в снижении конфликтов и напряженности в семьях.

Не менее важным является и постоянный мониторинг условий жизни ребенка после принятия решения о лишении родительских прав. Установление доверительных отношений с опекунами и работниками социальных служб может способствовать улучшению эмоционального состояния ребенка и его успешной социализации.

В конечном итоге, подход к ограничению родительских прав должен оставаться гуманным и ориентированным на семью и на интересы ребенка. Такое отношение позволит минимизировать негативные последствия и сосредоточиться на его благополучии и будущем.

Согласно п. 2 ст. 73 СК РФ, ограничение родительских прав допускается в случаях, если оставление ребенка с родителями (одним из них), вследствие их поведения, является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав [1, 4].

Тенденцией правоприменительной практики является сокращение общего числа дел о лишении родительских прав и увеличение числа случаев ограничения родительских прав по основаниям виновного поведения родителей, при этом ограничение в родительских правах приобретает неопределенно длительный характер [5].

При разработке программ поддержки важно включить и механизм обратной связи, который позволит родителям и детям делиться своими переживаниями и потребностями. Это поможет специалистам своевременно корректировать подходы и предлагать наиболее эффективные решения. Регулярные встречи и консультации могут способствовать улучшению взаимопонимания и формированию более крепкой связи между семьями и социальными работниками.

Также, следует акцентировать внимание на важности работы с родителями, чьи права были ограничены. Предоставление профессиональной психоэмоциональной поддержки и возможность участия в образовательных курсах по семейным отношениям помогут таким родителям осознать свои ошибки и развивать необходимые навыки для дальнейшего общения с детьми. Это может быть ключевым фактором в будущем восстановлении их прав.

Опыт родителей в службах поддержки (комплексные услуги поддержки имеют решающее значение для обеспечения устойчивого воссоединения, учитывая травмирующие обстоятельства, которые обычно способствуют изъятию ребенка) [4].

Исходя из текста СК РФ Статья 73. Дела об ограничении родительских прав рассматриваются с участием прокурора и органа опеки и попечительства [1, 6].

Взаимодействие между всеми участниками процесса должно основываться на принципах доверия и открытости. Установление таких отношений не только создаст позитивную атмосферу, но и позволит людям чувствовать себя более уверенно в сложных ситуациях. Команда профессионалов, действующая с

учетом интересов всех сторон, сможет более эффективно справляться с вызовами, возникающими в процессе ограничения родительских прав.

Важно также интегрировать механизмы аналитики и мониторинга в программы поддержки. Сбор и анализ данных о ходе взаимодействия между родителями и специалистами помогут выявлять проблемы и находить индивидуальные решения для каждой семьи. Это создаст возможность для адаптации подходов на основе реальных потребностей участников.

Нельзя забывать и о создании платформы для обмена опытом между родителями. Группы поддержки, где они могут делиться своими переживаниями, находить новые способы взаимодействия с детьми и получать дельные советы, могут стать ценным ресурсом. Подобные инициативы способствуют не только эмоциональной поддержке, но и укреплению сообществ, где родители чувствуют себя менее изолированными.

Кроме того, организация совместных мероприятий, таких как семейные дни или мастер-классы, может стать отличным способом для установления доверительных отношений между родителями и профессионалами. Важно, чтобы эти мероприятия были не только образовательными, но и способствовали созданию теплой и поддерживающей атмосферы. Взаимодействие на таком уровне позволит всем участникам процесса почувствовать значимость своего вклада в общее дело.

Внедрение регулярных анкет и опросов среди родителей поможет получать обратную связь о качестве оказываемой поддержки и выявлять области для улучшения. Такие инструменты позволят не только отслеживать успехи, но и улавливать изменения в потребностях семей. Эффективная система мониторинга будет способствовать более оперативному реагированию на возникающие трудности, тем самым повышая уровень удовлетворенности участников.

Организация обучающих курсов для специалистов, работающих с семьями, также играет важную роль. Постоянное обновление знаний и навыков у профессионалов позволит им лучше понимать сложности, с которыми сталкиваются родители. Такой подход создаст атмосферу сотрудничества, где родители почувствуют, что их мнение ценно и учитывается в работе специалистов.

Не менее важным является привлечение к процессу сообществ, которые могут предоставить дополнительные ресурсы, поддержку и информацию. Партнерство с местными организациями и волонтерскими группами расширит возможности программ поддержки и создаст сеть, способную ответить на разнообразные запросы семей.

Любые программы подготовки и повышения квалификации специалистов органов опеки и попечительства необходимо начинать, наряду с основами деятельности ООиП, с практических занятий по обсуждению традиционных семейных ценностей, и того, как они должны учитываться в работе специалистов.

В программы должны быть включены семинары дискуссионного характера о роли органов опеки в сохранении кровной семьи для ребенка, основанные на

анализе существующего федерального и регионального законодательства, выявлении правовых лагун и разработке возможных путей совершенствования законодательства. Специалисты должны учитывать психологические аспекты при рассмотрении вопросов разлучения и воссоединения детей и родителей (важность связи между родителями и детьми для полноценного развития ребенка; травмирующие последствия для психики, как детей, так и родителей; понимание глубокого чувства родительского/семейного горя и потери, которое оно порождает [7]).

Таким образом, интеграция аналитики, создание платформ для обмена опытом и организация образовательных мероприятий сделают программы поддержки более эффективными и ориентированными на реальные потребности родителей.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) [Электронный ресурс] // Доступ из системы КонсультантПлюс // ЭПС «Консультант плюс» (дата обращения: 03.10.2024).
3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2015 г.) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ» (дата обращения: 25.10.2024).
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 78-КГ23-24-К3 [Электронный ресурс] // Верховный суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/11790026> (дата обращения: 22.10.2024).
5. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2022 № 88-6685/2022 по делу № 2-1053/2021 [Электронный ресурс] // Доступ из системы КонсультантПлюс // ЭПС «Консультант плюс» (дата обращения: 22.10.2024).
6. Михеева Л.Ю. О реформах семейного законодательства: законотворчество и здравый смысл // Семейное право на рубеже XX—XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка : материалы Междунар. науч. конф. (г. Казань, декабрь 2010)/ Отв. ред. О.Н. Низамиева. Казань : Статут, 2011. С. 446.
7. Зайцева Н.А. Применение восстановительных технологий в спорах о лишении родительских прав (опыт Липецкой области) // Актуальные проблемы защиты неимущественных прав детей (материальные и процессуальные аспекты): Сборник научно-практических статей / Под общ. ред. А.Е. Тарасовой, О.Г. Зубаревой. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 232.

Об авторах:

СЕРГИЕНКО Вячеслав Михайлович – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Правовые основы семьи и брака», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33).

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.
Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Защита личных неимущественных прав и нематериальных благ супругов: вопросы теории и практики

А.А. Сорокина, О.В. Сундатова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются механизмы защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ супругов. Анализируется судебная практика по данному вопросу. Сделаны выводы о правовом регулировании данных общественных отношений.

Ключевые слова: личные неимущественные права, нематериальные блага, семья, супруги, компенсация морального вреда.

Нарушение личных неимущественных прав и нематериальных благ супругами друг друга – нередкое общественное явление. Об этом свидетельствуют результат социального опроса, проведенного ВЦИОМом в 2021 году, где наиболее распространенными причинами для расторжения брака являются взаимное непонимание, неверность одного из партнеров [13]. Ссоры и разногласия между супругами могут затрагивать честь, достоинство супругов и иные их нематериальные блага. Несмотря на наличие прецедентов, вопрос защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ супругов оставлен без внимания Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» [3]. Также не получил должного анализа и в современной доктрине, в том числе в работах, посвященных семейно-правовой ответственности, нематериальным благам и личным неимущественным правам или компенсации морального вреда [14]. Отсюда появляется необходимость в глубоком анализе данной темы. По указу Президента Российской Федерации, целью проведения Года Семьи является популяризация защиты семьи, сохранение традиционных семейных ценностей [2], поэтому данное научное исследование особо актуально.

Как уже отмечалось выше, вопросы, связанные с защитой личных неимущественных прав и нематериальных благ супругов, имеют низкий уровень научной разработанности. В российской доктрине теме личных неимущественных прав и нематериальных благ уделили особое внимание в своих трудах Зыков С.В., Гордеюк Е.В., Никитин Д.Н. и другие авторы.

Личные неимущественные отношения супругов, по мнению Никитина Д.Н., представляют собой «относительные отношения супругов по поводу нематериальных благ, которые тесно связаны с личностью участников этих отношений, могут выступать объектом семейно-правовых договоров в предусмотренных законом случаях и не имеют экономического содержания» [15]. Здесь ярко прослеживается преемственность нематериальных благ, которые имеют все граждане Российской Федерации в силу ст.150 Гражданского кодекса Российской Федерации, где к таковым относится жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность

жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага. Рассматривая данные правоотношения через призму семейного законодательства, отметим:

1. В гражданском праве личные неимущественные отношения, возникающие по поводу нематериальных благ, являются абсолютными, в семейном праве отношения супругов являются относительными.

2. Нематериальные блага, являющиеся объектом семейных правоотношений, не всегда носят естественный характер, поскольку некоторые из них возникают у участников рассматриваемых отношений не с рождения, а после вступления в брак (к примеру, право совместного решения вопросов семьи).

Следовательно, такой юридический факт, как государственная регистрация брака и приобретение статуса супругов, наделяют данных лиц рядом иных нематериальных благ. К ним относятся: свобода выбора фамилии (ст.32 СК РФ), право супруга на выбор рода занятий, профессий, места пребывания и жительства (данное право гарантировано ст.37 Конституции РФ и означает, что каждый – в том числе и супруги – вольны выбирать самостоятельно род деятельности), право супруга на выбор гражданства [1], право на расторжение брака (п.2 ст.16 СК РФ), право супругов на совместное решение вопросов семейной жизни: материнство, отцовство, воспитания, образования детей и иные нематериальные блага.

Семья, являясь не только институтом права, но и социальным институтом, не может быть полностью урегулирована нормами права. Как отмечает Ильина О.Ю.: «Любовь, доверие, уважение, чувства определяют как содержание отношений между членами семьи (и имущественных тоже), так и структуру данных отношений» [11], однако данные категории относятся к сфере нравственности, а следовательно, выходят за рамки правового регулирования. Кроме того, отношения между супругами включают в себя как частное, так и публичное начало, что в очередной раз подтверждает невозможность полного правового регулирования всех сфер данных общественных отношений.

В свою очередь, Гордеюк Е.В. обозначает, что «нематериальные блага в сфере нравственности как объекты брачных отношений являются самостоятельными объектами, не подвергаются правовому регулированию. Их правовой режим имеет специфику, отличную как от объектов материального мира, так и от других нематериальных объектов. Специфика нематериальных благ определяется отсутствием обособленности от субъектов. Они могут быть выражены путём эмоций, влечений, подвластных лишь влюблённым, вступающим в брак или состоящих уже в браке, а их действие проявляется в поведении мужчины и женщины. Нематериальные блага не поддаются правовому регулированию, однако являются самостоятельными объектами брачных отношений» [9].

Супруги зачастую не обращаются в судебные органы за защитой своих нематериальных благ, хотя, несомненно, они нарушаются. Супруги в силу своей физической, эмоциональной и бытовой близости, нередко могут причинить как нравственные, так и физические страдания друг другу. Сложно не согласиться с мнением Сидоровой С.А., определяющей, что «любое семейное правонарушение влечет физические и нравственные страдания лица, в отношении которого оно совершено» [16].

Рассмотрим специфику такой категории споров, как защита личных неимущественных прав и нематериальных благ супругов на примерах судебной практики. Так, с апелляционной жалобой обратился истец в Верховный Суд Республики Коми с требованием о компенсации морально вреда. Обосновал тем, что в связи с изменой жены у него ухудшился сон, появилось депрессивное, тревожное, угнетенное состояние, вызванное ощущением предательства, унижением достоинства и личного самолюбия. Суд, рассмотрев иск о компенсации морального вреда на решение Интинского городского суда Республики Коми от 26 июля 2017 г., пришёл к выводу, что, хотя СК РФ и предусматривает возможность компенсации морального вреда в п. 4 ст. 30 СК РФ, но вопросы супружеской неверности законодательством не урегулированы, а интимные взаимоотношения между супругами должны решаться ими в порядке личной договоренности с учетом их представлений о морали и нравственности, религиозных убеждений и т.п. Также указывается на необходимость доказательства того, что моральный вред причинен в связи с нарушением принадлежащих добросовестному супругу личных неимущественных прав или умалением других нематериальных благ. Однако доказательств недобросовестного поведения ответчицы, причинившего истцу физические и нравственные страдания, суду представлено не было [5]. Аналогичную позицию занял Новосибирский областной суд по делу о возмещении материальных убытков, взыскании компенсации морального вреда, причиненного недобросовестными действиями супруга, давшими повод для признания брака недействительным. Так, судебная коллегия по гражданским делам Новосибирского областного суда, проверяя законность решения по апелляционной жалобе ответчика, согласилась с его доводами о недоказанности причинения морального вреда [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, во-первых, отказ в удовлетворении исковых требований о компенсации морального вреда ввиду нарушения супругами личных неимущественных или нематериальных благ связан, в первую очередь, с трудностью доказывания причинения нравственных страдания. Вопрос о достаточности доказательств, подтверждающих причинение нравственных страданий вследствие нарушения супругом личных неимущественных прав и нематериальных благ, лежит в области судебного усмотрения, то есть относится полностью к дискреционным полномочиям судов. Как справедливо отметил Киселев А.: «Российские суды к европейским

традициям разрешения семейных споров не восприимчивы и не склонны подходить к вопросам причинения морального ущерба с позиции психологии, но придерживаются норм закона и разъяснений от вышестоящих судов» [12]. Во-вторых, некоторые нематериальных блага относятся к категории нравственности, например, верность, любовь, уважение. Соответственно, они не могут быть урегулированы нормами права и защищены в суде. Отчетливо об этом свидетельствует позиция суда, где он прямо указывает на то, что данные отношения являются «интимными», иными словами, попадают под сферу частной жизни супругов, где, в силу конституционных положений, государство не имеет контроля над ними.

Более подробно остановимся на решении Новооскольского районного суда: истец (бывший супруг) обратился в суд с иском о компенсации морального вреда к бывшей супруге. Свои требования мотивирует следующим: решением суда было установлено, что он не является отцом несовершеннолетнего ребенка, который воспитывался им вместе с ответчицей в браке. Установление данного факта причинило ему беспокойство, явилось для него шокирующим, ему было очень оскорбительно, задето его достоинство, он перенес внутренние переживания. Ответчик не стала проходить экспертизу ДНК, так как не хотела травмировать несовершеннолетнего ребенка. Суд отказал в удовлетворении исковых требований на основании, что отсутствует причинно-следственная связь между моральным вредом истца и деяниями ответчика, а также не предоставлены доказательства, свидетельствующие о понесении нравственных страданий супругом [8]. В частности, из позиции истца не ясно какое, по его мнению, нематериальное благо было нарушено его супругой, а само уклонение ответчика от прохождения экспертизы ДНК не является правонарушением и не затрагивает права истца. Важно отметить и то, что свидетельские показания оказались недостаточным доказательством нравственных страданий бывшего супруга, так как лица, которые дали суду свидетельские показания, не являлись непосредственными очевидцами, о случившемся узнали со слов истца. Таким образом, для взыскания компенсации морального вреда необходимо доказать следующую совокупность факторов:

1. Наличие физических или нравственных страданий. Анализ судебной практики показывает, что зачастую оказывается достаточно проблематично стороне спора предоставить достаточное количество доказательств.

2. Неправомерные действия (бездействия) супруга. В данном случае необходимо нарушение конкретной правовой нормы. Так, истцы ошибочно требуют компенсацию морального вреда за нарушение морально-этических норм, что безусловно не отвечает данному условию.

3. Причинно-следственная связь между неправомерными действиями (бездействием) супруга и моральным вредом другого супруга.

4. Вина.

С точки зрения И.А. Михайловой, нередок и фактический отказ от судебной защиты личных неимущественных прав, нарушаемых неправомерными действиями супруга. По мнению ученого, такой отказ обусловлен различными факторами: страхом перед своим супругом; недостаточностью юридических знаний у лица, чьи права были нарушены; неверием в эффективность судебного разбирательства. Во многих случаях предъявление такого требования является бесперспективным в связи с отсутствием у супруга денежных средств, за счет которых могла бы быть произведена такая компенсация, и т.д. [14].

Показательным примером является следующий спор: в Кузбассе бывший супруг запретил жене работать, при этом сам никакой материальной и иной финансовой помощи бывшей супруге с общим несовершеннолетним ребенком он не оказывал, поэтому бывшая супруга обратилась в суд с требованием о взыскании алиментов на свое содержание. Ответчик в судебное заседание не явился, но телефонограммой сообщил суду, что категорически против заявленных бывшей супругой требований. При этом каких-либо доказательств невозможности взыскания с него алиментов в пользу бывшей супруги он не предоставил. Суд удовлетворил исковые требования [7]. Интересным здесь является следующее: из обстоятельств дела прослеживается нарушение права на свободу выбора профессии, право на труд. Данные права гарантированы Конституцией РФ (ст.37), а также закреплены в ст.31 Семейного кодекса РФ. Однако женщина заявляет требование о взыскании алиментов, игнорируя то, что ответчик (её бывший супруг) чинит ей препятствия для реализации ее права на труд, иными словами, нарушает ее личные неимущественные права. Это лишь подтверждает точку зрения о том, что супруги не прибегают к судебной защите личных неимущественных прав в семейных правоотношениях, вероятно, ввиду вышеуказанных факторов.

Отметим, что Семейный кодекс по защите личных неимущественных и нематериальных благ предусматривает только право добросовестного супруга на компенсацию морального вреда, а в остальном необходимо руководствоваться общими положениями гражданского законодательства. Вопросы компенсации в пользу добросовестного супруга включены в п.18 Обзора судебной практики по делам о признании брака недействительным, где суд установил нарушение личного неимущественного права добросовестного супруга – отсутствие у другого супруга намерения создать семью [4].

Защита иных нематериальных благ словно выходит из правового поля. Зыков С. В. отмечал, что «личные неимущественные права преимущественно упоминаются в режиме «попутно сказанного» при разрешении жилищных и имущественных споров» [10]. Обоснование этого мы видим в следующем: во-первых, большинство нематериальных благ, которые приобрели супруги в силу государственной регистрации брака, носят декларативный характер, поскольку законодательство не предусматривает механизмов их принудительной реализации и возможности применения санкций за их нарушение. Во-вторых, в

низком уровне правовой грамотности граждан, так как лишь глубокий анализ семейного, гражданского законодательства и судебной практики позволяет выявить возможность защиты личных неимущественных прав. Например, п.2 ПП ВС от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» закрепляет, что отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причиненных нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не означает, что потерпевший не имеет права на компенсацию морального вреда, причиненного действиями (бездействием), нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага. В этом числе это применимо и к семейно-правовым отношениям.

Анализ судебной практики, касающийся защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ супругов, позволил выявить проблему применения мер ответственности за нарушение личных прав и обязанностей супругов. Как отмечает Хужин А.М.: «возникает коллизия самого объекта посягательства, его защиты и применения последствий. Нематериальные блага отличаются особым периодом существования, основаниями возникновения и прекращения, сложностью их выявления и определения, их правовой защитой, которая осуществляется опосредованно через защиту иных объектов» [17].

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что:

1. Полноценно урегулировать личные неимущественные отношения между супругами не представляется возможным, потому что первоочередным регулятором здесь выступают нормы морали и нравственности, однако это не должно лишать супругов возможности защиты своих личных неимущественных прав.

2. Малое количество судебной практики по защите личных неимущественных прав супругов не свидетельствует об отсутствии прецедентов.

Список литературы

1. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 N 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (дата обращения: 06.12.2024).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1.
4. Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Коми по делу № 33-6834/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.12.24).
6. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 01.08.2017 по делу N 33-7187/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.12.24).

7. Решение Мариинского городского суда Кемеровской области // Официальный сайт Мариинского городского суда Кемеровской области [Электронный ресурс] URL: https://mariinsky.kmr.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1654 (дата обращения: 17.11.2024).

8. Решение Новооскольского районного суда (Белгородская область) от 24 августа 2023 г. по делу № 2-629/2023 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KlYys0AwLpUS/> (дата обращения 01.12.2024).

9. Гордеюк Е.В. Нематериальные блага в сфере нравственности как объекты брачных правоотношений // Семейное и жилищное право. 2016. № 3. С.4-6.

10. Зыков С.В. Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2.

11. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007.

12. Киселёв А. Возмещение морального вреда, причинённого супружеской изменой // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.12.24).

13. От брака до развода: 1990-2021 // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-braka-do-razvoda-1990-2021> (дата обращения: 17.11.2024).

14. Михайлова И.А Компенсация морального вреда, причиненного супругами друг другу: взаимодействие гражданского и семейного права // Журнал «Семейное и жилищное право». 2023. № 5. [Электронный ресурс] URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=6839> (дата обращения: 20.11.2024).

15. Никитин Д.Н. Личные неимущественные правоотношения супругов: понятие, структура, классификация // Право и образование. 2014. № 10. С. 89-96.

16. Сидорова С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой ответственности и семейно-правовой ответственности в семейном праве: автореф. дис. канд. юрид. наук. Волгоград. 2007. С. 7.

17. Хужин А.М. Проблемы и перспективы реализации личных прав и обязанностей супругов // Журнал «Семейное и жилищное право». 2023. № 1.

Об авторах:

СОРОКИНА Анна Алексеевна – студентка 4 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

СУНДАТОВА Ольга Владимировна – студентка 4 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.

Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Проблема обеспечения интересов детей должника и детей кредиторов при банкротстве

В.В. Соснин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается проблема обеспечения интересов детей должника и детей кредиторов при банкротстве. Особое внимание уделяется поиску баланса интересов несовершеннолетних детей каждой из сторон процедуры банкротства. Проведен анализ судебной практики с целью выяснить, как в настоящий момент осуществляется защита прав и интересов несовершеннолетних детей в процедуре банкротства их родителей.

***Ключевые слова:** семейное законодательство; права и интересы несовершеннолетних; банкротство физических лиц; интересы кредитора и должника; правовое положение несовершеннолетних, гарантии.*

Проблема поиска баланса интересов различных участников процедуры банкротства не нова, ведь в ситуации, когда должник не имеет возможности погасить задолженность перед всеми кредиторами, а объема его имущества, которое должно быть реализовано для расчета со всеми кредиторами, недостаточно, как правило, возникает множество конфликтующих между собой интересов: между реестровыми и текущими кредиторами, кредиторами одной и разных очередей. При этом не менее важными являются интересы членов семьи должника, в том числе его несовершеннолетних детей.

В процессе исследования особое внимание уделяется поиску баланса интересов должника и его кредиторов, который не будет нарушать имущественные права несовершеннолетних детей последних.

Проблема поиска баланса между интересами детей должника и кредиторов должника по сути представляет из себя соотношение двух правовых ценностей – право ребенка на уровень жизни, необходимый для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития (статья 27 Конвенции о правах ребенка от 20.11.1989) [3], с одной стороны, и закрепленное в статьях 307 и 309 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] право кредитора по гражданско-правовому обязательству получить от должника надлежащее исполнение, с другой стороны, и установление между названными ценностями баланса.

"Общепризнанным принципом права, влияющим на выбор законодателя и правоприменителя того или иного регулирования, является защита слабой стороны правоотношения. Указанный принцип "применяется в целях выравнивания субъектов гражданского оборота, достижения наиболее эффективной реализации принципа юридического равенства" [1, с. 176].

Слабой стороной в семейных правоотношениях, как правило, являются несовершеннолетние дети, неспособные самостоятельно защитить свои права и интересы, полностью зависящие от своих законных представителей – родителей. Именно поэтому одним из основных начал семейного законодательства в нашей стране является обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних членов семьи.

В данной статье будет рассмотрена проблема обеспечения интересов детей должника и детей кредиторов при банкротстве, ведь, несмотря на то, что нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних детей должника недопустимо, нельзя забывать о том, что кредиторами должника, требования которых включаются в третью очередь, могут быть не только предприниматели, осуществляющие рисковую деятельность, а значит, изначально допускающие возможность невозврата им долгов. В числе таких кредиторов могут быть и другие физические лица, у которых также есть семьи и дети, финансовые интересы которых могут зависеть от возврата должником задолженности.

В связи с изложенным выше, в процессе банкротства важно учитывать интересы всех сторон, включая кредиторов, должника и его семью, что требует тщательного анализа и справедливого подхода к распределению имущества должника.

Обязанность суда обеспечить справедливый баланс между имущественными интересами кредиторов и личными правами должника также отражена в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года N 48 "О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан" [9], согласно которому в конкурсную массу не включаются получаемые должником выплаты, предназначенные для содержания иных лиц (алименты на несовершеннолетних детей, страховая пенсия по случаю потери кормильца, назначенная ребенку, пособие на ребенка, социальные пенсии, пособия и меры социальной поддержки, установленные для детей-инвалидов, и т.п.); из конкурсной массы исключается имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством, в том числе деньги в размере установленной величины прожиточного минимума, приходящейся на самого гражданина-должника и лиц, находящихся на его иждивении.

Таким образом, законодательством РФ предусмотрен следующий способ защиты интересов несовершеннолетнего ребёнка в случае банкротства его родителя. Этот способ заключается в том, что из конкурсной массы исключается сумма, необходимая для обеспечения прожиточного минимума как самого должника, так и его ребёнка или детей, которые находятся на его иждивении.

Более того, согласно позиции Конституционного суда Российской Федерации, из конкурсной массы исключается прожиточный минимум на ребенка, находящегося на иждивении должника, даже при отсутствии доказательств неисполнения вторым родителем обязанностей по содержанию ребенка, несмотря на то что Семейным кодексом РФ [10] закреплена обязанность обоих родителей содержать несовершеннолетнего ребенка.

Так, в процедуре банкротства гражданина, должник, признанный судом банкротом, обратился в суд с заявлением об исключении из конкурсной массы денежных средств, формируемых за счет его зарплаты, суммы в размере прожиточного минимума на себя и двоих несовершеннолетних детей.

Суд частично удовлетворил требование должника. Из конкурсной массы должника был исключён прожиточный минимум на него и одного из его детей. Что касается второго ребёнка, то суд исключил из конкурсной массы только половину прожиточного минимума. Это было сделано на основании того, что должником не были предоставлены доказательства того, что второй родитель не выполняет свои обязанности по содержанию несовершеннолетнего ребенка.

Суды апелляционной и кассационной инстанции сочли выводы суда первой инстанции законными и обоснованными, оставили судебный акт в силе. Однако Конституционный суд Российской Федерации при проверке конституционности положений пункта 3 статьи 213 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации, указал на то, что признаваемые неконституционными положения закона, такими по своей сути не являются. А умаление законных прав несовершеннолетних детей должника произошло по причине неправильного применения закона судами трех инстанций [7].

В связи с чем Конституционный суд РФ, указав, что защита семьи, материнства, отцовства и детства является одним из основополагающих интересов государства и находится под непосредственной защитой Конституции РФ, отправил дело на новое рассмотрение.

На наш взгляд, вопрос о сохранении за должником права на исключение из конкурсной массы суммы, необходимой для обеспечения прожиточного минимума его детей, не является ключевым в контексте поиска справедливого баланса между интересами кредиторов, детей кредитора и детей должника, так как речь идет о небольших суммах, и в ином случае, баланс интересов не был бы соблюден.

В связи с чем стоит также рассмотреть вопрос о том, как повлияет на баланс интересов кредиторов и семьи должника исключение из конкурсной массы более дорогостоящего имущества, нежели суммы прожиточного минимума на содержание детей.

Так, анализируя дело № А06-4099/2020, автором статьи было установлено следующее: должник обратился в арбитражный суд Астраханской области с ходатайством об исключении из конкурсной массы автомобиля Ford Transit VAN, 2008 года выпуска.

Суд первой инстанции удовлетворил ходатайство должника, руководствуясь ст. 213.25 Закона о банкротстве [11], разъяснениями, изложенными в п. 39 Постановления Пленума ВС от 13 октября 2015 г. № 45 [8], и исходил из того, что включение спорного транспортного средства в конкурсную массу и его последующая реализация приведут к нарушению прав несовершеннолетних детей должника, а также к нарушению справедливого баланса между имущественными интересами кредиторов и личными правами должника.

С противоположной точкой зрения к данному вопросу подошли суды апелляционной и кассационной инстанции и, отменяя решение суда первой

инстанции, указали на то, что спорное транспортное средство не подпадает под категорию имущества, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством, и не является специальным средством, выделенным в целях социальной поддержки семьи с детьми.

Более того, в случае реализации транспортного средства в деле о банкротстве должника половина от вырученных от продажи автомобиля денежных средств будет выплачена супругу должника, которые могут быть направлены на приобретение замещающего транспортного средства. Доводы должника о том, что автомобиль необходим для нормального существования, а также об установлении должнику запрета на физические нагрузки по состоянию здоровья, апелляционный суд отклонил как не свидетельствующие о наличии исключительных обстоятельств, указывающих на необходимость использования именно личного транспортного средства и невозможность использования иных способов передвижения, включая общественный транспорт или такси.

Верховный суд Российской Федерации, рассмотрев кассационную жалобу должника, указал, что факт нуждаемости должника в имуществе определяется судом в каждом конкретном случае с учетом обстоятельств спора [5].

Исследовав материалы дела, Верховный суд Российской Федерации пришел к выводу, что лишение семьи транспортного средства приведет к нарушению прав несовершеннолетних детей и справедливого баланса между имущественными интересами кредиторов и личными правами должника, так как в семье должника четверо несовершеннолетних детей, которых с использованием автомобиля, являющегося единственным транспортным средством передвижения в многодетной семье, родители доставляют в школьные и дошкольные образовательные учреждения, а также в учреждения дополнительного образования, в поликлинику и на секции.

На наш взгляд, на принятие такого решения повлияло и то, что на торгах уже была реализована квартира, принадлежащая должнику, и была выставлена вторая квартира, средства от реализации которых будут направлены на погашение требований кредиторов, и с большой долей вероятности полностью покроют требования конкурсных кредиторов, в связи с чем исключение автомобиля из конкурсной массы, не затронет интересы конкурсных кредиторов.

Таким образом, решение Верховного суда Российской Федерации было направлено на поиск необходимого баланса между интересами сторон, и с учетом обстоятельств, изложенных выше, цель, на наш взгляд, была достигнута.

Рассмотрим также ситуацию, в которой должник является плательщиком алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка.

Важно отметить, что при заключении соглашения об уплате алиментов, стороны вправе самостоятельно определить размер алиментов, важным условием является то, что размер алиментов, устанавливаемый по соглашению об уплате алиментов на несовершеннолетних детей, не может быть ниже

размера алиментов, которые они могли бы получить при взыскании алиментов в судебном порядке. (Ст. Ст. 81, 103 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) [10].

Российская Федерация является социальным государством (часть 1 статьи 7 Конституции Российской Федерации) [4], под защитой которого находятся материнство и детство (часть 1 статьи 38 Конституции Российской Федерации), интересы детей имеют приоритетное значение по отношению к обычным кредиторам. Равным образом данный вывод следует из положений пунктов 2 и 3 статьи 213.27 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" [11], согласно которым требования кредиторов, включенные в реестр требований кредиторов, удовлетворяются в следующей очередности: в первую очередь удовлетворяются требования граждан, перед которыми гражданин несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, а также требования о взыскании алиментов. Требования кредиторов по текущим платежам удовлетворяются в следующей очередности: в первую очередь удовлетворяются требования по текущим платежам, связанным с уплатой алиментов, судебными расходами по делу о банкротстве гражданина, выплатой вознаграждения финансовому управляющему, взысканием задолженности по выплате вознаграждения лицам, привлеченным финансовым управляющим для обеспечения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве гражданина.

В связи с чем возникает вопрос, может ли заключенное должником соглашение об уплате алиментов нарушать права как кредиторов, так и детей кредиторов?

С одной стороны, кредиторы третьей очереди могут быть ограничены в своем праве взыскать задолженность если должник большую часть своего дохода должен тратить на алиментные обязательства по соглашению об уплате алиментов.

С другой же стороны, согласно позиции Верховного суда Российской Федерации, интересу кредитора в возврате долга не противопоставляется запрещенный законом интерес должника в уклонении от исполнения взятых на себя обязательств (в связи с чем отсутствует и признак сокрытия имущества), а противопоставляются интересы детей как кредиторов должника по алиментному соглашению, интересы которых при этом имеют преимущество [6].

Несмотря на это кредитор не лишен возможности обратиться с заявлением о признании такого соглашения недействительным.

Согласно сложившейся практике, для этого необходимо обосновать, что определенный соглашением размер алиментов является очевидно чрезмерным, при этом оцениваться должна сумма алиментов в абсолютном выражении, а не в процентах от дохода должника, поскольку алименты, которые рассчитываются в процентах от дохода плательщика, не дают возможности точно определить размер средств, которые будут выделены на содержание ребенка. Поэтому соглашение, согласно которому плательщик будет отдавать определенный процент своего дохода в качестве алиментов, не гарантирует, что ребенок получит больше, чем ему требуется.

Кроме того, недействительность соглашения об алиментах в деле о банкротстве может быть подтверждена и через доказывание его мнимости (пункт 1 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации) [2], когда, например, соглашение не носило реального характера, а было заключено исключительно в целях создания искусственной кредиторской задолженности. Как правило, суды обращают внимание на то, когда было заключено соглашение об уплате алиментов, например, незадолго до возбуждения дела о банкротстве.

На наш взгляд, такой подход к разрешению споров о признании недействительным соглашения об уплате алиментов является правильным, так как он позволяет суду всесторонне рассмотреть вопрос о нуждах конкретного ребёнка и не нарушает его права и законные интересы. При определении чрезмерности размера алиментов, установленных соглашением, суд может исследовать потребности конкретного ребенка, проанализировав такие факторы как наличие заболеваний, инвалидность, удаленность проживания от школы, детского сада и т.п., и принять справедливое решение, которое обеспечит баланс интересов сторон в процедуре банкротства.

С учетом изложенного выше, поиск и сохранение баланса интересов сторон в процедуре банкротства необходим и на настоящий момент. Исходя из анализа судебной практики, он может быть обеспечен исключительно путем рассмотрения каждого конкретного случая, путем оценки доказательств судом по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

Список литературы

1. Вавилин Е.В., Волос А.А., Суоров С.Б. Принцип защиты слабой стороны в правоотношении в гражданском праве и гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2016. N 6. С. 170 – 186; СПС "КонсультантПлюс"
2. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/d65fbe0a603d59546c3338bcfc6bf09bb0332817/
3. "Конвенция о правах ребенка" (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/
4. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2023 N 306-ЭС23-17596 по делу N А06-4099/2020
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.10.2017 N 310-ЭС17-9405(1,2) по делу N А09-2730/2016
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2022 N 15-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1

статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Г. Клепиковой"

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 N 45 (ред. от 17.12.2024) "О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187354/

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 48 "О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314621/

10. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/

11. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 N 127-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/

Об авторе:

СОСНИН Владислав Витальевич – аспирант 1 курса юридического факультета направления подготовки 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.

Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Роль вооруженных конфликтов в повышении уровня семейно-бытового насилия

П.А. Фомина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Вооружённые конфликты представляют собой одно из наиболее деструктивных явлений современности. Одним из наиболее тревожных последствий вооружённых конфликтов является увеличение уровня семейно-бытового насилия. В данной работе проводится анализ причин и механизмов, посредством которых вооружённые конфликты способствуют росту насилия в семьях. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что насилие и агрессия по отношению к женщинам как одной из наименее защищенных категорий населения в условиях военного положения, является повсеместной проблемой, часто подобные эпизоды не имеют огласки. Анализ включает в себя четыре вооруженных конфликта: Афганистан (1979-1989), первая Чеченская компания (1994-1996), вторая Чеченская компания (1999-2009) и Украина (2022-н.в.).

Ключевые слова: вооруженный конфликт, семейно-бытовое насилие, ПТСР, «боевая психическая травма».

В последние десятилетия вооруженные конфликты унесли жизни миллионов мирных жителей. Серьезные нарушения международного гуманитарного права и прав человека стали обыденностью в ходе многих войн. При определенных обстоятельствах некоторые из этих нарушений могут быть расценены как акты геноцида, военные преступления или преступления против человечности.

Во время конфликтов женщины сталкиваются с особенно тяжелыми испытаниями. С начала насилия они подвергаются различным формам физического и психологического насилия: убийствам, утрате детей и мужей, пыткам, арестам и перемещениям. Однако в данной работе мы хотим сосредоточиться на проблемах, возникающих в послевоенный период.

Если в ходе вооруженных конфликтов широко распространены преступления против половой свободы и неприкосновенности, то после их завершения возникает ситуация, когда миллионы солдат с травмированной и извращенной психикой возвращаются домой к своим семьям [8].

Диапазон воздействия факторов войны на человеческую психику чрезвычайно широк. Он охватывает многообразный спектр психологических явлений: от ярко выраженных, явно патологических форм до внешне малозаметных, как бы отложенных во времени реакций. Воздействие войны на сознание комбатантов изучалось русскими военными психологами еще в начале XX в. «Острые впечатления или длительное пребывание в условиях интенсивной опасности, – отмечал Р.К. Дрейлинг, – так прочно деформируют психику у некоторых бойцов, что их психическая сопротивляемость не выдерживает, и они становятся не бойцами, а пациентами психиатрических лечебных заведений» [3].

В сфере военной медицины всё чаще применяются такие нетрадиционные терминологические обозначения, которые, тем не менее, отражают клиническую реальность, как боевая психическая травма и боевое утомление.

Речь идёт об афганском, чеченском и украинском синдромах. По информации специалистов, в структуре психической патологии среди военнослужащих срочной службы, участвовавших в боевых действиях во время локальных войн в Афганистане, Чечне и Украине, психогенные расстройства достигают 70%; у офицеров и прапорщиков этот показатель несколько ниже. У 15—20% военнослужащих, прошедших через вооруженные конфликты, по данным главного психиатра Министерства обороны РФ В.В. Нечипоренко (1995), имеются «хронические посттравматические состояния», вызванные стрессом [7].

Участие в войне оказывает безусловное воздействие на сознание, подвергая его серьезным качественным изменениям. На данное обстоятельство обращали внимание не только специалисты (военные, медики, психологи и др.), но и писатели, в том числе и имевшие непосредственный боевой опыт. Достаточно упомянуть Льва Толстого, Эриха-Марию Ремарка, Эрнста Хемингуэя, Антуана де Сент-Экзюпери и др.

Афганская война стала одним из наиболее значимых испытаний для советского общества со времён Великой Отечественной войны. В статистическом сборнике «Преступность и правонарушения», изданном Министерством внутренних дел и Министерством юстиции в 1992 году, отмечается, что в 1978 году, последнем предвоенном году, в СССР было зарегистрировано 1,3 миллиона преступлений, а в 1990 году, первом послевоенном году, – 2,78 миллиона [1].

В ходе Афганской войны, проходившей в период с 1979 по 1989 год, через боевые действия, по официальным данным, прошло около 620 тысяч советских военнослужащих. Однако, согласно информации, предоставленной Союзом ветеранов Афганистана, число участников войны могло достигать 1,5 миллиона.

После завершения конфликта, по данным ветеранской организации, как минимум 35% участников войны нуждались в психологической помощи, а до 70% были готовы в любой момент вернуться в зону боевых действий.

По информации на ноябрь 1989 года, 372 тысячи бывших воинов-афганцев в той или иной степени страдали от алкоголизма и наркомании [11].

При этом Афганская война стала вдвойне травматичной для ее участников со стороны СССР: кампания пришлась на экономический, социальный и политический транзит – Перестройку. «Ребята, которые были призваны на службу, и те военнослужащие, которые были социализированы еще до этого в рамках профессии, вернулись с боевых действий в другую страну. Поэтому Афганская война дала двойную дозу травматизации» [10].

Участники Афганской войны столкнулись с глубоким социальным разочарованием, вызванным обесцениванием государством и обществом идеологии о долге перед родиной и интернациональном долге. Это привело к возникновению множества асоциальных явлений.

Кроме того, необходимо учитывать драму ветерана: они покинули одну сплочённую группу, а другой сплочённой группы «на гражданке» не было видно.

В российском контексте ветераны Афганистана также столкнулись с дискриминацией, как утверждают социологи. Ветераны Великой Отечественной войны имели сакральный статус, в то время как ветераны последующих вооружённых конфликтов такого высокого и социально одобряемого статуса не получали. Это также могло привести к маргинализации участников боевых действий.

Попытка прислониться к репутации ветерана и использовать её не увенчалась успехом. Во-первых, сами ветераны Великой Отечественной войны их отвергали. Во-вторых, не было достаточных правовых инструментов, которые появились лишь впоследствии – принятый закон о ветеранах боевых действий уравнивал всех и открыл страницу для последующих, которые присоединяются уже сейчас [12].

В период с 1994 по 1996 год, а также в 1999–2009 годах, в ходе чеченских войн, по самым скромным подсчётам, в боевых действиях приняло участие не менее 600 тысяч военнослужащих и сотрудников внутренних войск. Согласно данным Центра социальной и судебной психиатрии имени Сербского, к 2003 году 70 % ветеранов конфликта страдали посттравматическим синдромом. В 2004 году среди прошедших через Чечню было зафиксировано более тысячи попыток самоубийства. В 2005 году, по информации Союза ветеранов участников локальных войн, 13 тысяч бывших бойцов состояли на учёте в психоневрологических диспансерах. За тяжкие преступления в местах лишения свободы находилось около 100 тысяч ветеранов локальных войн, многие из которых имели опыт участия в чеченских кампаниях. Одним из резонансных стало дело об участии уфимского ОМОНа, вернувшегося незадолго до этого из Чечни, в массовых «зачистках» в Благовещенске в 2004 году, в результате которых было задержано и избито более 300 человек. Командиры были позже осуждены на условные сроки за превышение должностных полномочий.

Мы не можем точно определить, сколько ветеранов афганской и двух чеченских войн страдает от посттравматического стрессового расстройства, но войны во многом схожи, и можно предположить, что психологические последствия также во многом схожи.

Украинский конфликт представляет собой уникальное явление, которое существенно отличается от того, что исследователи наблюдали в контексте афганской и чеченских кампаний. Это конфликт, который происходит не с далёкой страной, а с соседней, и это меняет восприятие и анализ ситуации. В этом конфликте задействована другая легитимация и обеспечение смыслообразования военных действий. В частности, в конфликте участвуют, в том числе, заключённые со сложной историей идентичности и путями последующей ресоциализации. Это делает перенос афганского опыта на современность некорректным.

Одним из возможных факторов роста преступности в контексте украинского конфликта может стать освобождение участников боевых

действий из числа бывших заключённых. В военных конфликтах в Афганистане и Чечне заключённые не участвовали, однако всплески преступности всё же наблюдались. Мы предполагаем, что получившие помилование заключённые, отбывавшие сроки по тяжким статьям, могут стать значительным криминогенным потенциалом после возвращения в мирную жизнь. У большинства из тех, кто отбывает наказание по тяжким статьям, встречается расстройство личности. У большинства уголовных элементов, таких как рецидивисты, отсутствует тревога и депрессия, что отличает их от обычных людей. Именно возможность негативных последствий останавливает большинство нормальных людей от совершения преступлений. У уголовных элементов же этого нет, и они могут действовать без ограничений, поскольку считают себя героями [4].

Особое место среди участников военной операции в Украине занимали бойцы ЧВК «Вагнер» Евгения Пригожина. Правозащитники предупреждали, что возвращение бывших заключённых после участия в боевых действиях с помилованием может обернуться всплеском насилия.

Первые сообщения об освобождении заключённых, воевавших в составе ЧВК «Вагнер», стали появляться в январе 2023 года. 18 июня 2023 года Пригожин заявил, что на свободу вернулись 32 тыс. бывших заключённых, отслуживших в составе ЧВК «Вагнер», только 83 из них (0,25%), по данным главы ЧВК, на тот момент вновь совершили преступления. «В 80 раз меньше, чем у лиц, освобождающихся из мест лишения свободы за аналогичный период без заключения контракта с ЧВК «Вагнер»», – отмечал он [6].

С января 2023 года СМИ написали более чем о 30 громких насильственных преступлениях с участием ветеранов ЧВК «Вагнер» из числа бывших заключённых.

Одной из причин роста насильственных преступлений в странах-участницах вооружённых конфликтов после окончания боевых действий некоторые исследователи называют влияние боевой травмы и посттравматического стрессового расстройства.

“война формирует безнаказанность, насилие, наплевательское отношение к жизни, к своей и чужой”

В девяностые годы российские психиатры отмечали, что от 30 до 50% ветеранов войн страдают от посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), примерно такое же количество людей проявляют эмоциональную неустойчивость и агрессию [9].

В современных российских исследованиях есть некоторые данные о распространённости ПТСР среди участников боевых действий в Чечне и Афганистане. Согласно статье главного научного сотрудника отделения лечения пограничных расстройств и психотерапии, руководителя международного отдела ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева» Минздрава РФ, профессора кафедры психотерапии, медицинской психологии и сексологии СЗГМУ им. И.И. Мечникова Анны Васильевой, число бывших комбатантов этих конфликтов, страдающих от ПТСР, составляет 23% [2].

Более того, к группе высокого риска развития ПТСР относятся также гражданские лица, которые проживают в зоне военного конфликта, и беженцы. После чеченских конфликтов специалисты наблюдали ПТСР у 31,2% населения, проживавшего в зоне военных действий.

ПТСР – это конкретное, чётко описанное расстройство. Когда говорят о боевой психической травме, в неё включается большое количество разных нарушений, которые возникают у участников боевых действий, включая травматические повреждения головного мозга.

Генеральный директор НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России, главный внештатный специалист-психиатр Минздрава Светлана Шпорт также подчёркивает, что спектр стрессовых расстройств у участников боевых действий не ограничивается ПТСР. «Это могут быть острая реакция на стресс, расстройство адаптации, депрессивные и тревожные расстройства и так далее. Все пациенты требуют своевременной диагностики, лечения и психосоциальной реабилитации», – отмечает она.

В 2023 году в России выпустили клинические рекомендации по лечению посттравматического стрессового расстройства [5]. В настоящее время НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева проводит дополнительное обучение специалистов и преподавателей, способных работать с ПТСР. Аналогичной работой по поручению Минздрава занимаются в НМИЦ ПН им. В.П. Сербского.

Таким образом, мы можем выделить некоторые факторы, влияющие на рост семейно-бытового насилия:

- В условиях вооружённых конфликтов население подвергается значительному стрессу, что может привести к росту насилия в семьях. Психологические травмы, такие как посттравматическое стрессовое расстройство, становятся распространёнными среди участников конфликтов и могут передаваться на членов семьи;

- Экономическая нестабильность, сопровождающая конфликты, приводит к увеличению безработицы и бедности, что создаёт напряжение в семье и может стать причиной насилия;

- Во время конфликтов традиционные социальные нормы могут быть разрушены, что приводит к нормализации агрессивного поведения;

- Отсутствие эффективного законодательства по защите жертв домашнего насилия затрудняет привлечение насильников к ответственности.

Список литературы

1. Александровский Ю. А. Пограничные психические расстройства. М.-Ростов н/Д., 1997. 327 с;
2. Васильева А.В. Посттравматическое стрессовое расстройство в центре международных исследований: от «солдатского сердца» к МКБ-11. Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2022; 122(10): 72-81;
3. Дрейлинг Р. Военная психология как наука // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 161;
4. Каширский Д.В., Старосельцева О.В. Ценности, самоидентификация и личностная мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121–134;

5. Методические рекомендации «Посттравматическое стрессовое расстройство в парадигме доказательной медицины: патогенез, клиника, диагностика и терапия». Утверждены решением Учёного совета НМИЦ ПН им. В. М. Бехтерева от 22 декабря 2022 года;
6. Пашкова Л. Пригожин заявил о возвращении из Донбасса 32 тыс. бывших заключенных / Л. Пашкова // Коммерсант. – 2023 – URL: <https://www.rbc.ru/politics/> (дата обращения: 04.12.2024);
7. Преступность и правонарушения : Стат. сб. / М-во внутр. дел Рос. Федерации, М-во юстиции Рос. Федерации. – М. : Финансы и статистика, 1992-. – 21 см. 1991. – Москва : Финансы и статистика, 1992. – 172;
8. Соловьёва О. В. «Проблема защиты женщин от насилия в условиях военного положения» // elar.urfu.ru. 2022;
9. Съедин С. И., Абдурахманов Р. А. Психологические последствия воздействия боевой обстановки. Учебное пособие. М., 1992. С. 6;
10. Тамим Э.М. Афганский кризис и проблемы его урегулирования : 1988-2009 : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.15 / Эхлас Мохаммад Тамим; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов].- Москва, 2010.- 165 с.: ил. РГБ ОД, 61 10-7/641;
11. Топорков В.М. Афганистан: советский фактор в истоках кризиса /Монография. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014 – 319 с;
12. Федеральный закон от 12.01.1995 N 5-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О ветеранах" // СПС КонсультантПлюс.

Об авторе:

ФОМИНА Полина Алексеевна – студентка 1 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.
Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Правовое регулирование ответственности родителей за ненадлежащее воспитание детей

Э.В. Хмыз

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена обсуждению актуальных вопросов, связанных с ответственностью родителей за ненадлежащее воспитание детей. Правовое регулирование такого вопроса является важнейшим аспектом функционирования института семьи. Раскрываются проблемы и возможные пути решения, связанные с пробелами правового регулирования отдельных аспектов вопроса. Обозреваются возможные виды ответственности родителей за ненадлежащее воспитание детей. Сопоставляются и раскрываются процедуры лишения и ограничения родительских прав и иных методов обеспечения прав ребенка.

Ключевые слова: правовое регулирование, семья, права ребенка, ответственность родителей, права родителей, виды ответственности, воспитание.

В Российской Федерации именно семья является институтом, в котором воспитывается и всячески поддерживается новое поколение. Воспитание детей родителями является неотъемлемой частью не только родительских прав, но и потребностей ребенка. Реализация потребностей ребенка через осуществление родительских прав, в том числе воспитания, позволяет ему полноценно развиваться физически и психически. Осуществление своих прав родителями вопреки интересам ребенка наоборот может навредить ему. В толковом словаре Владимира Даля воспитание указывается “как забота о вещественных и нравственных потребностях малолетнего, до возраста его; в низшем знач. вскармливать, кормить и одевать до возраста; в высшем знач. научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно”. Однако не всегда родители заботятся о потребностях своего ребенка, имеют желание его наставлять или же обучать.

Правовое регулирование представляет собой воздействие права на общественные отношения, в нашем случае на правовые отношения родителей и детей. Стоит уделить внимание понятию ненадлежащего воспитания детей. Воспитание детей в современных реалиях выражается в заботе о социальном, физическом и психическом развитии ребенка. В процессе заботы обо всех трех компонентах ребенок не будет чувствовать потребности в чем-либо. Ненадлежащее воспитание является оценочным понятием, однако критерии его определения можно сформировать из сложившихся норм законодательства и судебной практики. Для начала, ненадлежащее воспитание является уклонением родителей от обязанностей, которые указаны в СК РФ. Однако, родители могут и исполнять обязанности, но если они выполняют их не в полном объеме, несвоевременно, в ущерб ребенку, а также с иными нарушениями закона, то такое воспитание нельзя не назвать ненадлежащим.

Семейный кодекс и Декларация прав ребенка указывают, что ребенок должен быть одним из первых, кому будет оказана защита и поддержка. В поддержку данному утверждению необходимо обратиться к законодательству.

В настоящий момент существует большое количество различной и ранжированной ответственности за ненадлежащее воспитание детей. Связано это с важностью воспитания ребенка. Даже если родители фактически не проживают с ребенком, это не освобождает их от ответственности. Говоря о дифференциации ответственности родителей за ненадлежащее воспитание детей следует указать виды ответственности, к которым родители могут быть привлечены: ответственность, предусмотренная семейным законодательством, уголовная, административная и гражданско-правовая. Таким образом, отношения между родителями и детьми могут привести к множеству различных последствий. Для полного исследования темы следует рассмотреть каждый вид ответственности в отдельности.

Согласно ст. 56 СК РФ “должностные лица организаций и иные граждане, которым станет известно об угрозе жизни или здоровью ребенка, о нарушении его прав и законных интересов, обязаны сообщить об этом в орган опеки и попечительства по месту фактического нахождения ребенка. При получении таких сведений орган опеки и попечительства обязан принять необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка”. Предпосылками ответственности по семейному законодательству для родителей, ненадлежащим образом выполняющих свои обязанности, могут служить предупреждения органов опеки и попечительства или комиссии по делам несовершеннолетних. Говоря об ответственности родителей – самыми распространенными видами ответственности по семейному законодательству являются лишение или же ограничение в родительских правах. Согласно ст. 73 СК РФ “ограничение родительских прав допускается, если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, от родителей (одного из них) не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другие). Ограничение родительских прав допускается также в случаях, если оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их поведения является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав. Если родители (один из них) не изменят своего поведения, орган опеки и попечительства по истечении шести месяцев после вынесения судом решения об ограничении родительских прав обязан предъявить иск о лишении родительских прав. В интересах ребенка орган опеки и попечительства вправе предъявить иск о лишении родителей (одного из них) родительских прав до истечения этого срока” [3]. В случае с ограничением родительских прав первоочередной целью является не наказание родителей, а защита интересов ребенка. Оставление ребенка с родителями может навредить его психическому, физическому здоровью и помешать нормальному развитию. Отличием от лишения родительских прав является то, что родителю разрешены контакты с ребенком с согласия органов опеки. Также, если родитель изменил свое отношение к воспитанию ребенка, суд может отменить ограничение родительских прав. Однако, если родитель не исправится в течение 6 месяцев, органы опеки и попечительства обязаны будут подать иск уже о лишение родительских прав родителей, которые ненадлежащим образом воспитывали

ребенка. Лишение родительских прав, регулируемое Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 N 44 и ст. 63 СК РФ, предусматривает конкретные обстоятельства для лишения родительских прав родителя. Закрытый перечень случаев, при которых родитель будет лишен родительских прав показывает, что лишение родительских прав является крайней мерой ответственности по семейному законодательству. При неэффективности иных, более мягких мер и при совершении родителями более противоправных действий, лишение родительских прав является единственным выходом.

Следующим видом ответственности стоит указать административную ответственность. Согласно ст. 5.35 КоАП РФ “неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от ста до пятисот рублей” [2]. Размер санкции по данной статье является, по нашему мнению, слишком незначительным для исполнения функции такого наказания. Функцией статьи 5.35 КоАП РФ является предупреждение следующего нарушения прав ребенка и возможное исправление родителя. Однако, пятьсот рублей в таком случае не являются стимулом для начала надлежащего исполнения своих родительских обязанностей. Данная штрафная санкция предусматривала такой размер ответственности на момент ее введения в КоАП РФ в 2007 году. Логично, что на тот момент такой размер штрафа мог казаться весомым, но на данный момент таковым не является. В юридическом сообществе, в том числе в научных работах ученых-юристов, давно актуальна тема ужесточения наказания за неисполнения родителями своих обязанностей по воспитанию детей по КоАП РФ. Стоит отметить, что Федеральный закон от 22.06.2007 N 116-ФЗ изменил санкцию, установив актуальную в 100-500 рублей. Предыдущая редакция закона предусматривала штраф от одного до пяти минимальных размеров оплаты труда. А это, к слову, от 20 тысяч рублей до 96 тысяч рублей. Такой размер административного штрафа однозначно бы был стимулом для осуществления родителями своих родительских прав.

Согласно ст. 65 СК РФ “способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей”. Говоря об уголовной ответственности за неисполнение родителями своих обязанностей по воспитанию ребенка необходимо отметить важность защиты семьи и несовершеннолетних для законодателя. В УК РФ такой защите выделена глава 20. Данная глава предусматривает ответственность не только за неисполнение обязанностей по воспитанию детей, но и за иные преступления родителей против несовершеннолетних детей. На основании анализа судебной практики и структуры нормы можно понять, что жестокое обращение с несовершеннолетним предусматривает как нравственные, так и физические страдания последнего. При этом нравственные страдания ребенка выражаются в оскорблениях, унижении и ином психическом воздействии на несовершеннолетнего. Физическое воздействие включает не любой возможный

вред ребенку. Так, можно указать, что в понятие жестокого обращения включены побои ребенка родителями, а также причинение ими легкого вреда здоровью. Такие деяния полностью охватываются только ст. 156 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации. Однако, любые иные деяния, в том числе, насилие над ребенком, причинение среднего или тяжкого вреда ребенку потребуют дополнительной квалификации по соответствующим статьям Уголовного кодекса. Из-за того, что данные преступления происходят внутри семьи и зачастую совершаются в отсутствии свидетелей, можно говорить о латентности таких преступлений. Скрытый характер подобных преступлений требует от органа, расследующего преступление против несовершеннолетнего, сложного и долгого сбора доказательств для установления реальности причиненного вреда. При расследовании вместе с иными доказательствами оценке и проверке подвергаются документы органа опеки и попечительства, а также государственных органов системы профилактики, которые составлены в ходе взаимодействия с лицами, которые занимаются воспитанием ребенка.

Таким образом, правовое регулирование ответственности за неисполнение родителями своих обязанностей по воспитанию детей регулируется сразу несколькими федеральными законами и ПП ВС РФ, но на сегодняшний день такая законодательная база недостаточна разработана. В случае, к примеру, с КоАП РФ санкция за подобные деяния устарела и не выполняет возложенных на нее функций ввиду малой санкции. Уголовная ответственность является крайней степенью ответственности для родителя. Санкция, предусмотренная ст. 156 УК РФ содержит несколько видов наказания родителя за свои деяния, в том числе, и дополнительную санкцию, в виде запрета заниматься определенной деятельностью и занимать определенные должности. Однако в этом случае проблема кроется не в санкции, а в том, что такое преступление сложно раскрыть. Лишение или ограничение родительских прав, а также отобрание ребенка у родителей установлены, как методы защиты прав ребенка, предусмотренные семейным законодательством. Лишение и ограничение в родительских правах являются крайними мерами защиты несовершеннолетнего и его прав, когда остальные методы, в том числе предупреждения органов опеки и попечительства, уже не работают.

Анализируя все вышеперечисленные виды ответственности за неисполнение родителями обязанности по воспитанию ребенка можно сделать вывод, что правовое регулирование данного вопроса на данный момент не до конца доработано законодателем. Возникает ряд очень важных вопросов для сегодняшнего положения ребенка в РФ. Станет ли социально неблагополучная семья благополучнее, если оштрафовать родителей на 500 рублей? Однозначно нет, обеднение одного из родителей на небольшую сумму не изменит отношения родителя к ребенку, а наоборот, может озлобить родителя ввиду потери денег “из-за ребенка”. Уголовная ответственность предусматривает и лишение свободы на срок до 3 лет. “Лица, отбывающие или отбывшие наказание, за время пребывания в местах лишения свободы испытывают на себе влияние различных негативных факторов, которые в дальнейшем затрудняют его социальную адаптацию” [7]. Говоря об ответственности по

семейному законодательству следует задаться определенным вопросом. Лишение родителя родительских прав однозначно лучше скажется на ребенке, и он будет изъят из обстановки, которая вредила ему физически и психологически. Однако, работа над самой неблагополучной семьей, родителями ребенка, не проводится. И в долгосрочной перспективе “на баланс бюджета”, то есть, в детский дом, поступит еще один ребенок таких родителей, который оказался в точно таких же условиях проживания, как и предыдущий ребенок. Исходя из данных рассуждений, следует понимать, что вопрос защиты прав ребенка тесно связан с его родителями. Говоря об этом, логичным решением будет позаимствовать конструкцию из уголовного права и переработать ее. Предупреждение преступления представляет собой недопущение еще не состоявшегося преступления различными методами. В нашем случае нужно не допустить нарушения прав ребенка в семье и привлечения родителей к ответственности ввиду устранения оснований. Притом такая позиция не является новой и рассматривалась юристами еще 12 лет назад. Речь идет о социальном патронате, который так и не был введен в законодательство РФ. Тогда опытное введение данного вида социальной поддержки в Москве показало впечатляющие результаты по снижению количества лиц, лишенных родительских прав. Социальный патронат предполагал работу с социально неблагополучной семьей до момента, когда будет слишком поздно. То есть, до привлечения к ответственности родителей по какому-либо основанию.

Еще одним возможным вариантом правового регулирования ответственности родителей за ненадлежащее воспитание детей может быть заимствование опыта иностранных государств по данным вопросам. К примеру, опыт Германии, страны с достаточно строгими законами, где действует ведомство по делам молодежи, аналог нашего органа опеки и попечительства. Это ведомство занимается не только неблагополучными семьями, что является важнейшим аспектом в решении проблемы правового регулирования. Изъятие ребенка и социальное сопровождение семьи происходит повсеместно и со всеми семьями, что улучшает положение ребенка и позволяет предотвратить нарушения прав ребенка. Также изъятие ребенка или разъяснительные беседы с родителями происходят не из-за каких-либо проступков родителей, а из-за неисполнения условий содержания и воспитания ребенка, которые прямо прописаны в законе. Внедрение требований к условиям воспитания ребенка позволит более полно и всесторонне регулировать привлечение родителей к ответственности. В том числе сформируется закрытый перечень, в котором будут указаны основания привлечения к различным видам ответственности.

Таким образом, из проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Воспитание ребенка является кропотливым, тяжелым и долгосрочным процессом, который требует от родителей высокой степени ответственности и внимательности к ребенку. Право родителей на воспитание ребенка не зависит от воли родителей. Ребенок, рожденный в конкретной семье, должен этой семьей воспитываться, и расти в ней на началах заботы об интересах ребенка. Но некоторые жизненные ситуации или обстоятельства, не зависящие от воли

родителей, могут усложнить реализацию права на воспитание ребенка. В таком случае права ребенка нарушаются. Ответственность родителей за их поведение должна являться крайней мерой, когда восстановить и обеспечить соблюдение прав ребенка другими доступными средствами невозможно. В реальности привлечение родителей к ответственности является единственным инструментом защиты ребенка. Приведенные в исследовании предложения по предупреждению нарушения прав ребенка заметно улучшат положение неблагополучных семей в Российской Федерации. Наличие фондов социальной помощи семьям и реабилитация неблагополучных семей благоприятно скажется на ребенке. В любом случае семья, как основной источник заботы о ребенке, лучше справится со своими обязанностями, чем детский дом или приемная семья. Семья для ребенка должна являться важнейшим институтом, который прививает ему правосознание и иные важнейшие аспекты личности. На данный момент в законодательной системе РФ не до конца развит институт поддержки неблагополучных семей. Подобные предложения направлены не на оставление ребенка в неблагополучной семье для того, чтобы его права дальше нарушались родителями. У любого нарушения, в том числе, преступления по отношению к ребенку, есть свои причины. И действия, подобные жесткому обращению, не должны игнорироваться в угоду реализации поддержки семьи. К примеру, установив в нормах закона, в том числе, в СК РФ обязательный переход суда с лишения родительских прав на ограничение, суд при решении спора будет исходить из интересов ребенка в той же мере при наличии каких-либо сомнений, а также оснований, при которых жизни ребенка может грозить опасность. И в заключение хочется указать, что родители воспитывают ребенка на основании своего права и на свое усмотрение, в зависимости от внутренних убеждений, реализуют свое право по-разному. Однако такая свобода выбора вариантов воспитания родителей никаким образом не может нарушать права ребенка.

Список литературы

1. Декларация прав ребенка. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года.
2. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ.
3. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ.
4. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ.
5. Абдуллаева С. Д. Ответственность родителей за ненадлежащее воспитание детей по семейному законодательству РФ / С. Д. Абдуллаева – 2022. – № 34. – С. 503-509.
6. Алексанян А. А. Ответственность родителей за ненадлежащее воспитание детей / А. А. Алексанян – 2015. – № 1-2(11). – С. 115-123.
7. Дегтярева Л. А. Эффективность пенитенциарной системы в РФ, Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2016. – С. 1800-1802.
8. Маньшина К. В. Виды ответственности родителей за ненадлежащее осуществление прав и исполнение обязанностей по воспитанию детей / К. В. Маньшина //Том 3. – Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2018. – С. 218-221.
9. Рыбалкина В. А. Ответственность родителей за ненадлежащее воспитание детей / В. А. Рыбалкина // Modern Science. – 2020. – № 5-2. – С. 205-209.

10. Числова Е. А. Правовое регулирование ответственности родителей за ненадлежащее содержание и воспитание детей / Е. А. Числова – Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 2019. – С. 148-152.

Об авторе:

ХМЫЗ Эвелина Владимировна – студентка 1 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.

Подписано в печать: 31.01.2025 г.

К вопросу о необходимости закрепления принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в семейном законодательстве Российской Федерации

Н.А. Цветков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье проанализированы теоретические аспекты принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка. Рассматриваются особенности представленного принципа, а также практическое применение данного принципа. Раскрывается разграничение понятий «запросы ребенка» и «интересы ребенка». Отмечается, что в семейном законодательстве делается акцент на приоритетном характере интересов детей, в связи с чем отсутствует необходимость закрепления принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка. *Ключевые слова:* интересы ребенка, принцип наилучшего обеспечения интересов, приоритет интересов ребенка, семейное законодательство.

Одним из приоритетных направлений государственной политики является защита прав и законных интересов человека и гражданина во всех сферах общественной жизни. Следует отметить, что особое значение в данной сфере имеет защита прав и законных интересов несовершеннолетних граждан.

В Конвенции о правах ребенка 1989 года, а именно в пункте 1 статьи 3, сказано, что во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка [1].

Переходя к закреплению понятия интересов ребенка в семейном законодательстве Российской Федерации, стоит отметить, что именно принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка своего отражения в Семейном Кодексе Российской Федерации [2] не нашел. При этом, среди ученых-юристов не прекращаются дискуссии по поводу обоснования значения принципа наилучшего обеспечению интересов ребенка.

В своей работе Кабанов В.Л. указывает: «Предназначение принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка состоит в том, чтобы обеспечить полномасштабную и эффективную реализацию всех прав ребенка, для чего требуется разработка подхода, основанного на достижениях международного права защиты прав человека с вовлечением всех заинтересованных сторон с целью обеспечить физическую, психологическую, моральную и духовную целостность и неприкосновенность ребенка и содействовать уважению его человеческого достоинства» [5, С. 84]. При раскрытии принципа автор отмечает, что основное значение принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка заключается в реализации всех прав ребенка.

Дорина В.В. отмечает, что субъективная оценка обстоятельств может вызывать злоупотребления со стороны государственных органов, родителей, специалистов, при этом, Конвенция не дает определения понятию «интерес

ребенка», однако указывает на необходимость действовать исходя из индивидуальности каждого конкретного случая, не ограничивая толкование этого понятия [3, С. 114]. Данное мнение показывает, что подведение принципа под единый стандарт позволит только законодательно закрепить такие критерии, которые не во всех случаях на практике для ребенка могут стать действительно наилучшими, что позволяет согласиться с выводом автора о необходимости индивидуального подхода к каждой конкретной ситуации с целью избежать какого-либо нарушения прав несовершеннолетних.

Возвращаясь к позиции Кабанова В.Л., обозначим, что в своем диссертационном исследовании автор акцентирует внимание на разработке подхода с целью обеспечения физической, психологической, моральной и духовной целостности, а также обеспечении неприкосновенности ребенка и содействия уважению его человеческого достоинства с целью реализации принципа наилучших интересов ребенка.

Автор полагает, что должен быть разработан подход, целью которого является соблюдение шести критериев, действующих в определенной связке друг с другом. При этом, не указано, будет ли соблюдаться принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, если не будут соблюдены все критерии. Возникает вопрос, каким образом определяется, достигнута ли, к примеру, духовная или психологическая целостность. Соответственно, создание подхода усложняется отсутствием закрепленных на законодательном уровне условий, раскрывающих содержание физической, психологической, моральной и духовной целостности ребенка.

Немаловажным является разграничение понятий «запросы ребенка» и «интересы ребенка», так как в силу своего возраста несовершеннолетние не всегда могут разграничить вышеназванные дефиниции, поскольку содержательное наполнение интересов ребенка зависит от множества разнообразных факторов. Однако исследование данной проблемы возможно только с участием ученых-психологов, так как с точки зрения юриспруденции могут возникнуть сложности при определении истинных и ложных интересов ребенка, поскольку истинный интерес ребенка ему может казаться ложным и наоборот. Несовершеннолетние в силу своего возраста, психологического развития иногда в полном объеме не могут знать и понимать свои потребности. Интересы ребенка следует рассматривать с точки зрения социального и воспитательного аспекта. Социальный и воспитательный аспект представляют собой различные области формирования личности, на которые оказывает влияние воспитательный процесс. Эти области взаимодействуют друг с другом, что усиливает и обогащает функцию каждой из них.

Действительно, интерес обладает отличными от запроса чертами. Являясь следующим элементом механизма деятельности, он уточняет, опредмечивает и конкретизирует запросы. Интерес носит более подвижный индивидуализированный и осознанный характер.

В своей работе О. Ю. Ильина отмечает, что законодатель делает акцент не на «наилучшем», как это предусмотрено Конвенцией, а на приоритетном, т.е. преимущественном характере интересов детей, что имеет совершенно другую

смысловую нагрузку [4, с. 39]. Действительно, слово «наилучший» обозначает превосходную степень слова «лучший», а именно предпочтительный из всех возможных вариантов. Слово «приоритетный» обозначает преобладающий или же первостепенный, самый важный. Соответственно, акцент законодателя на приоритетном, а не на наилучшем интересе детей обусловлен прямым значением вышеназванных понятий и заключается именно в преобладающем характере интересов детей.

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка заключается в обеспечении и реализации всех прав ребенка. При этом, четко не определено, как данный принцип должен осуществляться. В семейном законодательстве Российской Федерации отсутствует необходимость закрепления принципа наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних поскольку в семейном кодексе акцент сделан именно на приоритетном характере интересов детей, предусматривающим особые меры их охраны и защиты.

Список литературы

1. Конвенция ООН о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 45. Ст. 955. 7 СЗ РФ. 2011. № 51. Ст. 7452.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ // СЗ РФ от 1 января 1996 г. N 1 ст. 16.
3. Дорина В. В. Понятие "наилучший интерес ребенка" в международном праве / В. В. Дорина // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2021. № 5. С. 113-119.
4. Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации / О. Ю. Ильина; Ин-т гос-ва и права Рос. акад. наук. М.: Городец, 2006. 191 с.
5. Кабанов В. Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка по международному и национальному праву / В. Л. Кабанов. Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Экон-Информ", 2018. 332 с.

Об авторе:

ЦВЕТКОВ Никита Алексеевич – аспирант 1 года обучения Тверского государственного университета направления подготовки 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: tsvetkov.nik@inbox.ru

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.
Подписано в печать: 31.01.2025 г.

Процессуально-правовые аспекты установления факта родственных отношений в судебном порядке

М.П. Шишкова

ФГБОУ ВО Тверской государственный университет, Тверь

Факт установления родственных отношений наряду с установлением факта нахождения на иждивении, регистрации рождения, усыновления (удочерения), брака (расторжения брака), признания отцовства, это те категории, которые чаще всего встречаются в судебном разбирательстве. Несомненно, большую часть из этих фактов устанавливают органы ЗАГС посредством выдачи соответствующих свидетельств, тогда возникает вопрос: когда же необходимо обращаться в суд? В статье рассматриваются особенности рассмотрения судами дел об установлении факта родственных отношений.

Ключевые слова: родство, установление факта родственных отношений, особое производство.

Как известно, родственные отношения имеют большое значение в различных аспектах общественной жизни. Так, подтверждение родства требуется при принятии наследства или для совершения некоторых других нотариальных действий, для получения преимущественного права на опеку или попечение, для оформления различных пособий (например, пенсии по случаю потери кормильца).

Чаще всего подтверждение родственных отношений не вызывает проблем, если у гражданина имеются следующие документы (в зависимости от того, с каким членом семьи необходимо доказать родство):

- 1) свидетельство о рождении;
- 2) свидетельство о заключении брака;
- 3) свидетельство об установлении отцовства;
- 4) свидетельство об усыновлении/удочерении;
- 5) свидетельство о перемене имени.

Однако бывают ситуации, когда такие документы были утрачены. Что же тогда делать?

Во-первых, если подтверждение родства требуется для совершения нотариального действия, то нотариус может самостоятельно подтвердить родство. Для этого он направляет запрос об истребовании сведений и документов с помощью электронного межведомственного взаимодействия с органами ЗАГС [2]. Стоит отметить, что с октября 2018 года началось ведение Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния (далее – ЕГР ЗАГС). В данном реестре содержатся сведения о рождении, заключении и расторжении брака, установлении отцовства, усыновления (удочерения), перемене имени и смерти. В связи с этим в случае, если заявитель не может предоставить документы, которые содержат информацию о родстве, то ему не обязательно самому идти в органы ЗАГС.

Во-вторых, гражданин может обратиться с заявлением о выдаче повторного свидетельства или архивной справки в органы ЗАГС. К сожалению, бывают случаи, когда на запрос нотариуса в ЕГР ЗАГС приходит отрицательный ответ.

Причиной тому могут быть ошибки в актовой записи или отсутствие передачи сведений из региональной системы (когда свидетельство было выдано в другом регионе или государстве) и так далее. Тогда гражданину необходимо обращаться в органы ЗАГС самостоятельно. Заявление он может подать или непосредственно в органе ЗАГС по месту своего жительства, или с помощью Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций).

В-третьих, установление факта родства в судебном порядке. К такому способу стоит обращаться в тех ситуациях, когда нет возможности подтвердить родство методами, описанными выше. Важными условиями для подачи заявления об установлении факта родственных отношений являются цель и отсутствие возможности получения документов в ином порядке (статья 265 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК) [3]).

В заявлении важно обратить внимание на доказательства невозможности получения документов, подтверждающих факт родства [4, с. 270]. Такими доказательствами может выступать, например, извещение об отказе в выдаче документа, подтверждающего наличие факта государственной регистрации акта гражданского состояния или об отсутствии записи актов гражданского состояния. Другим важным аспектом составления заявления является привлечение заинтересованных лиц. В качестве заинтересованных лиц привлекаются как правило другие наследники той же очереди [7], орган ЗАГС, выдавший извещение [8], нотариус, в производстве которого находится наследственное дело [9]. Исходя из анализа более 100 судебных решений судов общей юрисдикции, наиболее часто встречаются в качестве доказательств, которые подтверждают родство, свидетельские показания.

Установление факта родственных отношений как правило рассматривается судами или в порядке особого производства, или в порядке искового производства.

Выбор вида судопроизводства зависит от цели установления факта. Так, при отсутствии спора о праве такая категория дел рассматривается в порядке особого производства. К сожалению, практика судов общей юрисдикции отражает сложность в дифференциации требований в заявлении: спорные ли правоотношения ими затронуты или нет. Как правило, эта проблема возникает при необходимости установления родственных отношений для принятия наследства. Наиболее ярким примером выступает, на наш взгляд, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2019 № 5-КГ19-8 [5]. Заявителями по делу выступают родные брат и сестра Почуевы. Установление факта родственных отношений им было необходимо для получения свидетельства о праве на наследство после их умершей матери Почуевой (Каревой) Федосьи Михайловны.

Заявление ими было подано в порядке особого производства. Почуевы Нина и Николай в обосновании своего требования пояснили, что они в установленный законом срок приняли по всем основаниям наследство после матери, однако спустя какое-то время (в пределах срока) Николай Григорьевич отказался от причитающейся ему доли в наследстве. По истечении полугодия Нина Григорьевна обратилась в нотариальную контору с целью получения

свидетельства о праве на наследство, но ей было в этом отказано в связи с отсутствием документов, бесспорно подтверждающих факт родственных отношений.

Проблема была в том, что в свидетельстве о рождении Нины Григорьевны в графе мать была вписана «Карева Ф.М.». Как было установлено судом первой инстанции, Федосья Михайловна при регистрации брака с Почуевым Г.А. оставила свою девичью фамилию, но позже сменила ее.

В суд апелляционной инстанции поступило возражение от Департамента городского имущества г. Москвы по данному делу, ввиду чего суд посчитал наличие спора о праве на наследственное имущество (квартиру), а значит – дело подлежит рассмотрению в порядке искового производства. В следствие этого суд отменил решение суда первой инстанции и оставил заявление Почуевых без рассмотрения.

Тогда суд кассационной инстанции, отменяя апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда, обратил внимание на цель установления данного юридического факта, а именно на то, что его установление требовалось не для разрешения в дальнейшем спора о праве.

Таким образом, своим определением Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации оставила в силе решение Измайловского районного суда г. Москвы.

Другим важным моментом, связанным с целью установления факта родственных отношений, является то, что такой факт должен быть непосредственно влиять на возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан (ч. 1 ст. 264 ГПК РФ). Однако и с данным условием могут быть проблемы. Рассмотрим в качестве примера Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.03.2024 года № 5-КГ24-2-К2 [6]. Исходя из обстоятельств дела становится понятно, что в Перовский районный суд обратилась Алексеева Лидия Николаевна с заявлением об установлении факта рождения. Целью установления факта являлось желание Алексеевой Л.Н. быть в будущем захороненной вместе с родителями, на родственном месте. Однако судами первой, апелляционной и кассационной инстанций ей было отказано в установлении факта рождения.

Указанные суды мотивировали свои определения тем, что цель установления факта рождения Алексеевой Л.Н. не порождает никаких юридических последствий.

Судебная коллегия верно отметила, что в силу положений Закона о погребении и похоронном деле на территории Российской Федерации [1] каждому человеку после его смерти гарантируются погребение с учетом его волеизъявления. Исполнение волеизъявления умершего о погребении его тела (останков) или праха на указанном им месте погребения, рядом с ранее умершими гарантируется при наличии на указанном месте погребения свободного участка земли или могилы ранее умершего близкого родственника либо ранее умершего супруга.

Пункт 1 ст. 5 Закона предусматривает, что волеизъявление лица о достойном отношении к его телу после смерти – пожелание, выраженное в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме быть погребенным на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям, рядом с теми или иными ранее умершими. В случае отсутствия волеизъявления умершего право на разрешение действий, указанных в п. 1 ст. 5, имеют супруг, близкие родственники (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, дедушка, бабушка), иные родственники либо законный представитель умершего, а при отсутствии таковых иные лица, взявшие на себя обязанность осуществить погребение умершего.

Как отметила Судебная коллегия, в соответствии с п. 2.10. Приложения № 2 к Постановлению Правительства Москвы от 8 апреля 2008 г. № 260-ПП (в ред. от 22 ноября 2022 г.) «О состоянии и мерах по улучшению похоронного обслуживания в городе Москве» при отсутствии архивных документов захоронения в могилы или на свободные места в оградах производятся с разрешения администрации кладбища на основании письменных заявлений близких родственников, захороненных (степень их родства должна быть подтверждена соответствующими документами) при предъявлении гражданами документов, подтверждающих захоронения на этом кладбище.

Таким образом, основанием для принятия решений о выделении места захоронения или о выдаче разрешения на захоронение помимо соответствующего заявления лица, взявшего на себя ответственность за погребение (ответственного лица за захоронение), является предоставление документов, предусмотренных законодательством, в том числе свидетельства о смерти умершего (оригинал) и документа, удостоверявшего его личность. Возможность реализации права заявителя на захоронение в могиле своих родителей зависит от предоставления необходимых документов, подтверждающих родственные отношения между ним и его родителями.

Как можно заметить, без установления факта родства Алексева Л.Н. не смогла бы быть захоронена вместе с родителями.

Итак, на наш взгляд, Судебная коллегия абсолютно справедливо отменила определения судов предыдущих инстанций.

Следует отметить, что установление факта родственных отношений в судебном порядке довольно сложный процесс, требующий внимания со стороны судебных органов к обстоятельствам, представленным заявителями.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «О погребении и похоронном деле» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гройсберг, А. И. К вопросу об установлении судом факта родственных отношений в наследственных правоотношениях / А. И. Гройсберг // Актуальные теоретические и

практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты. – 2014. – № 1. – С. 266-274.

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2019 № 5-КГ19-8 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.03.2024 года № 5-КГ24-2-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Решение Майкопского городского суда Республики Адыгея № 2-2136/2020 2-2136/2020~М-1566/2020 М-1566/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 2-2136/2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/xd1ked2hoVba/> (дата обращения: 30.09.2024).

8. Решение Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербург № 2-3746/2023 2-460/2024 2-460/2024(2-3746/2023;)-М-3210/2023 М-3210/2023 от 27 февраля 2024 г. по делу № 2-3746/2023 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/zCyOuRusXNLI/> (дата обращения: 30.09.2024).

9. Решение Теучежского районного суда Республики Адыгея № 2-1562/2023 2-88/2024 2-88/2024(2-1562/2023;)-М-1335/2023 М-1335/2023 от 28 февраля 2024 г. по делу № 2-1562/2023 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/VvTK8SzTdsNF/> (дата обращения: 30.09.2024).

Об авторе:

ШИШКОВА Мария Петровна – студентка 1 курса магистратуры программы подготовки «Правовые основы семьи и брака» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: mpshishkova@edu.tversu.ru

Принято в редакцию: 13.01.2025 г.

Подписано в печать: 31.01.2025 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Сборник научных статей

Подписано к использованию: 05.03.2025. Заказ № 41.
Электронный образовательный ресурс.
Издательство Тверского государственного университета.
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. (4822) 35-60-63.